

УРАЛЬСКИЙ следопыт

www.uralstalker.ru
uralstalker@mail.ru

**КОНЕЦ
ЛЕДНИКОВОГО
ПЕРИОДА
3 февраля
ЛЕДОВЫЙ ГОРОДОК на пл. 1905 г.
г. Екатеринбург**

- выставка спортивного снаряжения с 10:00
- показательные выступления 14:00
- штурм городка 16:00
- награждение 19:30



9 770134 241006 01008

УРАЛЬСКИЙ следопыт

uralstalker.ru



январь 2008

Уральский следопыт, январь 2008



НА СЕРГЕ

«Уральский следопыт» передал 3000 книг библиотеке с. Платоново

Журнал «Уральский следопыт» продолжает проект «Не дай свече погаснуть». Основная цель проекта — пополнение библиотечных фондов сельских библиотек.

16 декабря «Уральский следопыт» отвез около 3000 книг в библиотеку села Платоново (на границе Свердловской и Пермской областей). Эта акция проводилась при поддержке Свердловского регионального общественного фонда поддержки партии «Единая Россия», в лице вице-президента фонда Инги Шайнуровой.

Редакция «Уральского следопыта» занимается поддержкой сельских библиотек практически с момента своего создания — 50-х годов XX века. Авторы и добрые друзья редакции передают излишки книг «Следопыту».

Как сказал куратор проекта, редактор раздела «Река времени» (история, краеведение) Юний Горбунов, эти книги в библиотеке ждали с нетерпением, поскольку современных уральских авторов в маленьких библиотеках практически нет. Что же касается классической литературы, в частности, произведений школьной программы, — на всех имеющегося количества экземпляров не хватает.

Благодаря редакции «Уральского следопыта» в библиотеке с. Платоново появились книги Г. Дробиза, Ю. Бриля, сборник Екатеринбургского рассказа, где произведения Николая Ни-

конова, Владимира Блинова, Бориса Путилова, Александра Чуманова и многих других; а также книги классиков русской и мировой литературы: Гончарова, Тургенева, Платонова, А.

Толстого, Л. Толстого, Драйзера, Мопассана, Бальзака и т.д.

Для каждого выпускника школ «Уральский следопыт» подарил справочник «Учебные заведения города».



Заведующая Павленковской библиотекой А. Зверева и директор Дома культуры с. Платоново М. Шестакова приняли книжный дар от редакции

загадка и заставляла снова и снова возвращаться к портрету. (Манткаве позировала его жена.)

...1972-й, разгар нашего с ней длительного знакомства. Неужели эта загадка была уже тогда, только пряталась где-то в глубине? Но я совсем не замечала эту твердость — при внешней мягкости, это трагическое, глубоко запрятанное... что? Ощущение? Знание? Предвидение? Где-то между усталостью и смутным разочарованием... Ведь ее глаза, если присмотреться, — совсем из другой, очень непростой, глубинной жизни души. Какой уж там «нацеленный в будущее взгляд»...

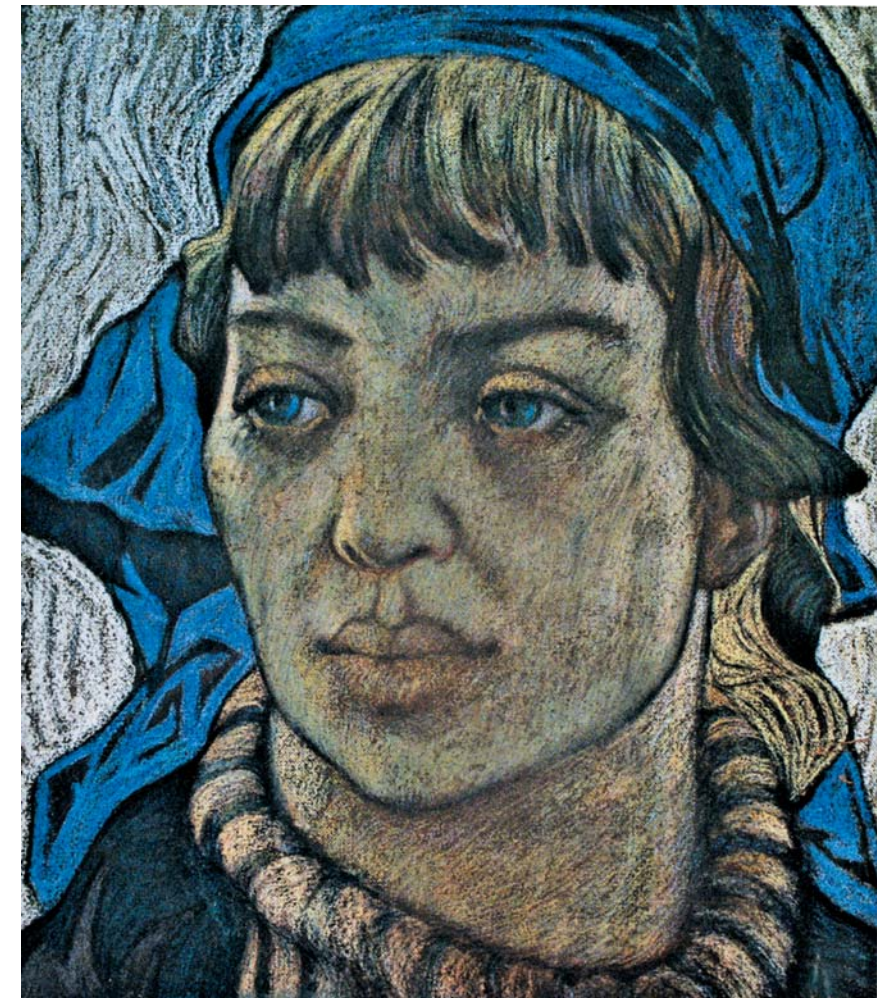
И тут меня осеняет. Портрет поколения, в жизни которого явное и тайное трагически не совпадают, — вот что такое Гивина «Рыбачка»! А маскарад под «человека труда», да еще этот «синенький скромный платочек», — всего лишь то, что и требовалось показать.

...Бескрайнее, до горизонта, поле продолжается где-то за рамками картины, за пределами выставочного зала, города, да что там, — всего огромного куска суши, от которого когда-то на краю океана откололся кусочек и стал нашим островом... И по всему необозримому пространству этого поля — мешки с картошкой. Аккуратненькие такие мешочки-пенечки, только небо, земля и они. Серые, одинаковые, скучные.

Господи, да ведь это наша жизнь.

Он ушел в первых числах января 2003-го, ему было семьдесят три. Без малого полвека прожил на Сахалине. В 1999-м — участник Всероссийской художественной выставки в Москве.

Альбом, изданный во Владивостоке уже после смерти художника, — заслуга его жены, журналистки Лины Аверичевой. Синеглазой «Рыбачки».



Рыбачка. 1973 г. Оргалит, пастель



Тузлук. 1989 г. Оргалит, масло

Журнал «Уральский следопыт» достойно закончил 2007 год



На городском проекте «Пресса года-2007», проходившем в библиотеке главы города, журнал признан победителем конкурса «Общественное мнение» в номинации «Самое востребованное издание».

Кроме того, Наиль Шаймарданов от имени руководителя Регионального исполнительного комитета Свердловского регионального отделения Всероссийской политической партии «Единая Россия» Л.А. Раппопорта на собрании общественных объединений вручил благодарность редакции журнала. Он отметил активную каждодневную корпоративную работу «во имя общего успеха», подчеркнув, что СРО ВПП «Единая Россия» и «Уральский следопыт» — одна команда



Поздравляем юбиляра

«Уралу» скоро стукнет пятьдесят. «Урал» — это журнал такой. Толстый. Не то, что мы. Упитанный. Много печатает всякого. Хорошего и чуть похуже. Любит, например, драматургию. Не то, что мы. А мы ведь с вами второгодники. Повторяем уже когда-то пройденный урок под названием «капитализм». И вот герои пьес, которые печатает «Урал», почти что истерически, до слез хохочут над нами. И поделом: когда история повторяется, она уже драмокомедия.

Еще печатает романы. Толстые. Не то, что мы. Хорошие. Или непонятные. За которые хвалить нельзя, а надо давать исключительно Букеровские премии.

А еще много печатает литературной критики. Не то, что мы. Критики, которая как-то очень неохотно стаскивает с себя кирзовые сапоги и надевает удобную обувь долгожданной эссеистики, грязных следов не оставляющей.

Ой да много еще чего найдете вы в де саде-огороде журнала «Урал» начала века.

Пятьдесят — это вам не баран чихнул, как говаривал какой-то классик. С чем мы от всего своего тонкого «Следопыта» и поздравляем «Урал». Исполать ему и долгих лет творческой жизни! И не худеть!

Редакция журнала
«Уральский следопыт»



7 Один из постоянных авторов «Уральского следопыта» **Нина Гарельшева** поделится уникальными материалами о татарской школе, созданной в 30-е годы в Свердловске.



64 Вещи, близко соприкоснувшиеся с историей, сами сделали ее. Предметы, побывавшие вместе с их хозяевами в нечеловеческих условиях, предметы, чьи хозяева совершили настоящий подвиг — открыли человеку дорогу на Север. Об уникальной полярной выставке в материале **Евгении Извариной**.

10 **Варвара Ключева** в своем фантастическом рассказе предложит свою версию ответа на вопрос о природе гения: «Мне в скитаниях всегда сопутствует удача. Чутье подсказывает, куда двигаться дальше. Но так, как на Земле, пожалуй, еще не везло. Сколько тут гениев, объявленных безумцами...».

38 Человек, нечаянно запутавшийся в пространстве-времени, вряд ли выйдет из этих бесконечных и необозримых сетей без потерь. Но существует и Время, потерявшее свое пространство. С таким Временем столкнулась героиня рассказа **Александры Усмановой**.

4 **Вадим Осипов:**

Я в Палкино. Здесь падает листва. Шум города практически не слышен. Звучит вода, отпущенная свыше, И все живое спрятано в слова.

23 **Александр Чуманов:**

«Когда после всего безумства я появился в...доме, оба родителя встретили меня истерикой. Оказывается, за время моего отсутствия они не только милицию на ноги подняли, но и целое сыское агентство...».



20 **Ирина Кузнецова** поделилась впечатлениями о путешествии на Северный Урал. Завораживающие пейзажи, снежные просторы и величественные леса, и стремление автора постигнуть и запечатлеть, словами и фотографией природу во всем ее великолепии, — погружают читателя в загадочный и притягательный уральский Север, — мир, разрастающийся, если быть сопричастным, до размеров Космоса.

44 **Алексей Курочкин** рассказал об экспедиции уральцев на Кавказ, с восхождением на Эльбрус. Ребятам пришлось нелегко...





УРАЛЬСКИЙ следопыт uralstalker.ru

январь 2008



Лидер
Уральского
Турбизнеса
2007

РЕКА ВРЕМЕНИ

<u>Далекое — близкое</u> Н. ГАРЕЛЫШЕВА	Была такая школа.....	7
<u>Тропой поиска</u> Ю. ГОРБУНОВ	Писательницы России	9
<u>Возвращение из Леты</u> В. ГОЛДИН	Магдалина Вериго.....	42
<u>Музеи</u> Е. ИЗВАРИНА	Помни о Севере.....	64
<u>Родословная</u> А. КОЗЫРЕВ	Иваны, помнящие родство.....	70
<u>В мире прекрасного</u> В. ФИННОВА	Спасибо, Гиви.....	79
АЭЛИТА		
<u>Повод для улыбки</u> В. КЛЮЕВА	Посредник.....	1 0
<u>Сумма технологий</u> Е. ЛОТОШ	Ошибки и штампы в фантастике	1 5
<u>Законы Вселенной</u> М. БОБРОВ	Группа поддержки	5 0
<u>Координаты чудес</u> А. УСМАНОВА А. ГРИДИН	А дело было летом.....	3 8
	Проще простого.....	7 2

СВЕЧА ГОРЕЛА

<u>Время мастера</u> В. ОСИПОВ А. ЧУМАНОВ	Стихи	4
<u>Молодые имена</u> К. КОМАРОВ Е. ДУРЕКО	История Вовы и Светы	2 3
<u>Новые встречи</u> А. ВАЛАЕВА Л. БОГДАНОВА	Стихи	3 5
	Стихи	5 8
	Стихи	6 6
	Стихи	6 8

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

<u>Заповедные земли Урала</u> Р. ТИХОНОВ И. КУЗНЕЦОВА	Серга — своенравная река.....	1 4
<u>Здравницы Урала</u> А. АСТАШКИНА	Северный Урал... Сказка зимой и летом.....	2 0
<u>Путешествие</u> А. КУРОЧКИН	«Изумрудный берег» даст фору Лазурному....	1 8
<u>Дети в походе</u> С. БОРИЧ	Третья категория сложности: восхождение на Эльбрус	4 4
	«Гарусинка» Каменного пояса	5 9

Главный редактор — Максим Ю. Фирсов.
Редакторы разделов — Ю.А. Горбунов,
Б.А. Долинго, С. А.Надь.
Худ. редактор, верстка — Ю.В. Ульянова.
Художники — А.А. Федотов, А. Митрофанова,
Я. Ахметшина, Я. Суворова.
Ответственный секретарь - Е. Ю. Дуреко.
Набор — В.М. Кадочникова.
Корректор — Т. В. Сергеевко.

Учредитель — ООО «Уральский следопыт».
Издатель — СОЮЗ «Трудовой коллектив редакции
журнала «Уральский следопыт».

Редакционный совет —
Владислав Крапивин, Сергей Казанцев,
Борис Стругацкий, Геннадий Пашкевич,
Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Вадим Осипов,
Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет —
• Евгений Виноградский, м.с.м.к., «Снежный Барс»;
• Евгений Савенко, чл. Союза фотохудожников
России;
• Семен Спектор, заслуженный врач России.
• Дмитрий Бугров, ректор УрГУ.

Выпуск издания осуществлен при поддержке **Министерства физкультуры, спорта и туризма Свердловской области.**

Все школы г. Березовского получают журнал
«Уральский следопыт» благодаря администрации
города и главе города В.П. Брозовскому

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».
Адрес редакции и издателя: 620014,
г. Екатеринбург, пр. Ленина, 22, 4 подъезд.
Почтовый адрес: 620014,
г. Екатеринбург, а/я 479
E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.ru

Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной
службы по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного
наследия по УрФО
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС11-1375, вы-
дано 07.09.2007 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным
правом на логотипы и название журнала. Рукописи при-
нимаются отпечатанными не менее 12 шт, по 60 знаков
в строке, 28–30 строк на странице. Каждая страница
рукописи должна быть подписана автором. Обязательно
прилагать информацию об авторе; указывать согласие на
публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую
и редакторскую правки. В первую очередь рассматривают-
ся рукописи, дополненные электронной версией (E-mail,
дискета, CD).

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При от-
правлении электронных сообщений обязательно заполнять
поле ТЕМА. Любое использование материалов журнала
допускается только с письменного согласия ООО «Ураль-
ский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт»
обязательна.
Материалы рубрики «Добрые попутчики» Уральского
следопыта» и отмеченные знаком публикуются на
правах рекламы.

По вопросам приобретения журнала обращаться по тел.
(343) 269-22-34.
Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.ru» вы можете
через:
– Почтовые отделения Свердловской области, каталог
МАП, подписной индекс 31646
– Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспе-
чать», индекс 73413
– Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе
– Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России
– Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧ-
ТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья
Кроме того, мы предлагаем Вам подписку через редак-
цию. Справки по тел. (343)269-22-34

«Уральский следопыт.uralstalker.ru», № 4 подписан к печати
25.12.2007 года.
Печать офсетная. Тираж 4500. Отпечатано в типографии
ООО ПТЦ «ЯСА», г. Краснотурьинск, ул. Чкалова, 4.
Заказ № 190.

* * *

Я в Палкино. Здесь падает листва.
Шум города практически не слышен.
Звучит вода, отпущенная свыше,
И все живое спрятано в слова.
Достаточно произнести: «бутон»,
Как тут же раскрываются соцветья,
И будешь ты в тревоге и в ответе
За каждый их полупрозрачный тон.
Прошепчешь: «птица» — жаворонку петь.
А крикнешь: «осы!» — полетят за медом
И станут гнезда строить за комодом,
А тут зима — ну, как им уцелеть?
Так осторожней относись к дарам,
За буквой буква слово набирая —
Кого ты вызовешь нечаянно, играя?
Кто подойдет, негаданный, к дверям?

СТИХИИ

Вода

Циркуляция, или вращение, вод
замедляется там, где сгущение соков,
где трава упирается в призрачный свод
со следами каких-то особенных сроков.
А куда ей спешить, оживленной воде,
если двигаться вверх равносильно признанию,
что начертанный свыше тяжёлый предел
недоступен для всякого роста и знания?
Лучше молча терпеть напряжение сил
и под сумрачный дождь подворачивать спину,
поднимая собою асфальт и настил,
воплощая собою ожившую глину.

Земля

Твой влажный ком, таящий семена,
воспринимаю как живую кожу —
зачем шептать друг другу имена,
когда меня и так с тобой уложат?
Пронизанная жадностью корней,
заброшенная глупым поколеньем,
ты ждешь того, кто будет поумней
и встанет пред тобою на колени.
И вот ему отдашься ты легко,

набухнет грудь под полотняным снегом,
чтоб черное густое молоко
готовить новорожденным побегам.

Огонь

Отдать полночи, чтобы оценить
искусство в мельтешеньи тонких пальцев,
свивающих и тут же рвущих нить
космических пронзительных канальцев.
Всё вышло из огня. Чем шире горизонт,
чем дальше первобытное кострище,
тем громче пироманский дикий зов,
ведущий напрямик на пепелище.
Рожденный молнией, раздутый на ветру,
огонь под вечер прячется в лампы,
и снова к нам восходит поутру,
рождая мифы и творя улады.

Воздух

Так быстро стирает пернатую трель
движение шумных воздушных течений,
и леса осеннего острую прель
уносит, как стебли подводных растений.
Стихию разрежет гребной караван,
влекомый вперед колебаньем оркестра,
но зрительный зал заполняет туман,
не слышно ни звука с последнего места.
Но голос, мой голос — упрямый пловец,
упругим плечом проминающий небо,
он должен тебя покорить, наконец,
смирняя любовью бурление гнева.

* * *

Снега нет. Зима ушла.
Губы лопнули по швам —
Сверху небо разливали
По ладоням и ковшам.
Хорошо с ладони пить,
Чтобы губы погубить
И зрачок воды прозрачной
Поцелуем с толку сбить!
Где кончается стекло?
Сколько жизни утекло?
Незаметную границу
Солнце днём пересекло.
А в земле любой росток
Знает силу и восторг
Неизбежного движенья
И поэтому жесток.



Вадим Вениаминович Осипов родился 8 мая 1954 года в Свердловске. Член Союза писателей России, преподает фотографию в УралГАХА. Член редакционного совета «Уральского следопыта». Автор восьми поэтических сборников и восьми персональных фотовыставок: это результат конкуренции между поэзией и фотографией в душе.

* * *

...И уже хорошо. Закипая,
Поднимается шапкой сирень.
В этом вареве сила такая,
Что сминается летняя лень.
Колдовству рецептуры не надо,
Голос мастера резок и сух —
И щепотку холодного града
Он в котел добавляет на слух.
А задумался — вырвалась пена
И пошла по букетам гулять,
По столам, по этюдам и сценам.
В изголовье — и ночь не унять!

* * *

Трава как мясо, невпрокос.
Июль стремителен и жарок.
Воспринимается всерьёз
Любой намёк, любой подарок.
Из тёмной тучи — сразу град.
Пойдём купаться — это праздник!
Возьмёшь клубнику наугад —
Для целой жизни счастье блазнит.
А что для встречи хороша
Под вечер старая веранда —
Так это русская душа
Любому жару страшно рада!

* * *

Время, время... Кровь из вены,
Праздник срубленных цветов.
Та любовь была мгновенной,
Эта — в тысячу листов.
Колют тонкие секунды.
Или это комары?
Или это сок цикуты
Капнул с неба до поры?
Так медлительно минуты
Набираются в горсти,
А до дня наполнят утро —
Ни поднять, ни унести.
Снова старит наши лица
Бледной ночи маета,
Но зато как в детстве длится
Поцелуя темнота!

* * *

В деревянном доме воздух
Пахнет стружкой смоляной —
Одурманивает прозу
До поэзии хмельной.
Чуть поскрипывают доски,
Чуть потрескивает печь —
Так лесные отголоски
Дом старается сберечь.
Непогодой пережеван,
На ветру покой храня,
Равнодушия чужого
Он боится как огня.

А всего-то дому надо,
Чтоб хозяин по бревну
Потрепал его в награду
За тепло и глубину.

* * *

Я фотограф. У меня тренога
И в тяжелых складках черный плащ.
Не меняйте позы, ради Бога,
Суета — причина неудач.
Каждая секунда — это вечность.
Залит мир во времени стекло,
И немеет молнии конечность
На весу держать небесный склон.
А еще, когда наводишь резкость,
Из тумана проступает суть,
И сопротивляется нередко,
Мол, смотри, грехи не прорисуй.
Вот и держишь наготове ретушь,
Наглый косметический обман —
Цензором вымарывать секреты
В этих письмах про чужой роман...
Так упрямо одноглазый ящик
Наступает угловатым лбом, —
Это мы сегодня в настоящем,
Завтра просто вклеены в альбом.



* * *

Звёзды падают в пропасти.
 Это август, дружок!
 Вёсел мокрые лопасти
 Да пустой бережок.
 Может, зря мы надеялись
 На длинную жизнь,
 Сожалеть о содеянном
 Никогда не брались?
 Даже если и бегали
 Нагишом по росе,
 Та поляночка пегая
 Пожелтела, как все.
 Даже если упрямылись,
 Постигая азы,
 То дороже за правильность
 Заплатили в разы.
 Ну да нечего с ужасом
 Коротать вечерок,
 И давай-ка обсушимся,
 Запалим костерок.
 Путь наш — мокрая досочка
 Под холодным дождем.
 Видишь — неба полосочка?
 Вот туда и пойдём.
 Непогода—попутчица,
 Да пустой бережок.
 Загорать не получится —
 Это осень, дружок.

* * *

Такая тенденция — проза.
 Поза.
 Такая погода — морозы.
 Поздно.
 Никак не дождешься извоза
 возле
 дверей, приоткрытых на звёзды.
 Глюкоза
 поёт о простом и серьёзном.
 Заноза
 в испуганных лёгких,
 где воздух
 смерзается быстро и грозно.
 Мой козлик,
 куда ты в поэты, серьёзно?
 Там козни,
 там нужен насмешливый возраст —
 берёзы
 пускать на растопку и розы
 как розги
 использовать типа угрозы.
 Увозит
 меня подвернувшийся возчик.
 Эй, тёзка!
 Мы оба поэты гудков паровозных!
 Стрекозы
 над нами горячкой тифозной.
 Ты создал,

а я всё записывал, дёргая ноздри.
 Проклятый обозник!
 Тебе-то легко, а Парнас одиозный
 елозит
 под тяжкою ношей навозной...
 На гвозди
 развешаны ночью светила, и возглас
 в морозном
 пару пропадает. Кто создал
 стремление к метаморфозам?
 Не познан.

* * *

Но тёмная вода
 И светлая пороша —
 Такие чудеса
 Пойдут по ноябрю...
 На небе кто—то звёзд
 Рассыпчатых накрошит,
 Приманивая ночь
 В морозную петлю.
 Как пойманный зверёк,
 Она мурыжит лапу
 И бьётся о стволы
 Позёмкой голубой.
 А выйдешь за порог —
 И спрячется внезапно,
 И только тишина
 Останется с тобой.
 Ах, русская зима,
 Скорей бы ты случилась,
 Твоих сугробов жду,
 Глубоких и густых.
 Из них—то по весне
 Являются как милость
 И первая любовь,
 И тайны трав лесных.

* * *

Сусальным золотом листвы
 Покрыты изваянья парка.
 Пустые небеса чисты,
 И след полета словно арка.
 Мешает слишком яркий свет
 И прорастание тревоги
 Сквозь этот легкий белый след
 Как прорицание дороги.
 Мы были с птицами в родстве,
 Но разошлись в далеком прошлом.
 То ловим их на воровстве,
 То в холода еды накрошим.
 А нужно помнить лишь одно,
 Залог действительного счастья:
 Нам с ними общее дано —
 И улетать, и возвращаться.

Была такая школа

Все началось со строительства уральского завода-гиганта тяжелого машиностроения в 30-е годы прошлого столетия. Чтобы воздвигнуть такое детище, прославившее во всем мире марку УЗТМ, потребовалось много рабочей силы, молодых, здоровых, выносливых людей.

Население Свердловска в те годы пополнялось за счет приезжих и «вербованных». Целые семьи потянулись из Татарии, Башкирии, других областей. Те, кто нашел здесь место под солнцем, укоренились навсегда.

В молодых татарских и башкирских семьях подрастали дети, их надо было обучать грамоте, причем на родном языке. Тогда-то и возникла необходимость создания татарской школы. Естественно,

была большая потребность и в грамотных преподавателях, владеющих татарским языком. Одной из первых молодых преподавателей стала Гаухар Алпарова, родом из Башкирии, студентка второго курса Свердловского педагогического института. Я познакомилась с ней гораздо позже, в самом начале шестидесятых годов, когда училась в вечерней школе № 7.

Галина Михайловна Вавилова (Алпарова) давно уже носила фамилию мужа, а имена в те годы было принято переименовывать на русский манер. Она преподавала у нас химию и очень любила свой предмет. Уроки вела увлеченно. Следует заметить, что школа № 7 славилась сильным педагогическим коллективом. Здесь работал заслуженный учитель РСФСР

Л.У. Тестоедов, математик. Школа находилась в центре, на углу улиц Ленина и Тургенева, в одноэтажном здании бывшей женской гимназии. Теперь на этом месте новый университетский корпус.

Многие выпускники нашей школы поступали в вузы. Из седьмой вышли, ставшие известными, журналист Станислав Троицкий, уральский писатель Николай Никонов, оперный певец народный артист Владимир Огновенко.

И случилось так, что после окончания вечерней школы мне пришлось работать с Галиной Михайловной еще один учебный год – в качестве лаборантки. Я поступила в Уральский университет, стипендия была крохотная, помогать некому. Пришлось идти работать. Я попала в тот единственный выпуск, ко-



Областная олимпиада детского творчества. 1940 г. В верхнем ряду четвертая слева Альфия Усманова



В первом ряду сверху вторая слева Г.А. Алпарова (Вавилова)

торый вместо 5 лет учился 4 года. Мы учились под лозунгом «Даешь пятилетку в четыре года». Поэтому каждый день было по четыре пары лекций – с 9 до 16 часов. А с 17 до 22 часов я исполняла роль лаборантки, а заодно и киномеханика – крутила учебные фильмы. Но это так, к слову.

С Галиной Михайловной за этот год я очень подружилась. Дружбу поддерживала до конца ее жизни. И не только я. Наш класс был дружным, каждые 5 лет мы собирались на юбилей нашей учительницы, бессменного классного руководи-

теля. Обычно роль организатора выпадала на мою долю. Праздновали мы весело, душевно, с музыкой, песнями и танцами.

Однажды в начале 80-х годов Галина Михайловна высказала, как оказалось, свое давнее желание: собрать ее первых учеников татарской школы, в которой она преподавала в 30-е годы. Тогда-то Галина Михайловна и рассказала мне, как однажды в институте ее вызвали в деканат прямо с лекции. Юная студентка так перепугалась, что потеряла дар речи. Тем более, что русским языком владела еще

очень слабо. А когда ей объяснили, что ее просят преподавать в татарской школе, она перепугалась еще больше: что она может? Она еще сама ученица! Но... уговорили.

Вот тех первых ее учеников и хотелось увидеть Галине Михайловне в своем доме. Оказалось, что адреса нескольких человек она имела. По цепочке, от одного к другому, мы разыскали 11 бывших ее учеников. Все они были приглашены на приближающийся очередной юбилей нашей учительницы.

Ах, какая это была встреча! Помню, я увидела пожилых красивых женщин и галантных мужчин. Среди них были инженеры, учителя, экономисты, музыканты. Какое удовольствие получили все, присутствовавшие на этой встрече! Как молодели лица, как загорались глаза при воспоминании давно ушедших, но таких милых, радостных школьных дней.

А совсем недавно мне посчастливилось встретиться с двумя замечательными женщинами, выпускницами той татарско-башкирской школы – Ракией Сайфуловной Замалутдиновой (Сайфулиной) и Альфией Мухамедовной Хагировой (Усмановой). Обе они в августе – сентябре отметили 80-летние юбилеи, но память о детстве была свежа, и события тех лет вспоминались легко и подробно.

Дружба этих женщин удивительна: началась она с 3-летнего возраста, когда они, взявшись за руки, ходили в детский сад на улицу Допризывников и по несколько раз в день провожали друг друга до дому. Альфия жила на ул. Сакко и Ванцетти, а Рафия – на Челюскинцев. С 5 лет они самостоятельно могли пойти на парад к площади им. 1905 года. Теперь трудно представить, чтобы дети в таком возрасте могли одни преодолевать такие расстояния. Тогда же времена были спокойные: родители много работали, дети с ранних лет привыкали к самостоятельности.

Вон они сидят передо мной, две почтенные женщины, красивые, несмотря на возраст, и неспешно рассказывают о своей жизни. А ря-



В первом ряду сверху вторая слева Г.А. Алпарова (Вавилова)



Альфия Мухамедовна (слева) и Ракия Сайфуловна

дом лежат фотографии, запечатлевшие их в разные годы. Самое первое фото сделано в детском саду много лет назад. На другом девочки уже школьницы, в большой группе хора участников олимпиады детского творчества. Снимок сделан в театре оперы и балета им. Луначарского перед выступлением. Дата — 29 июня 1940 года. Обе девочки учились успешно, подтверждение этому — фотография группы отличников учебы.

Татарская школа была неполной средней — то есть семилетней. Находилась в двухэтажном здании на углу улиц Ленина и Сакко и Ванцетти, которое сохранилось до наших дней. Директором школы был М.Г. Шаймарданов, завучем М.Г. Усманов (отец Альфии); он же преподавал татарский язык. Позже Усманов ушел на фронт, а вернувшись, преподавал в училище, работал в областном отделе народного образования. Русский язык преподавал В.Н. Финкельштейн, биохимию вела Г.А. Алпарова, немецкий язык — Берева, и только физику и математику преподавала на русском языке С.Н. Зверева.

Школа жила интересно и очень насыщенно. Постоянно работали кружки: драматический, хоровой, балетный, духовых инструментов. Софья Нигматулина вместе с Венерой, дочерью директора школы, занималась

балетом. Назим Нигматуллин и Анвар Рахматуллин осваивали кларнет и саксофон. Они впоследствии стали прекрасными музыкантами. Многим ученикам дала школа правильное направление в их жизни.

В самом конце 30-х годов в мире становилось все тревожней. Перед Отечественной войной для девочек стало обязательным посещение санитарных дружин, где их обучали навыкам медицинских сестер. Мальчики осваивали правила ПВО — противоздушной обороны.

Шел уже второй год войны, когда подруги закончили школу. Именно в этом, 1942-м, татарско-башкирская школа как самостоятельное учебное заведение закончила свое существование. В Свердловск с полем сражения прибывало много раненых бойцов; требовались помещения для госпиталей. Русская и татарская школы были совмещены в одном здании (в татарскую школу в ту осень записалось всего 8 учеников). Но школа за годы своей работы выполнила очень важную миссию: она привила своим ученикам любовь к родному языку, к обычаям, научила грамоте, помогла адаптироваться в жизни.

От автора: материал написан исключительно по воспоминаниям действующих лиц. Вполне возможны некоторые неточности, ведь память человека — инструмент, увы, несовершенный.

Юний ГОРБУНОВ

ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы
для биобиблиографического словаря)

В

ВИТТОРФ *Елизавета Эрастовна (1861 — ?), переводчица.*

Венгеров. Источ.

ВИХМАН *Ольга Максимовна (псевд. Зив, Ольга), писательница.*

«Твои друзья». М., 1939; «Счастливое детство». М., 1940.

Масанов.

ВИШЛИНСКАЯ *Екатерина, переводчица.*

Пер. с франц. «Превращение маленькой Луцилии в разные виды, приятный и полезный подарок детям на новый 1825 год» М., 1825.

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

ВИШНЕВСКАЯ *Е. Н.*

Сост. «Книгу для чтения» (Казань, 1901).

Венгеров. Источ.

ВИШНЕВСКАЯ *Надежда Сергеевна (псевд. Минеева, Н.).*

Член Ленингр. об-ва драматич. писателей.

Масанов.

ВИШНЕВСКАЯ *О. Э.*

Сотр. в журн. «Вестн. знания» (1916) — В-ская, О.; Пер. с польск. ром. Г. Жулавского «На серебряной планете» («Вестн. иностр. лит.», 1908. № 1,2); пер. с польск. ром. Г. Даниловского «Ласточка» («Вестн. инстр. лит.», 1906. № 10 — продолж.).

Масанов.

ВИШНЕВСКАЯ *Ольга Павловна (псевд. Кашина, О.).*

Член Моск. об-ва драматич. писателей.

Масанов.

ВИШНЯКОВА *Прасковья Ивановна (1887 — 1967), авт. воспоминаний.*

Работница, член РСДРП, большевичка. «Начало пути». — В кн. «Слово о пратии». М., 1964. С. 15-29; «Тюремные годы». — «Старый большевик», 1933. № 1. С. 159-178.

ИДРДВ. Т. 4. Ч. 2. № 3144, 4343.

ВЛАДИМИРОВА *А.*

Авт. кн. «Кухня как путь эмансипации женщины» (Вильна, 1877).

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

ВЛАДИМИРОВА *А. К.*

(См. Европеус А. К.)

(Продолжение на стр. 13)

Посредник

Капитан Олег Дыхов вторую неделю был на взводе. Не в том смысле, что его понизили до взводного (ибо служил он вовсе не в доблестных вооруженных силах, да и понижение ему пока не грозило — наоборот, еще недавно светила звездочка покрупнее), а в том, что пребывал в состоянии нервного возбуждения. Возбуждение это, поначалу радостное, вроде ажитации людомана, дорвавшегося до рулетки, или молодого пойнера, учувшего долгожданную дичь, потихоньку расцветало все более тревожными тонами, и к исходу первой недели Дыхов напоминал скорее игрока, спустившего за вечер месячное жалование и не выигравшего ни единой ставки. Если же кому-то больше по душе сравнение с пойнером, вообразите вздрюченного пса, вылетевшего по горячему следу к большой воде и обнаружившего лишь пятна ряби, тающие в туманной дали.

Между тем причина его нервозности, некто Виктор Жучков, даже не подозревал о страстях, что бушевали в капитанской душе. К счастью для себя, Жучков, он же личный дыховский агент по кличке Жук, много о чем не подозревал. Парень сильно бы расстроился, просвети его кто-нибудь насчет службы Дыхова. А как он разочаровался бы в жизни, узнай о собственном статусе, даже подумать больно.

Правда, настоящим агентом Жучков не был. Его никто не вербовал, его имя и кличка не фигурировали в милицейских рапортах и протоколах и ему не платили за предоставляемые сведения. Он, вообще говоря, понятия не имел о том, что их предоставляет. Жук считал себя ловким, изворотливым де-

льцом-посредником, работающим исключительно на себя и способным облапошить самого черта. На деле же, при всей своей хитрости, был он существом недалеким и — при умелом подходе — довольно простодушным.

Дыхов подход нашел. В нежном возрасте Олег с Витькой болтались в одном дворе и учились в одном классе, но дружбы между ними не получилось. Витька, страдаемый жаждой наживы, вечно пытался кого-то надуть, что-то загнать или выменять с выгодой для себя. Водиться с ним было скучно. Позже пройдоха нашел себя на ниве посреднических услуг, шастал по тусовкам и фарцовкам, вынюхивал, кому что надо и почему продается, и устраивал сделки, снимая жирненький навар. Однажды, незадолго до совершеннолетия, он сорвал солидный куш, благодаря которому получил отсрочку от армии и переехал в собственную квартирку, так и оставшись в неведении о том, что Олег после дембеля избрал ментовскую стезю. Когда же через пяток-другой лет страну озарил здоровый рыночный капитализм и разорившийся Жук вернулся под отчий кров, Дыхов носил уже исключительно штатское и на вопросы о работе отвечал расплывчато. У Жучкова почему-то сложилось впечатление, что бывший одноклассник, как и он, перебивается случайными, не вполне законными заработками.

Искушенный опер его не разубеждал, быстро сообразив, что Витька-Жук по-прежнему жаден и неразборчив в средствах. А значит, наверняка вертится в околоскриминальных кругах и может быть полезен в качестве источника инфы.

Олег втерся к нему в доверие, они стали приятелями и собутыльниками. А за бутылкой, само собой... Изображая зависть и восхищение, Олег расспрашивал о Витькиных делах, спрашивал совета, глядел в рот и ловил каждое слово, вовсю играя на человеческом тщеславии и раскручивая Жука на хвостовство. Вот так, благодаря пьяненьким откровениям, менты однажды и обезвредили одного педофила, попутно взяв под колпак притоносодержателя; вычислили двух наркодилеров, заодно ликвидировав оба канала доставки героина; привлекли к ответственности трех организаторов заказных убийств, пристрелив киллеров на задании; предотвратили серию терактов, уничтожив склад оружия, и взяли шайку отпетых мошенников, заполучив шикарный компромат на пятерых депутатов госдумы.

Естественно, столь ценного источника берегли изо всех сил. Жука ни разу не привлекли за пособничество и даже старались оградить от треволнений, повязывая его клиентов, когда те гарантированно выходили из контакта с посредником. И Жук продолжал приносить пользу отечеству, находясь в счастливом неведении относительно своей высокой миссии.

Но недавно в отлаженном механизме случился сбой. Дыхову шепнули, будто Жучков чудит. В один промозглый день бесценный агент с утра занял пост у дверей некоей булочной и отстоял там до самого закрытия, отлучаясь только в кусты. Бессменная вахта длилась три дня. Лил дождь, налетал холодный шквалистый ветер, и, постоянно видя сквозь витрину странную фи-

Варвара Ключева родилась в 1964 году в Москве. Окончила МГУ. Преподавала высшую математику, численные методы и программирование. Параллельно занималась переводами художественной литературы (издаются с 1992 г.). Автор полутора десятков детективов (сериял «Пять Ватсонов», «Черный ангел», «Каиново семя» и др.; издаются с 1999 г.). Готовится к печати роман-фэнтези.

гуру, нервничали и обсчитывали покупателей продавщицы. Жучков все больше съеживался и чаще топтался, но не уходил.

На четвертый день Дыхов дождался вечера, купил полдюжины пива и отправился в гости. Однако Жук, против обыкновения, приятелю не обрадовался, от пива, сославшись на нелады с желудком, отказался, и разговора не получилось. За неделю Дыхов, раскручивая упряма, испробовал почти все известные ему трюки: подсылал выгодных «клиентов» и красоток разных амплуа, заманивал Жука на стадион и в сауну и даже организовал ему ночную отсидку в «обезьяннике» родного управления. Все было напрасно. Клиентов Жучков отшивал, на красоток не реагировал, заманчивые приглашения отклонял, а настойчивым ментам резонно заявил, что ничего противоправного не совершил, а потому в своих поступках отчитываться не обязан.

Опер забеспокоился всерьез. Беспрецедентная сдержанность Жука наводила на мысль, что парень влюбился, вляпался в нечто крайне опасное или рассчитывает урвать баснословный куш. Либо и то и другое и третье. Так или иначе, Дыхов желал быть в курсе его дел. Поднатужившись, он вспомнил безотказный способ. Купил дорогого коньяку, варварски сдобрил напиток некоей инъекцией, придумал повод, не позволяющий жертве уклониться от выпивки даже на смертном одре, и снова нанес визит.

Уже в прихожей выяснилось, что ухищрения с инъекцией были излишними. Жук, не снеся суровых погодных условий, простыл, расклеился и безвольно излил приятелю душу.

– Ты, Олег, только не подумай, будто у меня крыша поехала. Ведь сначала хотел я тебя в долю взять, а потом прикинул: нет, помалкивать надо, а то можно в дурку сыграть. Чес-слово, хотел, мамой клянусь! Ясно, жаба давила малехо, но тут такие бабки светят – десять чубайсов не наворуют! Мне ни в жисть столько не потратить. А в одиночку, я понял, дельце не провернуть. Вон,

по дурусти чуть не загнулся. В общем, слушай... Только не разболтай никому и не гогочи, лады?

Помнишь, был у нас в школе такой Юрка Пучков? Ушастый шкет, вечно ходил в соплях и приспущенных штанах. В седьмом классе его от нас в школу для дебилов перевели. Вот-вот, он самый. Моя маманя с теткой евонной вместе работала, так я про него наслушался до тошноты. Юрка еле-еле закончил восемь классов, родительница хотела инвалидность ему выправить, да не выгорело: медики сказали, недостаточно слабоумный. Лет пять провалялся на диване, ни фиги не делал, только с магом своим возился. Шуршание какое-то записывал, скрипы, скрежет, грохот... Или еще кошачьи вопли. Дичь, короче, жуткую. Короче, заколебал он свою мать, озверела она от него и от этих кошачьих концертов, мужа себе нашла и слиняла. Дескать, раз он не инвалид, пускай сам себя обслуживает, а с меня хва. И тетке ездить его кормить тем более некогда. Юрка повалился-повалился на диване, сожрал что было в доме и повадился было у соседей харч кланчить. Но нашелся один добряк, пристроил его на рынок уборщиком. Потом маманя моя на пенсию вышла и про Юрку больше не трюндела, так что я про него и думать забыл.

Ну вот, а недавно подыскивал укромный уголок клиенту одному и увидел объявление о продаже подходящего подвала. Звоню, мне говорят: поздно, уплыл подвал, только что задаток внесли. А местечко-то больно подходящее: дом на отшибе и вход с глухого торца. Я – в контору, сую секретарше на косметику, чтоб договор показала, гляжу – елы-палы, Пучков Юрий Антонович, проживает на соседней улице! Не может быть, думаю. Заваливаюсь к нему, звоню в дверь, он открывает. И точно – Юрка. Все тот же шибздик ушастый, и труники так же висят, полжопы открывая. Ну, мне миндальничать некогда, я сразу быка за рога.

Юрка, говорю, уступи этот подвал, я тебе задаток верну и сверху пару тыщ кину. Но оказалось, Юрку бабло напрочь не греет. Забирай,

говорит, даром, только устрой мне по-быстрому такое же звукоизолированное помещение где-нибудь поблизости. Я сразу по-деловому блокнот достаю, щеки надуваю. Тебе, спрашиваю, по какой цене и каких размеров? Да положить мне на цену, говорит. Сколько запросят, столько и дам.

Тут-то у меня в башке и звездануло. Как все это понимать? Юрка, ору, ты что, забурел? Ну да, отвечает, вроде того. Эге, думаю, здесь надо остороженько, не спугнуть придурка. А на хрена тебе подвал, спрашиваю. «Студию звукозаписи хочу, симфонии свои на приличной аппаратуре буду записывать». И машет на дверь комнаты. До меня только тут доперло: у него там за дверью грохочет почище, чем в штамповочном цеху. Я под эти жуткие звуки пытаюсь скумекать, как бы выпытать, где Юрка денег добыл? А он, дурик, сам раскололся, и хитрить не пришлось. Предупреждаю: история – отпад, никто не поверит. Но я все, что мог, проверил, явной лажи нет. И потом, ему мозгов не хватит такую придумать.

В общем, топал как-то Юрик по улице, ворон считал и налетел на какого-то мужика – башкой ему прямо в пузо врезался. Ну, столкнулись да разошлись, вроде и все дела. Только мужик-то больно приметный – рослый, толстый, белобрысый, да еще в веснушках. Короче, Юрка его запомнил. Потом они снова встретились, потом опять, здоровяк здороваться начал, да чудно так, не по-нашему: «Страстфуй-те». Пучок, ясное дело, решил, что этот фрукт – немец, и стал тоже стал в ответ лыбиться, кивать: наше, мол, почтение.

Так они и раскланивались с недельку, когда однажды немец возьми да и скажи:

– Юри, я пы хотеть фаш музик слушать.

Другой бы напрягся: откуда он меня знает, кто ему про «музыку» наплел и чего, вообще, немцу от меня надо. А этот расплылся до ушей, потащил шпиона к себе домой и давай какофониями глушить. Немец слушал-слушал и говорит:

– Юрий, я спать такие, кто фаша чутный музик покупать и платить мноко тенек. Фы посфолите мне это гешефт тля фас устроить?

И Пучок – ну что с дебила взять? – даже не спросил: кто покупает, сколько платит и какой процент немчура себе оттяпает. Отдал кассеты прямо так, без расписки, без договора и без свидетелей. И не стукнуло ему, что фрукта этого, поди, последний раз видит...

Но прикол в том, что немчура вернулся. И не просто вернулся, а с договором. А в договоре пункт о гонораре на сумму с бешеными нулями – Юрка их и счесть не мог. Тут даже в безмозглой башке что-то зашевелилось. Вопросы Юрик стал задавать: кто, да как, да почему, и, главное, додумался записать втихаря на диктофончик все, что ему фальшивый немец наплел. Кассетку я слямзил, вот она. И к акценту уже привык, так что, если чего не поймешь, спрашивай.

– ...Вы, Юрий, конечно, знаете, что каждое живое существо обладает индивидуальностью – набором характерных, только ему свойственных черт. Ну как же не знаете? Люди Земли уже давно используют факт уникальности отпечатков пальцев, тембра голоса, рисунка на сетчатке глаза. Генетический анализ опять же. Уникальность личности или души подтвердить сложнее, чем телесную, но интуитивно она угадана человечеством еще в доисторические времена. Возможно, где-то на планете уже родился будущий мудрец, который сформулирует и докажет универсальный закон единственности и неповторимости личностной квинтэссенции всякого разумного существа. Право, странно, что он до сих пор не сформулирован – ведь способны же некоторые люди видеть ауру живых организмов, они-то знают по опыту...

Что такое квинтэссенция? Суть, ядро, основа... Аура? Ну, это вроде разноцветного свечения вокруг живых объектов... Объект? Знаете, Юрий, мы отвлеклись. Я попробую изложить идею покороче. Итак, личность уникальна. Каждой лич-

ности присущ свой собственный набор талантов. Если смотреть на ауру разумного существа, его таланты будут видны как более или менее яркие линии, похожие на спектральные... Э-э... спектральные? Гм... пожалуй, это не суть важно. Важно то, что, обладая особым зрением или вооружившись специальным прибором, можно определить таланты, какими обладает тот или иной индиви... человек. На большинстве обитаемых планет это хорошо известно. Там родители или воспитатели сразу определяют основные таланты младенца – где чисто визуально, где при помощи аппаратуры, где как...

ВИЗУАЛЬНО – ЗНАЧИТ ГЛАЗАМИ! Простите, Юрий, я немного нервничаю. Видите ли, родом я издалека, и общение с землянами дается мне с некоторым трудом... О нет! О моей планете мы поговорим как-нибудь в другой раз, сегодня я очень тороплюсь.

Итак, разумные существа на других планетах умеют распознавать способности детей и развивают их с самого рождения. К зрелой поре представитель любой мало-мальски развитой цивилизации полностью раскрывается и занимает достойное место в обществе, а оно, общество, преклоняется перед уникальным даром. Но не всегда.

Беда в том, что не всякий талант затребован именно тем обществом, в котором рос и развивался индивидум. Так, на Чух-фух с ее чисто твердотельной жизнью совершенно ни к чему умение определять на глаз вязкость жидкости. На мрачном Гануке, чьи обитатели слепы от природы, никогда не оценят по достоинству соплеменника, выкладывающего изумительные узоры из цветных камушков. Чинную Матэю не обрадуешь выдуванием гигантских мыльных пузырей. И обладатели необыкновенных талантов становятся несчастными, никчемными маргиналами... Точно не помню, посмотрите в словаре!

Тут-то и выхожу на сцену я. Мой основной дар – чутье посредника. Я скитаюсь по мирам и в каждом выясняю, какие таланты там особенно ценятся, и разыскиваю чудаков,

непопулярных у туземцев. Потом отправляюсь искать планеты, где жаждают заполучить этих чудаков, и новые таланты, необходимые другим мирам. Так очередная цивилизация получает новых гениев, гении – признание, я – благодарность тех и других. И все в выигрыше.

Мне в скитаниях всегда сопутствует удача. Чутье подсказывает, куда двигаться дальше. Но так, как на Земле, пожалуй, еще не везло. Сколько тут гениев, объявленных безумцами, сколько не востребо-ванных талантов, сливающих ничемными неудачниками! И многие даже не догадываются о своем таланте, никак его не развивают и занимают самыми неподходящими для себя делами. Бедные создания!

К счастью, это не ваш случай, Юрий. Вы всю сознательную жизнь оттачивали свой дар. Как какой? Сочетать негармоничные звуки, конечно! Теперь десятки миров будут рыдать и смеяться, слушая ваши творения. Я для пробы отправил пару вещиц на Росек и Пьювью. Тамошние меломаны едва не умерли от счастья. Вы видели сумму, проставленную в договоре? Это за те две записи. Вероятно, лет через десять вы разбогатеете.

О, об этом не беспокойтесь, сделка вполне законна. Вторая сторона, посредническая фирма «Интервель», накопила большой опыт и берется за любое дело от скупки вторсырья до продажи шоу-звезд. Я подкинул им партию митсханской бижутерии с разноцветными бериллами, и совет директоров за полчаса управился с нашим договором. Вы вполне легально продали права на два музыкальных опуса за десять миллионов евро. Вот конверт с банковской картой и всеми реквизитами. Владейте на здоровье и до свидания. Я появлюсь, как только донесу вашу музыку до всех меломанов Вселенной. Точной даты назвать не могу – сами понимаете, дело не быстрое, может занять недели три, а то и месяц. Проживете, не бедствуя, месяц? Ну и чудесно. До встречи, друг мой!

Жук выполз из-под одеяла и выключил диктофон.

– Думаешь, разыгрываю? Вот и я тоже подумал: туфта, разыграли дурня нашего. А потом посмотрел на золотую «Визу», на баксы, разбросанные где попало... Даже договор проверил по своим каналам, знакомого юриста в представительство фирмы заслал. Прикинь, все законно. Короче, может, я дурак, но Юрке верю. И инопланетянину тоже. – Тут Жучков слез с дивана и забегал по комнате. – Ты понимаешь, какой это шанс?! На Земле милён придурков с причудами! Если каждого пристроить на какую-нибудь Чуфню за десять лимонов, да поиметь с того хотя бы пять процентов... это ж можно всю чертову Землю купить с поторохами! Да к тому же проныра этот как пить дать облапошил Юрку. Слышал, как разливался про свое везение? Еще бы – напал на золотое дно! Таланты-то у нас определять не умеют и что почем во Вселенной – слыхом не слыхивали. Может, эти, как их... пьювюны за Юркину музыку рыжые вагонами отгружают! Я так думаю: надо этого деятеля поймать, прижать хорошенько, отобрать очки, в которых он эту... ауру разглядывает, и внушить, что наши родные земные таланты он будет через нас собирать – коренных землян! А заартачится – мы его в ФСБ пригрозим сдать как шпиона. А что? Паспорт наверняка у него фальшивый, визы нет, и вообще, он на нашу планету проник тайно и живет без регистрации. Как миленький согласится! А талант посредника у меня у самого не хуже, чем у некоторых...

Как возле булочной что делал? Шпиона ждал! Он сказал, недели за три обернется, а я так думаю, что и раньше, жучила. Не пропустить бы! Там напротив Юркино парадное. Только до закрытия? Да что я – Бэтман какой, по ночам скакать? Мне есть-пить-спать надо? Вот вдвоем с тобой мы все путем организуем. Только придется тебе одному чуточку подежурить. Сам видишь, болею я.

Оперуполномоченный Дыхов брел домой, вяло кручинясь о том, что не найдет уже такого удобного источника информации. А Жучкова использовать больше нельзя. Если он еще не спятил, то скоро точно спатит. Когда до его инопланетянина доберется родная милиция.

ВЛАДИМИРОВА Ада (псевд.; наст. имя Козырева (Ивойлова) Олимпиада Владимировна; 1890 – 1985), поэтесса, переводчица.

Род. в СПб. Училась на историко-филологич. фак-те Бестужевских курсов. Впервые опубликовала стихи в 1906 г. Печаталась в журналах «Весна», «Вестник Европы». «Современный мир», альманахе эгофутуристов «Очарованный странник». Была другом и соратником Елены Гуро (см). Авт. стихотв. сборников: «Дали вечерние. 1910-1912» СПб., 1913; «Невыпитое сердце. Стихи» Пг., 1918; «Кувшин синева: Стихотворения». М., 1922; «Стихотворения». М., 1922; «Ливень: Стихи». М., 1929; «Трудная радость: Стихи». М., 1930. Выступала и как переводчица. Пер. с азербайджанского, молдавского, украинского и др.

Рус. писатели (портр); Сто одна поэтесса серебрян. века; Розанов; ЛЖР

ВЛАДИМИРОВА Вера

Авт. кн. «Корниловщина и флот (Под вымпелом Октября)». М., 1923 – В. В. Масанов.

ВЛАДИМИРОВА Г., переводчица с франц. (1907).

Венгеров. Источ.

ВЛАДИМИРОВА Е. Г.

Авт. рассказов для юношества (1890). Венгеров. Источ.

ВЛАДИМИРОВА Е. П.

(См. Виндинг, Е. П.)

ВЛАДИМИРОВА Елена Львовна (псевд. Влаштин, Е — вместе с Александром Петровичем Штейн).

«Ленинская стройка». Л., 1930; «Что должен знать рабочий о колдоговорной кампании» Л., 1930. Масанов.

ВЛАДИМИРОВА Елизавета Васильевна (псевд. Кондольская, Е.; Кистенев, Е.), сотр. журн. «Общественное Питание» 1930-х гг.

Масанов.

ВЛАДИМИРОВА Н. В.

Авт. брош. «А. С. Пушкин. Его жизнь и деятельность» (СПб., 1899).

ВЛАДИМИРОВА Серафима Владимировна (1897 – 1919), поэтесса.

Печатала стихи в журн. «Пламя» (1918. № 25); журн. «Гудки» (1919. № 1). В «Правде» (1920, 18 янв.)

напечатаны стихи И. Филипченко «На смерть поэта» и его же ст. «Памяти С. В. Владимировой». О ней же: «Работница Владимировна» \ \ Известия. 1920. 1 янв. ЛЖР.

ВЛАДИМИРОВА Т.

Сотр. изд. «Материалы по китайскому вопросу» 1927. № 7 – Е. и Т.; 1928. № 14 – Т. В. Масанов.

ВЛАДИМИРОВА Татьяна Матвеевна (псевд. Чистякова, Т.) .

Член Московского об-ва драматич. писателей. Масанов; Венгеров. Источ.

ВЛАДИМИРСКАЯ Елизавета Петровна, поэтесса.

Авт. «Перед казнью (Из письма приговоренного к матери)». – «Русская речь», 1880. № 2. Сотр. в «Пет. листке», 1877. № 253; «СПб. вед.», 1879. № 76 – В-ая; «Дело», 1872; «Рус. Речь», 1880. №№ 2, 5 – В-ая, Е.

Слов. рус. писательниц; Масанов; Венгеров. Источ.

ВЛАДИМИРСКАЯ-РЕМЕЗОВА Мария Владимировна (? – 1965), авт. научных трудов.

Закончила Петерб. женские политехнические курсы. Инженер-архитектор. Занималась научной деятельностью в гидравлико-математическом отделе Гос. гидрологического и-та.

(См. «Первые женщины-инженеры». Л., 1967. С. 197).

ВЛАДИМИРЦЕВА Ю., драматич. писательница.

Авт.: «Эстетические природы: Этюды» СПб., 1872; «С большой головой на здоровую», драма. СПб., 1873. Авт. корр. из Журжи в «Голосе» (1877-78).

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

ВЛАДЫКИНА Леонида Яковлевна (урожд. Визар; 1855 – 1893), докт. мед. Бернского ун-та.

Венгеров. Источ.

ВЛАДЫКИНА Ульяна Ивановна (урожд. Зуйченко; 1855 – после 1905), авт. воспоминаний.

Бывшая ученица Мариинской женской гимназии в Екатеринославе. Ее воспоминания в кн. «Памяти Александры Акимовны Рындовской». Екатеринослав, 1905. С. 60-65.

ИДРДВ. Т. 3. Ч. 2. № 4458.

(Продолжение на стр. 17)

Серга — своенравная река

Один постоянных авторов «Уральского следопыта», знаток истории края и заядлый турист Радий Тихонов повествует об интересных исторических фактах связанных с рекой Сергой и превратностях сплава по ней.

Посланцы прошлых веков

В 40–50-х годах прошлого столетия на Нижне-Сергинском пруду была организована кооперативная рыбацкая артель. Приобретены лодки, неводы, ручные деревянные моталки для вытягивания неводных крыльев.

Поначалу, когда рыбачили по южному берегу пруда, все было хорошо. Когда стали забрасывать невод около Горбуновой речки, неожиданно пошли «задевы», невод стал рваться и скручиваться. Глубина в этих местах пруда не очень большая, невод стал захватывать «топляки». Они выходили из темной глубины как посланцы прошлых веков — черные и ослизлые.

Решили почистить пруд. Получили на Нижне-Сергинском заводе две ручные лебедки с зубчатой передачей и металлические «кошки» — якоря с тросами. Лебедки были установлены на берегу против пекарни в Ахманаевке. Первые же забросы «кошек» дали «мертвый» зацеп. Рабочие двумя лебедками стали выводить из пруда «топляки». «Кошки» привели из черной глубины свидетелей истории. Это были лиственницы, не срубленные при затоплении пруда либо утонувшие позднее. Очень крепко моренные стволы. Попытки распиливать такой лес были малоэффективны. Отпиленные чурбаки с трудом раскалывались и обтесывались. Древесина была очень прочной.

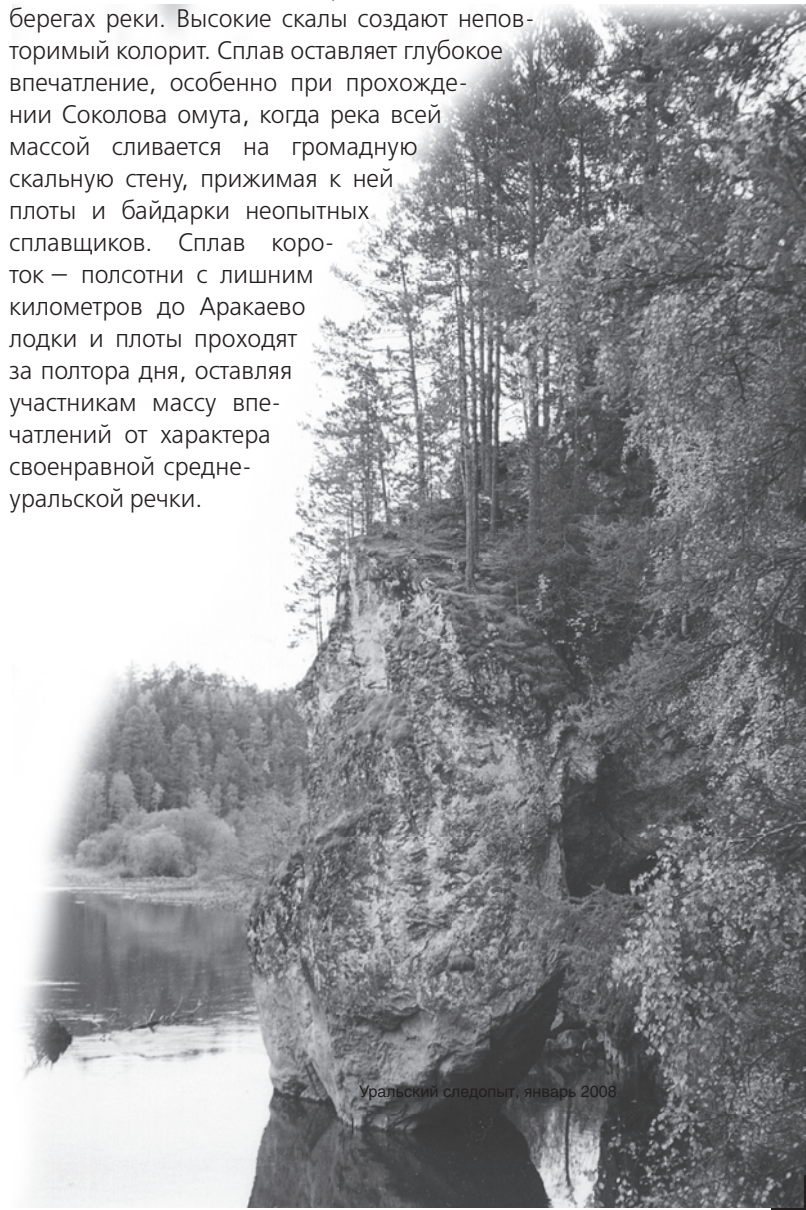
В те же годы ремонтировался главный «прорез» плотины, требовалось наращивание свай. Нарастить их было очень сложно — дерево, из которого были сделаны сваи не поддавалось обработке — распиливанию и обтесыванию. Они были поставлены еще при Демидове и с тех пор не менялись. Ремонты всегда велись за счет наращивания.

В главном «прорезе» каждую весну производился сброс воды из пруда через «бучило» — настил из толстых лиственничных плах; плахи годами морились в воде, и древесина приобрела очень высокую твердость.

Ремонт главного «прореза» проводился обычно зимой, когда уровень воды в пруду был самым низким. Производилась замена постели и свайного «поставы». Затем, с конца апреля, начинался сброс талых вод, и «постель» круглый год оставалась под водой. Весной производился одновременный пропуск талых вод на Верхне-Сергинском, Атигском и Нижне-Сергинском прудах. Водяной вал за считанные часы докатывался до Михайловского пруда.

Для любителей погорячее

В этот период обыкновенно любители путешествий сплавливались по реке Серге: на плотках, в лодках; даже была попытка — в корыте для поения лошадей (в одно из гуляний на Первое мая несколько мужиков «под мухой» пытались осуществить такой проект, но перевернулись). Серга, пополненная мелкими речками: Козей, Тигом, Заставкой, Горбуновой речкой и, особенно, Бардымом, несла коряги и выворотни, затопляла Кучин угол и все острова по пути, несла свои воды мимо Дыроватого Камня возле Бажуково. В это весеннее время река вольно течет в красивейших берегах. Сплав по Серге доставляет истинное удовольствие любителям путешествий. Хвойные и березовые перелески, усыпанные громадным количеством белых и желтых подснежников, пористые льдины и снег на берегах реки. Высокие скалы создают неповторимый колорит. Сплав оставляет глубокое впечатление, особенно при прохождении Соколова омута, когда река всей массой сливается на громадную скальную стену, прижимая к ней плоты и байдарки неопытных сплавщиков. Сплав короток — полсотни с лишним километров до Аракаево лодки и плоты проходят за полтора дня, оставляя участникам массу впечатлений от характера своенравной среднеуральской речки.



Евгений ЛОТОШ

Ошибки и штампы в фантастике

[Выпуск 6]

Тема четвертая. Экология и экономика

Компьютеры при всем их распространении до сих пор остаются чем-то чужеродным в нашей жизни. В космос, опять же, мы летаем не каждый день, а до освоения космических пространств руки вообще пока не дошли. А вот разрушительные ураганы, наводнения и вонючий городской смог хорошо знакомы многим людям. Возможно, именно поэтому данной теме уделяют пристальное внимание все на свете — от уборщиц до президентов. Масла в огонь подливают необычно теплые зимы наподобие зимы 2006—2007 гг., когда в январе в Москве, да и на Урале температура поднималась до нуля и выше (причем при этом общественное мнение уже успевает позабыть про явления наподобие чрезвычайно холодной предыдущей зимы, когда даже в теплой Чехии температуры держались на уровне -30 и ниже). При этом большинство твердо уверено, что с глобальным потеплением и парниковым эффектом надо бороться, нефть вот-вот кончится, а нефтяные корпорации роют человечеству могилу, душа на корню исследования в области альтернативной энергетики, разработки электромобилей и тому подобные прогрессивные штучки. Рассмотрим эти стереотипы подробнее.

Исчерпание нефтяных запасов и энергетический кризис. Постапокалипсис — любимая тема прогностической фантастики. Все плохо, индустрия развалилась, наука дискредитировала себя, прогресс кончился раз и навсегда... Но самое худшее в том, что исчерпались запасы нефти, а несчастное человечество, как встарь, оказалось вынуждено пахать землю и возить грузы на лошадках. За немногие уцелевшие бензохранилища ведется война, на автомобилях рассекают только суперважные лица и пустынные бандиты-отморозки, а ржавые нефтепроводы стоят унылыми памятниками самим себе.

При этом неявно подразумевается, что произойдет это вот-вот (по историческим меркам, разумеется, — через десять—двадцать—пятьдесят лет). Поэтому рассмотрим идею энергетического кризиса с точки зрения сегодняшних технологий.



Евгений Лотош в 1997 г. окончил магистратуру математико-механического факультета УрГУ. Ведущий инженер в компании «Quorus» ACS», профессия — системная интеграция. Бессменный ведущий рассылки «Читаем с нами. Литературное обозрение» на Subscribe.ru. Критик, литератор.

Итак, нефть скоро кончится, потому что ее запасов хватит на двадцать лет (тридцать или сорок, неважно). Так ли это? Отнюдь нет. Популярная пресса и телепередачи, рисуя мрачные картинки, упорно выпускают одно-единственное, но при этом ключевое слово: «разведанные». Что это означает? Да очень простую вещь: на указанный срок разведанных запасов нефти хватит, только если все мировые нефтедобытчики немедленно прекратят вести разведку. Но такого никогда не случится. Нефтегаз разведка ведется постоянно — хотя бы просто в надежде найти новые, более удобные источники нефти. Арабские шейхи за счет нефти живут, Америка и Европа стараются поменьше зависеть от шейхов, а потому колесо крутится безостановочно. Если в середине прошлого века разведанных запасов хватало на сорок лет (по тем темпам потребления), то сегодня эта цифра составляет лет семьдесят. Единственная страна, где на сегодняшний день разведанные запасы нефти и газа уменьшаются, это, увы, Россия. О причинах предоставляю догадываться читателю, но в скобках могу заметить, что исчерпание нефтяных запасов здесь ни при чем. Достаточно лишь посмотреть, во что вкладывают свои прибыли корпорации наподобие «Лукойла» или «Газпрома».

Можно констатировать, что на обозримый исторический период этих запасов хватит. Что случится дальше, гадать бессмысленно. Разумеется, можно спрогнозировать, что человечество изо всех сил будет стремиться уйти от использования нефти в качестве топлива — это слишком ценный материал для химической промышленности. Страшные сказки о людях, которые изобрели таблетки для воды, на которых обычный автомобиль ездит в десять раз дольше, чем на бензине, а потом пропали без вести, это все-таки сказки. Нефтедобывающие корпорации, конечно, могущественны и влиятельны, но соперничать с общеэкономическими тенденциями они не смогут. Тем более если эти тенденции поддержит кто-то вроде правительства Дяди Сэма. Нефтяной кризис конца семидесятых (когда арабы потребовали платы за нефть не долларами, а чистым золотом) из памяти американцев изгладится не скоро, а одним из его последствий было, например, полное исключение углеводородов как сырья для выработки электричества.

Кстати, малоизвестный в России факт. В США имеются и активно разрабатываются собственные нефтяные месторождения. Однако значительная часть добытой нефти превращается в стратегический запас, закачиваясь в огромные подземные хранилища типа выработанных шахт. Так что поставить Америку на колени нефтяным шантажом сегодня будет очень сложно.

Но предположим, что случилось страшное. Завтра утром мы просыпаемся и обнаруживаем, что нефть заодно с газом кончается. И что нам остался год (два, пять, десять) пользоваться этим источником углеводородов. Ожидает ли нашу цивилизацию энергетический крах? Ответ однозначен — да никогда в жизни. Помимо нефтяных и газовых теплостанций, существует еще масса способов производить энергию. Например, можно топить электростанции углем, исчерпание запасов которого на нашей планете не прогнозировал еще ни один сумасшедший фантаст. Угольные ТЭС на сегодня не являются наиболее распространенными только потому, что с углем возникает масса как технологических, так и экологических хлопот, а потому нефтепродукты и газ куда удобнее. Помимо угля можно вспомнить еще солнечные и ветряные генераторы (о них разговор пойдет чуть ниже), спирт из сахарного тростника (на котором в теплой Бразилии бегают большая часть автомобилей), газовые конденсаты северных шельфов (которые сегодня толком не умеют ни добывать, ни перерабатывать, но это временно), гидроэлектростанции, паровые и парогазовые генераторы (которые можно топить хоть дровами), приливные и геотермальные станции, а также нелюбимые «зелеными» атомные станции. Наконец, можно упомянуть термоядерные установки, которых сегодня нет в действующем виде только из-за непомерной дороговизны экспериментальных образцов. Углеводород — царь современной энергетики, но лишь потому, что обладает наиболее низким соотношением цена/качество.

Наконец, в прогнозах нельзя не учитывать, что еще сто лет назад большую часть современных методов производства электроэнергии еще не изобрели, а годовые объемы производства электричества на всей планете были меньше, чем сегодня за час потребляет не самый крупный мегаполис.

Альтернативная энергетика. Выше была упомянута причина, по которой альтернативные методы производства энергии не распространены слишком широко — они экономически невыгодны. Но, может быть, нужно бросать все и немедленно переходить на них хотя бы благодаря их экологической чистоте?

Поп-экологи часто тыкают пальцем в солнечные батареи и ветрогенераторы, с пафосом призывая покаяться, отринуть грехи предков и броситься покрывать крыши фотопластинами и ветряками, отказываясь от бесовских электростанций. Так, мол, все будет экологически чисто и радостно всем без исключения.

Однако такие пропагандисты почему-то всегда забывают упомянуть, что экологическая чистота метода зависит не только от способа работы устройства. Для объективной оценки необходимо учитывать весь жизненный цикл устройства — со стадии производства до стадии

утилизации. И вот если мы присмотримся к солнечным панелям поподробнее, то тут-то и выяснится, что в целом они весьма негативно влияют на чистоту окружающей среды. Дело в том, что компонентами фотоэлементов являются такие вещества, как фосфор и галлий, которые вместе с своими соединениями относятся к первому-второму классу опасности (чрезвычайно и высокоопасные вещества). Их производстве весьма грязно в экологическом плане, а эффективных методов утилизации отработавших свое солнечных панелей попросту не существует. В настоящий момент их просто выбрасывают на свалку, в результате чего вся химическая гадость оказывается в окружающей среде. Лопасти ветряков производятся из легких металлов наподобие алюминия, чье производство, во-первых, также чрезвычайно грязно и, во-вторых, требует такого количества электроэнергии, произвести которое сами ветряки просто не в состоянии. Далее, массовое применение солнечных батарей способно существенно понизить среднесуточную температуру, а ветряков — изменить розу ветров в данной местности. Следствием окажется, например, изменение картины выпадения осадков, что моментально ударит по сельскому хозяйству. Кроме того, понижение температуры воздуха приведет к конденсации водяного пара в атмосфере (проще говоря, к появлению облаков), что резко понизит выход электроэнергии. Генерируемый лопастями ветряков инфразвук — не самый благоприятный фактор из тех, что влияют на здоровье и психику человека, да и сами лопасти способны нанести серьезный урон поголовью крупных птиц. Наконец, солнечные батареи эффективны только в местах, где постоянно светит солнце — а это преимущественно пустыни, откуда энергию еще нужно довести до цивилизации. Да панели еще и требуются постоянно чистить от пыли, иначе выработка энергии резко падает. Поэтому подобные альтернативные средства могут оправдать себя только в глухомани, куда тянуть линии ЛЭП невыгодно, а других источников энергии просто нет.

Приливные станции также опасны для окружающей среды. Они приводят к застою вод в прибрежной зоне, к ее загниванию и вымиранию местной флоры и фауны. Геотермальные электростанции могут действовать только в сейсмически активных зонах (что ведет к постоянному риску их разрушения). Опять же, встает проблема транспортировки электроэнергии к цивилизации. Прокладка ЛЭП весьма разрушительна для местности, по которой она проходит.

Ну, про атомные станции наслышаны все. И взорваться могут, и отходы генерируют опасные... Между прочим, на данный момент это наиболее безопасный и чистый способ производства электроэнергии, что бы ни кричали истерики из «Гринписа». Да, проблема утилизации их отходов стоит весьма остро, но объем этих отходов относительно невелик. Человечество в процессе жизнедеятельности производит (и сбрасывает в окружающую среду) массу ядовитой дряни, которая убивает куда быстрее и мучительнее, чем рак, вызванный радионуклидами. Но образ врага уже сложился, и с этим трудно что-то поделать. Как результат — вместо того, чтобы разрабаты-

вать эффективные методы утилизации ЯО, человечество страдает фигней, пытаюсь полностью запретить атомную энергетику.

Зачастую, кстати, опасность радиоактивного загрязнения окружающей среды вольно или невольно преувеличивают. Так, в свое время наделало немало шуму применение американскими войсками в Югославии боеприпасов из обедненного урана. Впоследствии неоднократно заявлялось, что этот уран, попадая в естественную среду, вызывает повышение уровня радиации, рост числа канцерогенных заболеваний и тому подобные ужасные последствия. Возможно, в лабораторных условиях эти боеприпасы и являются причиной чего-то подобного, но на практике, как показали недавние исследования, все это страшилки чистой воды. В районах применения урановых боеприпасов радиационный фон не отличается от естественного, а увеличения количества онкологических заболеваний не отмечено. Вообще обедненный уран никак не вредит человеческому организму, попадая в него с водой и пищей. Опасность возникает только при попадании мелкодисперсной урановой пыли в легкие.

Завершая тему, необходимо признать непреложный факт: производство энергии в принципе не может быть экологически чистым. Равно как не может быть экологически чистым ее использование. Как минимум, всегда имеет место тепловое загрязнение окружающей среды, про которое, опять же, горе-экологи то ли предпочитают умалчивать, то ли вообще о нем не подозревают. Между тем, вреда оно наносит ничуть не меньше, чем химическое или радиационное загрязнение. Так, сбросы горячей (даже идеально чистой) воды из охлаждающих контуров электростанций в прилегающие реки приводят к бурному размножению микроскопических водорослей и уменьшению содержания в воде кислорода. Это, в свою очередь, ведет к гибели рыб и прочей живности.

Завершение экологической темы — в следующем выпуске. А пока подумайте над домашним заданием: когда из-за парникового эффекта наконец-то растает антарктическая ледовая шапка?

(Продолжение следует)

ВЛАДЫЧИНА Галина Леонидовна (1900 — 1970), писательница.

Род. в Житомире в семье врача. Уже по окончании гимназии пробовала силы в поэзии и драматургии. Печаталась в различных поэтич. сборниках и альм. «Лит. особняк» (1922); участвовала в организации пролеткульта в Самаре. Пьесы и эстрадные обозрения В. ставились в московских детских театрах. Была членом Всеросс. профес. союза поэтов. Авт. дет. книжек: «Необычайная история об изобретении воздушного шара, о великом ученом Монгольфье, о шелковой юбке и говорящей жаровне» (1927); «Морское дно» (1928); «Строители» (1929) и др., а также пьес: «Приметы» (1940); «Несносный слоненок» (1945) и др. Участвовала в периодич. издании «Без муз». 1. Н. Новгород, 1918; в сб. «Поэзия большевистских дней». Берлин, 1921; в антологии «Поэты наших дней» М., 1924; сб. «Явь». М., 1919.

Дет. писатели; Мацуев; Розанов; ЛЖР.

ВЛАСЕНКО Надежда Андреевна (? — 1936), доктор медицины.

Жила в Париже, скончалась в Риге.

Диаспора. 3.

ВЛАСОВА Антонина Михайловна (урожд. Окладных; псевд. Баранча, А.; 1840 — 1893), писательница.

Сотр. в «Отч. Зап. », 1864. № 3; авт. «Сказка нравственно-религиозная для очень богатых или очень бедных детей», СПб., 1874; «Продолжение сказки нравственно-религиозной для очень богатых и для очень бедных детей». СПб., 1875.

Масанов; Венгеро. Источ.

ВЛАСОВА Евгения Ивановна (1875 — 1968; псевд. Фортунато, Е. И.) , писательница.

Сотр. «Пб. листок» (1908-1910) — Е. И. Ф.; там же (1904) — Е. Ф.; «Весь мир» (1914, 1917); «Природа и люди» (1915); «Свет» (1915); «Бирж. вед. » (1916); «Голос Руси» (1916); «Дам. мир» (1916); «Весь мир» (1917); «Змеиная сила и др. рассказы» СПб., 1907 — Фортунато Е. И. В соавт. с Л. К. Шлегер (см) напис. кн. «Первые шаги. Азбука и первое чтение после азбуки. Сост. на основе трехлетнего опыта с прим. детских рисунков и работ. Со многими илл. С краткой заметкой о том, как вести препод. по этой книге». М., 1917. изд. 3-е — Фортунато Е. И. Оставила воспоминания «Встречи в пути» \ \ Нева. 1957. № 12. С. 173-180 — о встречах с художниками Н. А. Ярошенко, К. Е. Маковским, И. И.

Шишкиным, композитором П. И. Чайковским, певцами Н. Н. Фигнером и Л. В. Собиновым.

Масанов; Венгеро. Источ.; Мацуев (Фортунато Е. И.); ИДРДВ. Т. 3. Ч. 3. № 5960. Надо посм. «Писатели Ленинграда». Л., 1964.

ВЛАСОВА Л.

Сост. «Указатель по всеобщей и русск. истории» (СПб., 1907).

Венгеро. Источ.

ВОВЧОК Марко (наст. имя и фамилия Мария Александровна Вилинская, в первом браке Маркович, во втором — Лобач-Жученко; 1833 — 1907), прозаик, переводчица.

Писала на укр., рус., франц. языках. Вышла из семьи орлов. дворян. В. — троюродная сестра критика и публициста Д. И. Писарева. После смерти отца воспит. в имении двоюродной тетки, матери Писарева — В. И. Писаревой. Выйдя замуж за укр. историка и этнографа А. В. Марковича, жила на Украине и деятельно участвовала в этнограф. работах мужа, изучала язык и быт украинского народа, работала над словарем живого укр. языка. Первый сб. рассказов «Народні оповідання» (1857) был восторж. принят Т. Г. Шевченко, с кот. у В. возникла переписка и заочная дружба. Переехав в столицу, В расширила лит. связи. Выходят книги ее рассказов. «.. в те годы вся образованная Россия упивалась повестями Марка Вовчка и рыдала над судьбой ее героинь-крестьянок...» (П. Кропоткин). В 60-е годы несколько лет жила за рубежом, где познакомилась со многими русскими писателями, в т. ч. Л. Н. Толстым и Н. А. Добролюбовым, сотр. с франц. издателем Этцелем. Вернувшись в Россию, много занималась переводами, редактировала журнал «Переводы лучших иностранных писателей». Пер. научные труды и худож. произв. с немец. и английск., польского, французского. Гринвуд, Б. Прус, Юго, Эркман-Шатриан... «Жизнь животных» А. Брема и «Происхождение человека» Ч. Дарвина пер. вместе с Д. И. Писаревым. Худож. мастерство В. в сочетании с демократической направленностью творчества принесли ей огромную популярность в обществе. Последние годы жила в местах службы своего второго мужа. Похоронена в саду своего дома в Нальчике, где сейчас ее музей.

Русские писатели (портр); КЛЭ.

ВОДОВОЗОВА В. И.

Авт. кн. «Детские рассказы и стихотворения». 2-е изд. исправл. и доп. СПб., тип. Безобразова и Истомина (1876).

(Продолжение на стр. 41)



«Уральский следопыт» продолжает рассказывать о лучших здравницах Урала. Сегодня в гостях у «Уральского следопыта» директор оздоровительно-санаторного комплекса «Изумрудный берег» Ольга Гаврилова, настоящий специалист в области санаторных, курортных и оздоровительных услуг.

«Изумрудный берег» даст фору Лазурному...



— Ольга Николаевна, помните то время, — где-то лет пять назад, — когда был наплыв отдыхающих из России на курорты Турции, Египта? Где сейчас чаще предпочитают отдыхать уральцы?

— К счастью, ситуация изменилась. Как раз пять лет назад появилось такое поколение менеджеров, топ-менеджеров, руководителей, которые говорили: «Мы достаточно платим своим работникам, чтоб они сами выбирали место отдыха». Кроме того, мода на места отдыха сыграла свою роль — Турция, Египет считалось круто и здорово. А что тут, на Урале, делать? Нет ни сервиса, ни моря, ни солнца, ни пляжа.

Такое мнение, конечно, было ошибочным. Просто о здоровье никто особо не задумывался. Сейчас менталитет изменился не только у самих людей, но и у руководителей.

— Но ведь наши санатории действительно недотягивают до зарубежных...

— Так действительно было. Санатории отставали по качеству гостиничных и иных услуг. За 75 лет была создана очень хорошая курортная база, сеть санаториев, которая существовала — любой крупный завод, любая организация имела свой санаторий или, что чаще, профилакторий, базу отдыха.

Было очень много профилакториев среднего уровня, для становления работоспособности организма. Статистика заболеваний была намного ниже, чем сейчас. И не секрет, что сейчас уже присутствует дефицит трудовых кадров. Государство и работодате-

ли стали думать об оздоровлении населения и работников. И люди начали задумываться — лечение стоит дороже, чем профилактика.

На Западе это усвоили уже давно. У нас культура заботы о здоровье еще не на таком высоком уровне. Многие понимают, что нужно быть здоровым, чтобы зарабатывать. Система профилакториев, которая существовала в Советском Союзе, вовсе не была плохой или некачественной, единственное, мы чересчур увлеклись лечебной медициной и никогда не думали о профилактике заболеваний, о необходимости высокого уровня сервиса. Конкуренция с зарубежным рынком привела к тому, что санатории Урала стали довольно успешно развивать сферу гостиничных услуг. Постепенно перенимаем опыт Запада, там — комфортабельный отель и при нем лечебный центр. Так что сфера обслуживания у нас теперь на уровне, да и поняли все-таки наши люди, что профилактикой и лечением заболеваний нужно заниматься в своей климатической зоне.

— Почему? Ведь за границей тоже, по-моему, лечат неплохо.

— Доктора сегодня советуют, что лечиться нужно в той климатической зоне, в которой вы живете, потому что существует адаптационный период, который переносится достаточно тяжело.

Если едешь лечиться, например, в Европу, с температуры — 20 попадаешь в + 10 — привыкать организм будет, как минимум, неделю. Процедуры закончились, и после обратной дороги предстоит такое же тяжелое привыкание к нашим условиям. Эффект от лечения будет не полным, не таким заметным, каким бы он был при лечении, скажем, на Урале.

А вообще, когда у меня спрашивают, где человеку лучше отдохнуть — на море или у нас, на Урале, я всегда отвечаю — и там и там. Твердо стою на этой позиции. Смена обстановки, море, солнце, тепло — это всегда хорошо. Но любой отпуск — четыре недели. Можно

сделать так, чтобы две недели отдохнуть и подлечиться в своем климате — сейчас оптимальный срок профилактических процедур в санатории — две недели, и на юг обычно все ездят тоже недели на две.

Наша жизнь настолько напряженная, что 14 дней медикаментозных процедур действительно могут поставить на ноги. Когда здоровье в полном порядке, можно и на пляже полежать под теплым солнышком.

— Да... и юг, и лечение в родном краю, — это все прекрасно. Толь вот помню, когда была помладше и ездила с мамой в уральский санаторий, мне там было ужасно скучно...

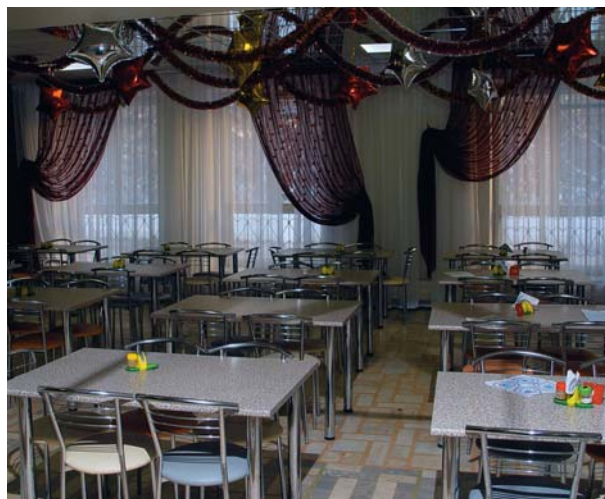
— У нас в «Изумрудном берегу» есть свой детский оздоровительный круглогодичный лагерь, с очень хорошим направлением по детской медицине. Экология тяжелая, и здоровых детей практически нет, поэтому сейчас колоссальные ассигнования даются на детей работающего населения. Мы уже третий год активно работаем с Фондом социального страхования. Есть минимальный пакет, который оплачивает предприятие — питание, проживание, профилактическое лечение, но если у ребенка есть патология, родители могут доплатить, и, как правило, доплачивают, чтобы ребенка полечили еще и по профилю заболевания.

У нас есть специальные программы, например, по детям с заболеваниями опорно-двигательной системы, сколиозом, заболеваниями органов дыхания и др.

— А как с лечебной базой?

— В этом году значительно улучшили. Мы договорились с узкими специалистами из клиник Екатеринбурга, чтобы они вели у нас консультативные приемы. Приобрели галокамеру — галогенератор, который размягчает соль и создает эффект морского воздуха. Есть даже примеры, когда к нам приезжали люди, больные астмой, с ингаляторами, и уезжали уже без них. Обычно наших процедур хватает, чтобы примерно на полгода избавиться от приступов.

Еще у нас теперь новые ванны. Вообще, водолечебница представлена очень широко — максимальное количество процедур. Спросом пользуется также грязелечебница. Мы назначаем грязевые процедуры как при костно-мышечных заболеваниях — так и в косметических целях. Причем успехом эти процедуры пользуются не только у женщин, но и у мужчин.



— Значит, главное достоинство «Изумрудного берега» — широкий спектр услуг?

— Не только это. Огромное преимущество в том, что у нас не так много людей — сейчас 170 мест, возможно, к следующему лету еще 70 мест. В любом случае, дойдем до 300 и остановимся. Почему не хотим больше — люди приезжают из мегаполиса и снова попадают в очереди, суматоху, ловят на себе недобрые взгляды обслуживающего персонала...

К сожалению, русский человек будет улыбаться только тогда, когда ему хочется. Нам повезло — подобрался очень хороший дружный коллектив. Стараемся сохранить теплые отношения и тепло в их душах, чтобы они передали его тем, кто к нам приезжает.

Наша основная задача, чтобы было комфортно каждому нашему клиенту. Мы стараемся сделать все так, чтобы человек приехал на четырнадцать дней и по максимуму отдохнул, получился. Если он приехал с семьей, то жена может сделать косметические процедуры. Мы стараемся сделать направленность универсальной. На будущее наша цель — сохранить то, что есть, и развивать уже достигнутое. ☑

Изумрудный Берег

ОЗДОРОВИТЕЛЬНО-САНАТОРНЫЙ КОМПЛЕКС г. РЕЖ

ООО «Триумф», г. Екатеринбург, ул. Пушкина, 8
Тел/факс: (343) 371-98-12, 359-84-79, 8-912-262-53-10
e-mail: izumrud_bereg@mail66.ru; www.izumrud-bereg@mail.ru
Свердловская обл., г. Реж, ул. Ленина, 118, тел. (34364) 2-24-34

Лицензия №66-01-000024 от 02.12.2004 Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения и социального развития

Ирина КУЗНЕЦОВА,
фото автора

Заповедные земли Урала

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Северный Урал... Сказка и зимой и летом

Очарование и притягательная прелесть этой суровой, труднодоступной и в общем-то малоизвестной территории... Одни названия чего стоят: Шемур, Хоза-Тумп, Ось-Тахталях — Ялпынг-Нер-Ойка (в народе, правда, значительно проще — Денежкин камень), Тары-Нер, Ойка-Чахль, Хус-Ойка, Отортен, Лунуд-Ху-Саптур, Мань-Пупы-Нер, Яны-Пупы-Нер...

Диковинные горные страны

Я стремилась в эти горные страны с давних, наверно, младенческих лет. Но судьба распорядилась таким образом, что казалось: сюда я всегда успею, а вот в далекие края — Камчатка, Чукотка, остров Врангеля...? Есть в нас все-таки дар предвиденья, чутье, способное угадывать будущее. В те благополучные времена откуда я знала, что в этой половине жизни дальние путешествия будут столь трудны, практически — недоступны для научного сотрудника академического института?

Горно-таежные леса Северного Урала представлены в значительной степени уникальными кедровниками, которые имеют здесь свои специфические черты и во многом отличаются как от кедровников западного склона Урала, так и от кедровников Алтая, Саян. Практически не тронутые до последнего времени человеком, в полтора-два обхвата, мощнейшие деревья поднимают свои руки-ветви, очень часто — с обломанными вершинами, в окружении прижавшихся к их стволам березок, рябинок, молоденьких елочек. Большое число редких видов растений широко распространено здесь: родиола розовая, пион уклоняющийся, пальчатокоренник гибридный, ветреница пермская, калипсо и пр. Мы привыкли видеть их в Красной книге, здесь же их — косою косой, не просто куртинки — луга... Глубоко на юг по горам удаляются от своих обычных мест обитания, гнездятся и выводят потомство типичные тундровые птицы: тундряные куропатки; в последние годы постепенно

восстанавливаются стада диких северных оленей. Медведей не просто много, а очень много, если самого не встретишь, так следы жизнедеятельности — наверняка! Росомаха, и та дает знать о своем присутствии!

Подъем за границу леса

Как боялась я в первый раз встать на лыжи: да, камусовые, да, скользить назад не будут, но как идти целых 28 км без лыжни, с рюкзаком? И как жарко было при первом переходе при 20 градусах мороза, и как холодно — в первый приход в нетопленную избушку... Но все это просто потерялось из памяти, как только поднялись за границу леса — горную тундру, занесенную снегом. Вот уже действительно — зимняя сказка... Не часто в этом суровом краю выдаются солнечные дни, особенно зимой. Но уж если повезет и из 10—15 ней вдруг выдастся один-два погожих, этот подарок судьбы запомнится надолго. Видимость такая, что дух захватывает! Слепящее солнце, отражающееся в тысяче льдинок снежного куржака... Морозный воздух не просто искрится — звенит под солнцем! А под ногами — разрытые кедровками кладовые, спрятанные по осени про запас кедровые орехи. Птицам даже не хочется взлетать, они переходят от кладовой к кладовой, оставляя на снегу цепочки следов.

Снежные лабиринты

Чуть ниже, при переходе к зоне криволесья, — волшебный мир фантастических скульптур: заснеженные деревья, принявшие под северным ветром неве-





роятные формы; «кучугуры» – выдувы вокруг деревьев на горных склонах, целые снежные пещеры и лабиринты. Еще ниже, на границе горной тайги, я решила спрятаться от ветра и немного отдохнуть – всего-навсего забралась под высокую ель. Но куда я попала! Настоящий снежный шатер: нижние ветви склонились до самой земли; залепленные снегом, они превратились в прочные стены, сводом стали более высокие ветви. И костерок можно развести – просветы для дыма есть. Ну чем не жилье!!! Но не хотелось мешать законным хозяевам: в трещинах коры мощного ствола с лета поползнем спрятано много кедровых орешков – запасы на зиму, которые при любом снегопаде останутся доступны.

Таяжные избушки

И заключительный аккорд этой сказки – для человека и человеком созданные таяжные избушки. Уютные, приземистые, с обязательным запасом сухих дров, спичками, про-

дуктами, подвешенными от мышей к потолку, топором, лопатой, чтобы откопать заваленную снегом дверь. Зимовья всегда готовы принять, обогреть, спасти; никаких замков, никаких решеток! И быть может, поэтому еще более притягательны эти самые суровые экстремальные условия – ты здесь не чужой, для тебя всегда открыта дверь. И именно тобой оставленные сухари, чай, сахар помогут идущему следом!

P.S. Северный Урал – счастливая сказка моей жизни. Вот уже скоро 10 лет как я начала работать в этих местах, до того практически – ну, разве что чуть-чуть из школьного курса географии – не имея о них никакого представления. И до сих пор, даже успев стать старше примерно на 10 лет, я не могу привыкнуть, не могу успокоиться, не могу смириться с открывающейся мне красотой – каждой раз новой и неожиданной.

Всего несколько сот километров от перенаселенной Москвы,

еще меньше, – всего 200-300 от промышленных центров Среднего Урала... Нетронутые (пока?) места, леса, восстанавливающиеся после прошлых вырубок, сохранившиеся участки дикой тайги. Мощные древние кедрячи, уходящие ввысь вершинами, остроконечные ели, чудесное, просто сказочное криволесье в предгорьях на границе леса. И сами горы Северного Урала: каменные останцы, курумники, скалы, реки, сбегаящие со склонов... Высота хребтов, протянувшихся в большинстве своем строго с севера на юг, составляет в основном около 1000 метров, отдельные же вершины достигают 1400, 1500 и даже 1617 метров. Суровый край – снег в горах держится чуть не девять месяцев в году, а некоторые снежники в иные годы сохраняются до августа!

Кто-то снисходительно улыбнется: полторы тысячи? Это горы? У каждого свои горы, свои вершины, свои восхождения и открытия. И свои сказочно бескрайние, великолепные, ослепительные просторы...

Александр ЧУМАНОВ

История Вовы и Светы

Когда-то я замечательно умел спать в машине, а потом вдруг перестало получаться. И теперь всю ночь напролёт жгу костёр, лежу на старом полушубке, гляжу на звёзды, размышляя об одном и том же: есть ли там Кто-нибудь, а если есть, думает ли Он обо мне лично, а если думает, то — что?..

Да-да, не смейтесь, ведь если Он есть и если думает, то непременно — о каждом лично, ибо Он — по определению — не начальник, не вождь, оперирующий людской массой и мало кому доступный, и Ему мы интересны все без исключения, притом не в совокупности, а строго индивидуально...

Озеро вздыхает и перебирает тростник, словно чётки, невидимые рыбины то и дело выпрыгивают из воды и шумно падают обратно — возможно, их тоже волнуют эти непостижимые звёзды, и рыбакам хочется достать хотя бы одну. Вот дуры. Впрочем, и я не лучше...

— Разрешите к вашему огоньку? — вдруг доносится из темноты, отчего я слегка вздрагиваю — ну, нельзя же так подкрадываться по-воровски, если нет у тебя воровских намерений, приличный человек к другому человеку никогда не должен подкрадываться.

— Чего тебе? — резко подбираюсь на своей лежанке, даже не думая скрывать недовольство непрошеным гостем, кто б он ни был.

— Да ничего особенного, простите великодушно... — Передо мной нескладный человек весьма потрёпанной наружности и не поддающегося определению возраста, он смущён и в принципе не может быть опасен, и мне уже слегка неловко от моей не спровоцированной, пожалуй, свирепости. — Однако я бы с удовольствием посидел тут с вами немного, если вы, разумеется, не против...

— Я не против, посиди, раз пришёл, только в другой раз не подкрадывайся, за это и побить могут... Садись, тебе говорят, уху хлебать будем, чай пить, а насчёт другого извини — не держим.

— Вот спасибо, честно говоря, я только об этом и мечтал, хотя почти совсем не рассчитывал! Я, видите ли, как раз голоден, как собака. А за то, что тихо подошёл, простите, ради бога, привычка такая с некоторых пор сама собой выработалась...



Александр Николаевич Чуманов родился в 1950 году в деревне Борки Тюменской области. Член СП СССР с 1988 года, автор многих книг стихов и прозы. В «Уральском следопыте» печатается с 1977 года.

И он садится, как-то по-особому сгруппировавшись, будто в этой жизни его каждый день бьют, становится невероятно маленьким, как циркач, зарабатывающий на жизнь тем, что приучил своё тело уместаться в немислимый для нормального человека объём.

Я наливаю в миску моей фирменной, очень наваристой ухи, в сущности, это уже не уха, а как бы рыбное рагу с незначительной примесью картошки, слегка поколебавшись, добавляю внушительный бутерброд с полукопчёной «краковской», но колеблюсь я вовсе не от жадности, а потому только, что всё ведь, вообще-то, рассчитано.

— Вот, как говорится, чем богаты... Да что ж ты спрессовался, скомкался весь, сядь по-людски, а то мало ведь поместится!

— Ничего, достаточно поместится, вот увидите, — гость улыбается чуть-чуть, чуть-чуть распрямляет плечи. И принимается-таки за еду.

И пока он насыщается, я довольно бесцеремонно разглядываю его. Занятый едой, он, конечно же, чувствует мой взгляд, но, судя по всему, аппетит у него от этого не портится.

Спохватившись, я ставлю на огонь покрытый ядрёной копотью чайник — нарочно не чищу, чтоб солидно смотрелся — чайник почти сразу закипает, потому что кипел совсем недавно. А мой гость уже, слышу, шкрябает ложкой по дну посуды. Он весьма резво приканчивает основное блюдо, даже рыбных косточек не остаётся почти, берётся было за бутерброд, но, вспомнив про чай, с видимым усилием приостанавливает работу челюстей.

А чай уже и готов. Наливаю ему, а заодно себе, придвигаю поближе к парню баночку с сахаром, он кладёт две ложечки и пылливо смотрит на меня, я, разумеется, жестом поощряю, валяй, мол, гость удваивает дозу и передаёт инструмент мне, а я уж своей рукой черпаю для него из моей сахарницы дважды. Потом мы сосредоточенно предаёмся чаепитию, смачно прихлёбываем да потеем, созерцая отражающиеся в кружках созвездия.

А потом гость идёт к воде мыть посуду — свою и мою — а я, развалившись на тёплом лохматом лежбище, задумчиво изучаю его костлявую спину, пытаюсь по ней, а также прочем, что ещё удаётся различить в колеблющемся слабом свете прогорающего костра,

сочинить судьбу этого незнакомого человека. Но ещё, разумеется, умиляюсь собственному великодушию, неизвестно перед кем мысленно оправдываясь: «Пустяки, так на моём месте поступил бы каждый...»

Да что, думаю я, в его судьбе может быть замысловатого: ханыга и ханыга, каких немало было на Руси всегда, но нынче особенно расплодилось, в давние времена, вероятно, способный к какой-нибудь незамысловатой работе, а теперь абсолютно не способный ни на что. Не исключено также, что в одной из окрестных выморочных деревушек есть у него полусгнившая избёнка, далёкими предками построенная, а в избёнке дебилные дети и жена-тварь, тоже алкашка, но ещё и не дура подраться, да потом призвать на подмогу соседей, всю вину за инцидент свалив на эту вот самую бессмысленную немочь, что, разумеется, в общем смысле так и есть, но в конкретном — отнюдь...

А гость между тем возвращается к огню, стряхивая воду с рук и посуды, снова компактно устраивается возле меня, и я, легко угадывая сокровенное, протягиваю сигареты. И мы молча закуриваем. И меня, честно признаться, уже тяготит его общество, мне хочется, чтобы он поскорей убрался, и чтобы вернулось ко мне излюбленное элегическое настроение, и очень скоро я ему это скажу, поскольку данные существа в ситуациях, когда уже ничем не поживишься, крайне малосообразительны.

Нет, будь он рыбак, я б с удовольствием побеседовал с ним о рыбалке, послушал бы о старинных удачах и сам порассказал, поскольку настоящее на радости чрезвычайно скупое, грядущее их ещё меньше сулит, и лишь о старинных удачах осталось сладострастно вспоминать.

Но этот прибудившийся в ночи отнюдь не рыбак, и хотя он, скорей всего, при своих обстоятельствах с радостью любой разговор бы поддержал, но болтать с дилетантом о святом — распоследнее ж дело.

Однако вдруг чувствую, что не могу молвить этот хамски-шутливо — проваливай, мол, опостылел вконец — тогда как в иных случаях совсем мало затрудняюсь, играть же в молчанку вовсе тягостно, и заинтересованность неуклюже имитирую:

— Как хоть звать-то тебя, сирота?

А он — с готовностью и радостно:

— Владимир! Притом, что совсем уж забавно, Ильич.

Ан по разговору-то, кажется, не местный, хотя, разумеется, разговор в наше время — вещь обманчивая, и в совершенстве овладеть стилем какого-нибудь телеведущего — да хоть Познера самого — дело не такое уж хитрое.

— В честь того, что ли?

— Конечно.

— Ну, ничего, не ты один так пострадал — многие.

До сей поры наверняка в честь этой «поп-звезды» младенчиков нарекают.

— Однако фамилия моя...

— Тоже «Ульянов»? Или даже...

— Нет-нет. Вы не о том подумали. Моя фамилия — Брегман. Вы как — к нашему брату?

— Да, в общем, в процессе жизни по-всякому было, но сейчас, пожалуй, — нейтрально. Однако фамилия для данного места-времени и обстоятельств — впрямь... Так что я даже несколько заинтригован, уважаемый Владимир Ильич.

Мне вдруг действительно становится любопытно настолько, что я приподнимаюсь с любимой лежанки, сажусь поудобнее, уже вполне готовый принять к сведению занятую, пусть и не особо оригинальную, историю о превратностях судьбы. Ибо, начитавшись и самолично насочиняв несметное множество разных фантазий, пришёл в конце концов к твёрдому и бесповоротному убеждению: не-е-т, ребята, слабо нам всем в отдельности и даже скопом супротив даже самой рядовой, но реальной одиссеи!

— Итак, как же тебя, нерусский человек, угораздило?

— Это, вообще-то, довольно долгая история...

— Мне показалось, что ты не очень торопишься...

— Совсем не тороплюсь. Но ваша рыбалка...

— До рассвета, небось, успеем!

— Можем не успеть.

— Так не теряй времени!

— А вы не будете перебивать?

— Буду нем как рыба. Но если надоест...

— Не надоест.

Я раскрыл было рот, чтобы напомнить о скромности, но Вова Брегман уже начал повествовать. И я перебивать, помня обещание, не стал, реплику насчёт скромности на потом приберёг, но она не пригодилась.

* * *

...Первое воспоминание моего детства — душераздирающий крик с лоджии шестого этажа:

— Вови-и-к, да-а-мой!

Наверное, он, этот крик, и не был душераздирающим, но для меня он тогда звучал, как гром небесный, как глас самой судьбы. И я, не чувствуя ни малейшей возможности противиться судьбе, покорно плёлся домой, громко рыдая, размазывая по щекам слёзы и сопли. И долго ещё не мог успокоиться дома, пугая моих милых родителей, в такие моменты всерьёз полагававших, что их единственный сын болен ужасной болезнью души, поскольку не может нормальный ребёнок убиваться так из-за ничтожного, на взгляд взрослого человека, повода.

Но, вероятно, всё тогда и началось, когда мои милые родители стали бесцеремонно подавлять первые ростки моего характера. Может быть, также, если бы они тогда решились показать меня психиатру, всё сложилось бы иначе. Но вы же знаете, как в нашей стране относятся люди к психиатрии...

А впрочем, я ни о чём особо не жалею, я даже уверен, что кое в чём мне повезло гораздо больше, чем миллионам соотечественников. Да-да, можете смяться, видя моё нынешнее состояние и положение, но это так!...

Надо сказать, наш двор был своего рода заповедником среди нынешних безликих московских дворов.

В таком или примерно в таком сам Окуджава рос, в нём вовсю бурлила настоящая дворовая жизнь, воспетая классиком. Как эта пресловутая жизнь могла сохраниться в отдельно взятом дворе — загадка, которую я никогда не пытался разгадать и принимал как данность.

Населявшая двор публика была самой что ни на есть разношерстной, ибо разношерстными были дома, составлявшие собственно двор. Теперь-то состоятельные люди селятся отдельно, чтобы не замутить ненароком свою бесценную генетику — правда, не ясно пока, что из этого выйдет — а во времена моего детства ещё безраздельно царило социальное братство в жилищном строительстве. И рядом с обшарпанной башней — у нас в Москве, если случайно не знаете, все многоэтажки башнями зовут, может, по аналогии с кремлёвскими — вполне могла соседствовать внешне очень похожая, но весьма отличающаяся внутри.

Я, как вы уже, наверное, догадались, родился и рос в условиях улучшенной планировки. Отец мой занимал весьма внушительную должность в одном министерстве, мама усилено двигала вперёд неведомую мне до сих пор науку в секретном институте. И я был у родителей единственным, горячо любимым ребёнком, на которого, как водится, возлагались надежды.

И возможно, я эти надежды со временем оправдал бы — ну, пусть частично — однако вмешалось в нашу идиллию одно обстоятельство, наверняка казавшееся родителям ничтожнейшим пустяком — лет в десять от роду влюбился я первый и, как оказалось, последний раз в жизни, что уже само по себе примечательно, не правда ли?

Влюбился я в девочку, которая была старше меня на два года и происходила, что называется, из неблагополучной семьи. У неё не было отца, в смысле, она его не знала, а мама крепко выпивала и отличалась известной неразборчивостью. Словом, не бог весть какая редкость в нашем с вами отечестве...

Как вы уже наверняка догадались, любовь моя в те годы была абсолютно безнадежной и безответной. По общему мнению двора, девочка считалась самой прекрасной на всём белом свете, и у других девчонок, «прикинутых» гораздо лучше неё, имевших много дорогих и редкостных предметов туалета, не было ни малейшего шанса затмить признанную королеву нашего двора.

То есть в тот период все потенциальные рыцари окрестных башен, движимые стадным инстинктом, имели один на всех предмет любви и поклонения. Я же, в силу моего несколько запаздывающего созревания, стал одной из последних жертв любовной эпидемии. И проявил, между прочим, не свойственную мне, в общем-то, скрытность.

На наше счастье, девочка, а звали её Светой, очень долго не отдавала предпочтения никому, благодаря чему сложилось у нас тогда довольно своеобразное братство влюблённых. Хрупкое, конечно, братство, ведь стоило нашей королеве задержать на ком-нибудь внимание, и тотчас вспыхивала жгучая агрессивная зависть к счастливчику.

Но обыкновенно такого внимания не было, и мы ходили за Светкой гурьбой, следя, чтобы кто-нибудь не пересек стихийно определившихся невидимых границ, однако время от времени общим решением отправляя кого-нибудь как бы на проверку незыблемости рубежа.

Словом, нам хотелось и, одновременно, не хотелось, чтоб она сделала свой однозначный выбор. Хотелось, потому что каждый в глубине души лишь себя ощущал имеющим реальный шанс, а не хотелось, поскольку тогда перед всеми, кроме одного, разверзалась бы бездна...

Я же, как лицо по общему убеждению априори нейтральное, время от времени посылался к Светке с чужими объяснениями в любви. И должен сказать, всегда честно исполнял такого рода поручения, всегда совершенно искренне сочувствовал, возвращаясь с отрицательным и порой довольно насмешливым ответом. И ни разу не попытался даже намёком высказать собственное отношение к прелестнице. Ну, сами посудите, такая огромная разница в возрасте, унижительно маленький рост и хлибкое телосложение...

Знаете, меня тогда вполне устраивала некая особая доверительность, установившаяся между нею и мной — незаинтересованным как бы лицом. И мне было жутко представить, как она вдруг каким-либо образом узнает, что и я — тоже...

Конечно, такое, как говорят физики, «безразличное равновесие» не могло сохраняться долго. И однажды наша общая возлюбленная не явилась на ежевечернюю дворовую тусовку без уважительной, как мы подумали, причины. Но вскоре мы узнали, что причина такая как раз, наоборот, была — Светка начала «ходить» со взрослым парнем, которому никто из нас не мог ничего существенного противопоставить. И распалась наша дружная компания. И не стало того, что называлось ёмким словом «двор».

К тому моменту мои родители уже не кричали из окна лоджии своё излюбленное «Вовик, домой!», потому что, во-первых, я стал старше, во-вторых, что более существенно, стал сам являться домой вовремя и абсолютно добровольно, а во двор вечерами ходил лишь затем, чтобы просто проветриться и ноги размять, но не с целью поучаствовать в опасных сборищах испорченных детей.

И ни одна душа в мире не знала, что, выходя вечерами на улицу, я прогуливался, то и дело украдкой поглядывая на заветное окно — не покажется ли в нём бесконечно дорогой лик, не прозвучит ли чарующий голос: «Подожди, Вовец, я сейчас!»...

А между тем шли года. И мои бывшие приятели, бывшие товарищи по несчастной любви, благополучно переболели детской болезнью, заводили романы с другими девчонками, порой даже, объективно говоря, более красивыми, чем Светлана, и уж наверняка — более благонравными. Хотя, наверное, по меркам вашего поколения благонравных молодых людей нынче вовсе нет. Однако вы не можете не понимать, насколько относительно само понятие благонравия...

Изредка, случайно встречаясь с кем-нибудь из ребят во дворе, мы, конечно, вспоминали наше романтично-рискованное детство, делились опытом взросления, беспрестанно и демонстративно не таясь взрослых, смолили американские сигареты, случалось нам тогда уже покуривать и нечто другое.

Прятели, ничуть не смущаясь подруг, рассказывали о вещах, известных вашему поколению разве что благодаря порнофильмам, рассказывали, привирая, конечно, однако, вне всякого сомнения, это не было стопроцентным враньём. Каюсь, я тоже нёс что-то о моих вымышленных похождениях в мире квалифицированного секса, но старался не особо загибать. И мне, пожалуй, верили...

За те годы, что отделили детство от юности условными, разумеется, границами, я Свету почти не встречал. А если видел изредка — то лишь издалека. И мы довольно приветливо улыбались друг другу. Увы, она выросла всё стремительней, соответственно, разница в возрасте не сокращалась, а, наоборот, ещё росла.

И такие мимолётные встречи на многие дни выбивали меня из колеи, по которой я катился, почти убедив себя в том, что, наконец-то, слава богу, вырос из неприлично затянувшейся детской влюблённости, что свободен, наконец-то, как все нормальные свободные люди. А тут какой-то ничтожный миг — и снова заходит сердце, снова вибрирует дурацкая восторженная душа...

Однако, с другой стороны, если «визуальные контакты» долго не случались, но при этом бесперебойно узнавал я о моей возлюбленной всевозможные гадости, ничего страшного со мной не происходило, а, напротив, я ощущал некое мстительное удовлетворение и говорил себе наставительно: «Радуйся, Вовка, что не вышло у тебя ничего со Светкой, и нет теперь тебе никакого дела до приключений этой отпетой биксы...»

Глядя в зеркало — а я когда-то не чурался этого занятия, не то что сейчас, когда стараюсь без крайней нужды не попадаться себе на глаза — я в общем и целом бывал удовлетворён увиденным. В детстве, как вы помните, меня не устраивали хилое телосложение и недостаточный рост. Но с годами эти недостатки малопомалу исправились сами собой. И превратился я в молодого человека весьма приятной, интеллигентной наружности, чему сейчас, увы, невозможно, пожалуй, поверить, правда, атлетическим сложением не отличался никогда.

И с моими детскими комплексами выходило сложнее. В зеркало глядел и наполнялся уверенностью в себе, но, уходя от зеркала, уверенность оставлял там же. И чувствуя это, девушки на меня, прямо скажем, «не вешались». И я приходил к выводу, что-либо ни черта не смыслу в мужской красоте, либо дело отнюдь не в ней. Потом понял — действительно не в ней. Впрочем, это любой взрослый человек понимает, а уж женщины — особенно...

Итак, несмотря на то, что со Светланкой мы в те годы практически не встречались, мне в общих чертах всё было известно про неё. Я знал, что мать у неё в конце

концов умерла от цирроза, болтали, что сгубила женщину некачественная самодельная водка — она тогда только-только начала появляться — но я полагаю, что если ежедневно до упора накачиваться самым лучшим коньяком, то результат выйдет не менее печальным.

Мать увезли в морг, откуда никто её тело не требовал. И оно, по-видимому, бесследно исчезло в печи крематория. И дело не только в том, что Светлана была никудышной дочерью, а мать — никудышной матерью, хотя никудышными они, разумеется, были обе, но главным образом дело в том, что у Светки, естественно, не было денег на приличные похороны. Откуда им взяться...

Оставшись одна, владелица отдельной, хотя весьма запущенной, квартиры унывать не стала, а продолжила жить, по возможности, весело. Она, ничуть не колеблясь, бросила осточертевшую школу, которую бросила б и при живой матери, и стала вести жизнь вольную, рискованную и бесшабашную, временами где-то работая — то в больнице санитаркой, то в супермаркете уборщицей, то в киоске продавщицей, то иными незатейливыми способами пробавляясь.

И довольно долго такая беспутная, в общем-то, жизнь на внешнем виде Светланки никак не сказывалась. Наоборот, девушка становилась всё привлекательней, всё, ей-богу, прекрасней. Впрочем, разумеется, я не могу быть в данном случае беспристрастным ценителем.

Более того, думая про Свету, я мысленно сочинял для себя оправдательную сказку про глубоко — до лучших времён — упрямые порядочность и чистоплотность человека, волею роковых обстоятельств ввергнутого в болото потомственного беспутства.

И ещё я думал, что, может быть, однажды обстоятельства сами собой всё-таки сложатся так, что Светлана поймёт вдруг, в ком её счастливое спасение. И призовет меня. И я спасу её, вырву из этого болота, в конце концов, кто-то должен спасти заблудших и падших — почему не я?

И грезило мне в самых завиральных моих грёзах, как идём мы с моей возлюбленной, что называется, рука об руку по Арбату, нет, не идём, а тихонько едем в роскошном автомобиле — пусть там никто давно не ездит, но ведь это ж грёзы — а гуляющая публика узнаёт нас, будто мы звёзды театра и кино, радостно приветствует. И никто на всём белом свете не помнит, кем была моя блистательная дама когда-то, пока я её не спас...

В общем, представьте только, какие раздирали меня противоречия: с одной стороны, я радовался, что измучившая меня любовь понемногу отступает, с другой — предавался фантастическим мечтам, как некоему постыдному пороку...

А с моей благополучной семьёй происходило между тем вот что.

Стремительно менявшиеся времена для большинства менялись, как известно, отнюдь не в лучшую сторону, но для нас — совсем наоборот. Наша семья стремительно шла в гору, мы становились новыми российскими буржуа — «новыми русскими», как стали нас

всех несколько позже именовать. То есть мои интеллигентные предки обнаружили вдруг удивительную хватку, которая, разумеется, присуща всему нашему племени, но, согласитесь, в очень разной степени — я лично знаю многих евреев, которые впали в нужду ничуть не меньшую, чем бывшие советские колхозники.

Уж не ведаю, каким образом — нет, ей-богу, не ведаю, потому что не занимало меня это никогда — папа мой вдруг из малоприметного советского чиновника превратился в президента процветающего банка, мама, забросив к чертям секретную науку, внезапно переставшую кого-либо интересовать, в том числе, похоже, и «потенциального противника», вдруг сделалась видным политическим деятелем — не слишком видным, как мне кажется, весьма влиятельным, поскольку всякая очередная администрация находила для неё выгодное и престижное дельце. Всё же истинная учёность — вещь никогда не лишняя.

Замечу однако, что, если бы не случились с нашей бедной страной эти роковые перемены, позволившие многим успешно порыбачить в мутной водичке, мама теперь непременно была бы академиком, отец, весьма вероятно, министром. И «пятая графа» их не оставила б, мне сдаётся...

То есть если вывести за скобку способности таланты и вести речь лишь о трудоспособности да умении устраиваться в жизни при любом политическом климате, то мои родители, разумеется, не промах. Но что в этом плохого, если мир сконструирован так, если состоит он и состоять будет не столько из классов и наций, сколько из меньшинства и большинства.

Кстати, среди русских чиновников, насколько я вижу, тоже никто не пропал, никто не последовал вместе с идеалами на свалку истории. И на митингах дерут глотку не они, а те, что при любом раскладе обречены оставаться в дураках, будучи даже не дураками в классическом понимании этого слова.

Вы со мной согласны?...

Итак, моя семья пошла в гору, мы уехали жить, как все, на Рублёвку, где за высоким забором встал наш родовой замок, и школу я заканчивал уже не ту, общенародную, политехническую, трудовую и пр., а другую, элитную. Не в том, конечно, смысле, что в ней мелкосерийно производили вундеркиндов, хотя, само собой, усиленно делали вид, а в том смысле, что в ней избавляли детей состоятельных родителей от дурного влияния.

Так что учились в нашей школе не только дети более-менее уважаемых банкиров и генеральных директоров ЗАО, но и отпрыски крупных бандитов, тоже потянувшихся к респектабельности.

Впрочем, чьи дети генетически лучше, однозначно не скажешь, все, притворяясь дома паиньками, в компании себе подобных курили, причём не только американские сигареты, но и среднерусскую коноплю, охотно употребляли пиво и более крепким алкоголем не брезговали, случалось, по-крупному играли на деньги, влезали в большие долги и тянули из дома разные ценности, по древней традиции сваливая все грехи на несчастную челядь.

И уж тем более никто не чурался сколько-нибудь упорно «революционной романтики». Это я сексуальную революцию имею в виду...

Я тогда, отделившись от моей возлюбленной целым мегаполисом, о ней почти совсем не вспоминал. Далеко находились и прежние общие знакомцы, прежде снабжавшие меня информацией. И однажды у меня наметилось даже нечто вроде романа с однокурсницей. Лишь по чистой случайности мы не продвинулись с ней далеко. Просто как-то не возникло ни одной «революционной ситуации». Однако если бы ситуация возникла и мы с подружкой сумели ею воспользоваться, то, став, конечно же, событием этапным, определяющим судьбу событием она бы не стала точно...

А после школы ждал меня заграничный университет. Само собой, из самых престижных. Но тут — случай. Тот самый — желанный и пугающий. Но, может быть, — неизбежный?...

В общем, гуляли мы с моими «элитарными» школьными приятелями однажды, были, по обыкновению, не вполне трезвыми, вздумалось нам ещё по баночке пива накатить, подвалили к ближайшему павильону, а там — Светка. И такой обалденный макияж у неё для привлечения покупателя — просто глаз не оторвать. И я впрямь обалдел — господи, ведь мы ни разу не разговаривали с ней с того момента, как я перестал рассказывать ей о чужих чувствах!...

До сих пор изумляюсь, до чего легко потом всё у меня получилось. Ни один из моих «элитарных» собутыльников, как ни странно, не усомнился в моих эксклюзивных правах на незнакомую смазливую продавщицу, приятели мои в один момент исчезли куда-то все, а я остался. И Света, подавая мне пиво, сказала протяжно и, как показалось, зазывно:

— Вовец, с ума сойти, какой ты стал! — И добавила, совсем уж игриво: — Может, угостишь девочку «джинчиком» да прикольной сигареткой, а то нам плотят так мало...

Этим своим «плотят» она меня почему-то особенно растрогала, даже умилила. Хотя умиление моё, как вскоре выяснилось, было преждевременным, поскольку эта странная девушка, благодаря диковинному нынче среди большинства молодёжи пристрастию к чтению серьёзной литературы, обычно изъяснялась на приличном родном языке, одновременно в совершенстве владея сленгом, а также и стилизуясь под настрояние.

Светлана с лязгом открыла стальные засовы, и я оказался внутри. Как в буквальном смысле, так вскоре и в фигуральном...

И я пробыл с ней в её железном ящике с товарами всю ночь. При этом Светланка даже не подумала прекращать работу, она умудрялась как ни в чём не бывало обслуживать редких ночных покупателей, непринуждённо и с лёгкостью приостанавливая наши страстные занятия, а потом так же непринуждённо возвращаясь к ним и начиная с того самого места, где мы остановились.

Помню, как была меня поначалу крупная дрожь, как это явление изумило и потрясло мою возлюбленную, как призналась она, что впервые ей достался такой уникально свежий экземпляр.

Нет, разумеется, полуночникам-покупателям не было сквозь узкую амбразуру видно, чем столь увлечённо занимаемся мы в тёмном и тесном закутке. Однако многие всё же догадывались, отпуская свои незамысловатые шуточки. Впрочем, шуточки были скорей сочувственными, нежели язвительными. А то бы, в припадке неуместного донкихотства, мог и драку учинить.

А под утро мы со Светкой внезапно вырубались, непостижимым образом поместившись вдвоём на узенькой лежанке из пивных ящиков, покрытых довольно тонким поролоном. И разбудила нас Светлана сменщица, такая же ослепительно раскрашенная и не отягощённая комплексами, весёлая и абсолютно бесцеремонная, сразу с порога объявившая, что будет принимать товарные ценности по факту, в смысле, вместе со мной. Однако, получше присмотревшись, согласилась принимать товар согласно накладным — после фантастической во всех смыслах ночи я, очевидно, товарного вида не имел и подлежал списанию.

Но «мечта моя осуществлённая» сменщицу встретила довольно прохладно, шуточный тон не поддержала, а на её весьма поблекшем за ночь лице читалась явная досада. И я догадался, в чём дело, лишь тогда, когда перед уходом, не без труда преодолевая гордыню, Света заискивающе обронила: «Надеюсь, Тенгизуто не настучишь, подруга?..»

Конечно, эти слова больно резанули моё благородное сердце, но я всё-таки смолчал, помня условие, выдвинутое и с лёгкостью принятое ночью: «всё, что было раньше с тобой и со мной, ни малейшего значения не имеет, ведь правда?..»

А сменщица лишь фыркнула в ответ: «Какой базар — могила!» Но мне лично было очевидно: настучит, непременно настучит. И хорошо, потому что порывать с прошлым, особенно мрачным, надо одним махом. Чтобы больше никогда ничто не отягощало душу...

Потом мы со Светой шли по родным с детства местам, правда, это был не Арбат, но тоже ничего, вошли во двор, где я впервые увидал мою королеву и обомлел на всю жизнь, проследовали в «королевские покои», притворяющиеся однокомнатной хрущёвкой, неплохо ухоженной, хотя, понятно, убранством не блистающей.

Мы проследовали, а вечно неуваждаемые соседские старухи глядели нам вслед и шептались. И одну, по крайней мере, фразу я расслышал совершенно отчётливо: «Этот жидёнок дождался-таки своего часа и думает, что победил, дурачок. А это ещё одна небесная кара всему ихнему отродью...»

Слова насчёт «отродья» не произвели на меня особого впечатления, но потрясло то, что старая ведьма знала моё самое сокровенное. И даже будущее не являлось для неё большой загадкой. Впрочем, насчёт будущего я тогда ей не поверил, конечно...

Мы зашли в «покои», имея при себе большие запасы еды, курева и питья, мы заперли дверь на оба замка, хотя сама дверь была хлипкая, советская, она не выдержала бы пинка пятилетнего ребёнка.

За Светлану не скажу ничего, но я в тот момент чувствовал себя ветхозаветным Адамом, на которого обрушилась вдруг величайшая из когда-либо стоявших перед человеком задач — зачатие человечества. Да-да, не смейтесь!...

Я начисто утратил чувство времени, думал, что и Света его тоже утратила, но когда минуло трое суток, она в один момент сделалась деловитой и стала собираться на работу.

То есть трое суток кряду, временами впадая как бы в оцепенение, мы занимались любовью. Конечно, что-то временами, не разбирая вкуса, ели, точнее, пожирали, когда совсем иссякали силы, изредка вместе забирались в тесную советскую ванну и открывали настежь окно, чтобы смыть с себя и выветрить вон характерный для таких страстей густой, жизнерадостный и липкий дух псины. Но и в ванне мы не давали друг другу покоя, и на подоконнике. Ну, мне-то, начинающему любовнику, такое озверение простительно, а с ней-то, со Светкой, что вдруг приключилось?...

А ещё, знаете, ведь я заметил, что мои слова «предавались любви» вас явно покоробили. Очень вас понимаю, поскольку тоже считаю, что заниматься любовью, это всё равно, что заниматься надеждой и верой. И в прежние времена великий наш целомудренный язык не знал такой словесной конструкции.

Но думаю, что даже и теперь талант любить даётся людям ничуть не реже, чем в «галантном» веке. А вот в будущем не столь уже отдалённом... В будущем, боюсь, будет некому и некого любить — наши постоянно развивающиеся потребности приведут к тому, что мы будем только потреблять друг друга, пока все всех не употребят...

Конечно, я не был абсолютно несведущ по части достижений современной сексуальной технологии, уже тогда порно по видео посмотрелся всякого. Но за трое бурных суток прошёл полный практический курс.

Забавно, однако в минуты отдыха мы со Светкой несколько раз включали видак, который, в отличие от многих других предметов, уже тогда был в её квартире, как и соответствующие кассеты, хотя говорят, что женщины обычно равнодушны к порно. Это нам уже собственной фантазии не хватало, и требовалась шпаргалка. И мы хохотали над несчастными артистами, видя их чисто механические затруднения — трудно всё же заниматься любовью в присутствии многочисленной съёмочной группы, громадный профессионализм потребен. Что, кстати, лишний раз говорит в пользу нашего русского понимания любви не как процесса, но как состояния души...

Когда после всего безумства я появился в моём тихом и благопристойном во всех отношениях доме, оба родителя встретили меня натуральной истерикой. Оказывается, за время моего отсутствия они не только милицию на ноги подняли, но и мобилизовали на поиски

пропавшего чада целое сыскное агентство, что влетело, разумеется, в немалую копеечку.

И меня уже почти нашли, поскольку был разыскан тот самый Тенгиз, хозяин забегаловки, где трудилась Света. Но тут я явился сам.

Тогда я не был ещё окончательно потерявшим совесть блудным сыном, и сердце моё разрывалось от жалости к родителям. Так что я сразу обо всём им рассказал, и мы вместе поплакали, а после и посмеялись над моей такой странной в наш век любовью. Родители были твёрдо убеждены в том, что мы, евреи, в силу нашей этнической древности, давно не способны на безрассудную любовь, а я это убеждение вдруг опроверг, чем возвысил родной народ в наших же глазах, но, одновременно, и принизил, наверное...

И несколько дней я без моей Светланы, как ни странно, ничуть не страдал. А вспоминал о ней как об изнурительно-сладостном сне. И родители начали думать, что это было у меня просто бурное такое проявление юношеского рефлекса.

Я снова, как ни в чём не бывало, стал ходить в школу, где на ехидно-завистливую бесцеремонность приятелей и приятельниц отвечал невозмутимо-цинично, это успешно заменяло реликтовую романтическую, так что я на какое-то время даже сделался интересным для тех, кого прежде абсолютно не интересовал.

Но понемногу ходить ежедневно в школу опять опротивело, увлекло же, напротив — ни за что не догадаетесь — чтение русских классических романов не целиком, правда, но где — про любовь. Однако заграничный университет я при этом изредка всё же вспоминал, убеждая себя, что мечтаю о нём даже. Но, если честно, эта мечта и прежде-то была не слишком мускулистой, а теперь уж точно при смерти находилась...

Тем не менее, в эти, может быть, последние безоблачные в моей жизни дни я даже дал родителям твёрдое обещание никогда больше их подобным образом не волновать и сам себе тоже поверил. Мне искренне показалось, что наконец-то свершился некий важный этап, произошёл-таки переход мой на какой-то иной уровень, освободился я от тайны, удушавшей меня много лет, и теперь я вольный казак.

Родители, вполне удовлетворились моим торжественным обещанием, но, как я позже догадался, видимо, не ожидали, что добьются его легко, и готовили на крайний случай спец, так сказать, аргумент, который отец по завершению разговора и выложил, чтобы добро, как говорится, не пропадало.

— А ещё, Владимир, знай, — сказал с улыбочкой отец, будто произносил нечто особенно приятное, — если тебе захочется нарушить наш уговор, то последствия будут самыми радикальными.

— В смысле?! — изумился я, поскольку прежде в нашей семье чьи-либо обещания не подвергались столь откровенному сомнению.

— В том смысле, что если мы с мамой уличим тебя в обмане, то твоя девушка исчезнет совсем, без следа.

— Как?! — совсем уж растерялся я, никогда не слышавший от моего добрейшего и благороднейшего родителя ничего подобного.

— Обыкновенно. Физически, — пожал плечами отец и даже ухмыльнулся неведомой мне прежде зловещей ухмылкой, — существует масса способов, красочно описанных в коммерческой литературе, и, честно говоря, меня не интересует, какой именно изберёт профессионал, которого я найму, если будет нужда. Или ты, сынок, думал, что я сам возьмусь за столь неэстетичное дело?

— Не-е-т... — выдавил я кое-как.

Разумеется, ничего такого я думать не мог, более того, я и предполагать не мог, что мой папа, прежде не способный муху обидеть, совершил за последние годы такую эволюцию. Но, с другой стороны, банкиров убивали часто, а мой отец благополучно здравствовал...

А пару дней спустя, после школы, я, сам не поняв как, вдруг очутился возле знакомого до боли павильона. И по стечению обстоятельств, Светлана как раз на работе была. И под глазом её темнел слегка закамуфлированный фингал, который её ничуть не портил, наоборот, придавал лицу трогательный оттенок мученичества и, я бы даже сказал, страстотерпия. Возможно, вам хочется возразить, что данное слово к постельным страстям отношения не имеет, однако если учитывать последующие события, то...

И сразу с новой силой полыхнул мой пожар в груди, и первый порыв был — немедленно убить, изничтожить ненавистного азиатского деспота Тенгиза, однако вся сила порыва вскоре пошла на то самое, на что вообще уходит большая часть всей мужской энергии, в каких бы каменоломнях вы ни трудились сорок часов в неделю.

Впрочем, на сей раз мы с моей возлюбленной постарались быть осмотрительней. И я был бесцеремонно выдворен из служебного помещения за полчаса до пересменки. Однако дома-то я опять не ночевал, и скрыть этот проступок от родителей не представлялось возможным. Тем более невозможно было что-то убедительное соврать.

И отец заявил, что его намерение решить проблему радикально было прежде предварительным, а теперь стало окончательным и бесповоротным.

А я сказал:

— Папа, ты не сделаешь этого.

— Сделаю, — возразил папа.

— Не сделаешь! Не сделаешь, иначе...

— Иначе — что?

— Я тоже умру.

— Ерунда. Кишка тонка.

— А для этого толстой кишки вовсе не требуется, потому что «шлёпнуть себя каждый дурак сумеет...» — крикнул я запальчиво и сквозь слёзы.

— Нашёл кого цитировать, сам он дурак, твой Островский!

— Скорей уж — твой. Вашего поколения образец...

— Не важно. Важно, что у него тоже была кишка тонка, вот и возомнил себя незаменимым писателем...

— Ну, тогда я заявлю на тебя в милицию!

— Куда-куда?! В милицию?! Ха-ха-ха! — вот насмешил, сыночек, так насмешил, спасибо, давно так не веселился!

— Тогда я тебя самого убью, бандюга! — выпалил я, полностью теряя контроль над собой, и это, наконец, произвело нужный мне эффект.

Мои родители только рты в изумлении открыли и так, безмолвствуя, лишь переглядывались выпученными глазами, а потом, так и не издав ни звука, покинули мою комнату. И могильная тишина установилась в доме. А потом к нему с воем подкатила неотложка...

А я завалился спать и моментально уснул сном праведника. Проснувшись, поел с аппетитом, взял с полочки денег, которые в нашем доме не было принято от кого-либо прятать. И был таков. И даже не поинтересовался, зачем вызывали доктора.

Я догадывался, что Светку трудно застать дома, поскольку ведёт она весьма активный образ жизни, но дверь оказалась не запертой, и я сам её тихонько запер. И на цыпочках прокрался в кухню, выгрузил там купленные по дороге припасы, а больше уж опять терпеть не мог — опять была крупная дрожь, унять которую можно лишь единственным способом, и было не до полноценного завершения сюрприза.

Хорошо ещё, что не разделся догола прямо в кухне, что-то остановило вовремя, заставило прежде глянуть одним глазком...

В общем, как вы уже, наверное, догадались, моя возлюбленная была в постели не одна. С ней был какой-то «горилла», сплошь покрытый курчавым чёрным мехом, который ворковал ей на ухо что-то наверняка гнусное и скалил огромные кривые зубы.

Будто ошпаренный, я кинулся прочь, но запертые мною же замки почему-то не поддались, сломать ветхую дверь одним ударом ноги мне как-то не пришло в голову, и я опять очутился в кухне, совершенно лишённый возможности соображать. И дрожь меня была по-прежнему, только это была уже, наверное, иная дрожь. А потом рука сама собой потянулась к большому кухонному ножу.



«Зарежу сейчас этого Тенгиза, и будь что будет...» — заголошно метнулось в голове.

И тут, наконец, моё противозаконное, вообще-то, присутствие в квартире было учуяно. Ритмичные звуки в комнате резко прекратились, потом послышался шорох, и через мгновение моя неверная возлюбленная предстала передо мной в едва накинутом халатике. Но я не смятение увидел в её блудливых глазах, не ужас тем более, но только изумление, кокетство, с трудом удерживаемый смех.

— Вовка, откуда ты взялся?! И почему такой взъерошенный, надутый? — Она при этом подошла ко мне вплотную, как бы автоматически вынула тесак из

моей руки, но прятать или зашвыривать его подальше не стала, а просто положила на стол, будто знала наверняка пределы моей агрессивности.

И я, почти парализованный, даже не сразу понял, что вершить правосудие мне стало уже нечем.

— Так ты чего, милый?

— Этот твой Тенгиз... Этот «вампир бухарский»... Дай сюда ножик — я убью его!

— Какой Тенгиз? При чём тут Тенгиз! Это совсем другой человек!

— Дру-у-гой?! Так, значит, ты... Тогда я тебя сейчас...

— Ну-ну, «отелло» хреново! Явился без предупреждения, не постучал даже... Заруби себе на носу: я — девушка свободная, и никаких обязательств у меня ни перед кем нет.

— Но ведь мы с тобой в прошлый раз... В прошлый раз мы так... Какие ещё нужны обязательства?

— Ну, бывают же какие-то... — И вдруг она, будто ничего ужасного, ничего непоправимого не случилось, заставила меня сесть на массивный старомодный табурет, сама взгромоздилась ко мне на колени, при этом одна половинка халата как бы нечаянно сползла, обнажив умопомрачительную загорелую ногу до самой... И губы блудницы этой уверенно приблизились к моим плотно сжатым губам.

Но я, помня о том, что ещё несколько минут назад этот рот целовал «гориллу» и, весьма вероятно, делал кое-что ещё, нашёл в себе силы отстраниться. Но прежде успел уловить запах того мохнатого чудовища, что затаилось в комнате и готовится к броску...

Однако «чудовище» вовсе не затаилось. Потому что из комнаты вдруг послышался отчётливый бархатистый храп умиротворённого, всем довольного самца, не ощущающего за собой даже ничтожной вины, что вновь всколыхнуло мой праведный гнев: «Они оба прекрасно понимают, что нанесли мне смертельную рану, однако совершенно не принимают меня всерьёз!»

— Я хочу, чтобы он немедленно ушёл, — вот всё, что я смог внятно произнести.

Возможно, в этот самый момент я и пропал окончательно. Если, разумеется, не считать момент моего появления на свет. До того ещё была хотя бы призрачная возможность проявить мужскую твёрдость и принципиальность, но, произнеся жалкие, рабские слова тогда, когда нужно было, как говорится, стукнуть кулаком по столу, я стремительно поплыл вниз по течению туда, где ждали меня бесчисленные водопады и водовороты невысказанной для нормального человека жизни...

— Ишь ты! — так отозвалась на мою смиреннейшую просьбу моя потаскушка. — А он, наверное, хочет, чтобы ушёл ты. И как мне быть? А может, испробуем третий или нулевой вариант?

— Какой ещё «третий-нулевой»?

— Эх, ты, потёма! — Светка беззаботно расхохоталась и снова полезла целоваться.

И я не смог противиться ей. Мы поцеловались. Бр-р-р...

— Замечательный вариант, Вовка! Мы смогли бы порезвиться втроём. Я один раз пробовала — классно! И можешь за меня не беспокоиться, я — сильная!

И снова я онемел. Но не надолго. На мгновение лишь. Ведь был просто щепкой, ни на что не годным сором, затыкнутым в водоворот.

— Да-а-а... Можно было предвидеть даже и это... — произнёс я тоскливо, — ты многому научила меня в прошлый раз, не приходится сомневаться, что это была не вся учебная программа... Однако втроём я не могу. Никак. Я лучше пойду отсюда к чёртовой матери... Нет, я лучше здесь тихонько посижу, пока вы не закончите... Не возражаешь?

— Ну, ты, Вовец, тоже... Извращенец! Хотя — сиди. Тем более что мы, в принципе, закончили.

— Да кто хоть он? — спросил я даже не из любопытства, а просто чтобы не молчать, как возле гроба с покойником.

— Какая разница! Человек. Мужчина. Как говорится, «кавказской национальности». Но он заплатил. Не слишком щедро, как всякий кавказец, у которого в основном — понты, однако — сходно. И я была бы последней душой, если б отказалась. Мы ведь с тобой должны как-то существовать...

А я только и жаждал какой-нибудь «соломинки»! И на сей раз уже я кинулся целоваться.

«Вот оно! — просияло в больном мозгу, готовом как угодно обманываться, лишь бы не взорваться от ужаса, — вот в чём суть! Эта юная русская женщина — есть сама жертвенность! Она ради меня пошла на панель, не ведая, что в этом нет никакой необходимости! А я-то, болван...»

И я пал на колени посреди маленькой кухни, забормотал безумно и страстно:

— Любимая! Глупенькая моя! «Коня на скаку...», «В горящую избу...» — да ведь это же всё — про тебя! Но больше никогда-никогда не делай этого ради денег — нет никакой нужды! Если ты станешь только моей, навсегда моей, я подарю тебе весь мир! Ну, если не весь, то изрядный кусок...

На дорогом лице при моих последних словах мелькнула недоверчивая, ироничная усмешка, что ещё больше меня раззадорило.

— Будто ты не знаешь, кто мои родители?

— Шишки какие-то. Как и все евреи... Были когда-то шишками...

— Не только были, но и есть! Они дико богаты, а я — их единственный сын!

— Что ж ты сразу об этом не сказал, дубина! — В голосе теперь, пожалуй, была и обида, словно девушка впрямь только из-за жестокой нужды решила торговать телом.

— Так повода не было...

— Эх, ты, «Вовка-дурак, курит табак!» А ещё еврей. — Обида в момент исчезла, взамен неё вступила неслыханная ни разу прежде нежность. — Если не врётся, тогда это многое меняет... Сейчас же прогоню клиента. В конце концов, его паршивые копейки я с лихвой отработала. Если не врётся, я, пожалуй, и вправду постараюсь быть только твоей, хотя это, наверное, будет чертовски скучно... Но, вообще-то, дорогой, по-моему, ты неправильно всё воспринимаешь, старомодно. А секс — это всего лишь приятная такая физкультура. И тот, кто это понимает, живёт долго, счастливо, безо всяких проблем... Однако пока ты преодолеваешь свою старомодность, я обещаю терпеть, только не слишком долго...

Может быть, в тот момент она была искренна и верила сама, что способна к сколько-нибудь продолжительной верности?...

Света пошла, решительно растолкала храпевшего «гориллу», тот что-то недовольно бурчал, он особо не сопротивлялся. Прежде, чем уйти, он, сволочь, заглянул в кухню, нагло подмигнул и показал оттопыренный большой палец. Будто я тоже клиент. Будто без него не знаю Светкиных талантов.

Скажите, что, по сути дела, я и был клиентом, причём пообещавшим заплатить за всю жизнь вперёд? Но в таком случае, разве большинство добропорядочных мужчин не такие же клиенты?...

И стали мы со Светланой жить, как настоящие муж и жена. И целых четыре дня мы так жили — не улыбайтесь, это очень большой и не только для нас срок — изо всех сил демонстрируя друг другу основательность отношений. Так, я за три дня собственными руками починил выключатель, чего ни разу не делал, ни до этого, ни после, а она постирала мне рубашку и уверяла, что ей стала гораздо понятней душа рачительной домохозяйки.

А в конце четвёртого дня Светлана вдруг увидела за окном знакомую машину. И сделалась бледная как

снег, — это Тенгиз со своими головорезами нагрнул в наше тихое гнёздышко.

Но только мы успели представить в общих чертах, что с нами сейчас будет, как знакомую машину за окном увидел я. Это была папина машина. И он — в сопровождении людей внушительной наружности.

Папа всё и уладил в один момент. А нам через занавеску это замечательно было видно. Кто не знал, в чём дело, мог бы подумать, что случайно повстречались двое добрых знакомых. Но если бы оба босса не выехали лично на разборку, то совсем без крови вряд ли обошлось.

В итоге Тенгиз, которого я никогда больше не видел, сел в машину и уехал, кинув на занавешенное окно полный тоски, как мне показалось, взгляд. А папа, оставив свою "security" во дворе, позвонил в дверь. И на вид это был мой всегдашний отец, невыразимой мукой во взгляде и тихим, скорбным голосом напоминающий самого Христа.

И, не удостоив Светку даже взглядом, сказал:

— Ну, хватит же, блудный мой сын. Потерял постылую невинность, и довольно. С каждым это случается, но потом приходит время взрослеть и умнеть. Я полагаю, что девушка не будет в обиде, если я дам ей сейчас определённую сумму, и мы расстанемся навсегда. Кроме того, я же только что выкупил её из рабства, а свобода вообще бесценна.

Только после этих слов папа, наконец, счел возможным глянуть на мою возлюбленную и даже произнести нечто, отдалённо напоминающее комплимент.

— А вы, Света, и впрямь красавица. Хотя, пожалуй, на любителя. Ну, подумайте, на кой вам сдался наш дуралей? Поверьте слову старого еврея: жизнь с нашим братом скучна и пресна, мы совсем не склонны к житейским бурям и катаклизмам, нам дороже всего устоявшийся быт и размеренность существования. И вы, такая яркая да эффектная, очень скоро затоскуете с Вовой. К тому же он — маменькин сынок, если что, имейте в виду, может даже сесть вам на шею, наплевав на свои сегодняшние рыцарские будто бы принципы. Впрочем, он, кажется, уже на них наплевал.

И тут Светка вдруг обоих нас ошарашила.

— Но я люблю вашего сына, — произнесла она с бесконечной кротостью на лице и в голосе, — он меня тоже любит... Да вы, Илья Семёнович, сами всё прекрасно знаете...

И дальше, по-моему, разговор стал развиваться в непредвиденном для отца русле. Тогда мне впервые пришла в голову мысль о том, что моя возлюбленная — самая настоящая ведьма. Только это исчерпывающее объясняет вообще всё и со всех, кроме, разумеется, самой ведьмы, снимает всякую ответственность.

— Но как вы представляете дальнейшее, девушка?! — словно бы моментально забыв обо мне, вдруг с несвойственной ему страстностью воскликнул мой всегда предельно рассудительный родитель. — Или вы о нём, как и Вовка, совершенно не думаете? Ни за что не поверю!

— Правильно, — сказала Светлана невозмутимо, — я думаю о дальнейшем. Но, боюсь, моя расчётливость напугает вас ещё больше.

— Расчётливость — самая уважаемая мною человеческая черта, хотя желательно иметь что-то в дополнение к ней...

— Тогда... В общем, я знаю, что Володя скоро поедет учиться в Европу. И пусть едет — никто не должен ему мешать. А когда мы оттуда вернёмся, то официально поженимся. Если никто не передумает, конечно.

— А ты тоже хочешь — туда?!

— Да мне-то и здесь нормально. Однако дело не во мне. Дело — в нём. Он же дня без меня не протянет в той загранице.

— Понятно, — отец вдруг разом успокоился, — в общем, ты считаешь, что надо пустить дело на самотёк и ждать, когда всё само собой образуется. Куда, говоря по-русски, «кривая выведет»... Но что я скажу матери?! Вовка, болван, что я маме скажу, ведь у неё — сердце!

— Так и скажи, — промямлил я, не поднимая глаз, — что я её по-прежнему люблю, но ничего не могу с собой поделывать, потому что — заболел. И никто не сможет меня вылечить. Разве что — время... А мы со Светой тут пока поживём. Дозреете — позовёте. Чтоб там ни было, я же пока не стал законченным наркоманом и алкоголиком, не заразился проказой и спидом, не умер...

— Ладно, — тяжело вздохнул папа, — попробуем дозреть. В конце концов, наша мама — член депутатского комитета по делам молодёжи. Кому, как не ей, знать предмет не понаслышке... Хотя человек сам по себе так устроен, что если даже умеет хладнокровно разбираться с человеческими бедами, так только с чужими...

Как я уже сказал, от гангстера твоего, Света, я откупился. Кстати, с ним можно иметь дело, жаль, что пришлось свести знакомство при иных обстоятельствах... Но всё же оставляю я вам свой сотовый — себе другой куплю... Может, ещё пистолет?... Да нет — лишнее...

И родитель мой, погруженный в тяжкие думы, удалился. А мы остались. И немедленно бросились в объятия друг друга. И снова меня колотило...

А чуть позже Светка сказала, что мой отец произвёл на неё весьма благоприятное впечатление. И я, ничего плохого в том не усмотрев, промолчал о планировавшемся когда-то отцом «радикальном решении проблемы».

Вечером отец явился снова и объявил нам решение, насквозь пронизанное духом тяжкого компромисса. Нам предлагалось незамедлительно прибыть в лоно семьи и там оставаться без определённого пока статуса.

И мы поехали, прихватив немудрящие Светины пожитки, легко уместившиеся в одной объёмистой сумке. Разумеется, содержимое квартиры было более значительным, но, во-первых, в нашем необъятном доме имелось всё необходимое для комфортного проживания, по меньшей мере, двух десятков человек самого разного возраста; во-вторых, Светланин скарб, если бы нам вздумалось притащить его с собой, внёс бы в наш интерьер слишком сильный диссонанс; а в-третьих, и

это самое главное, какой смысл опустошать жилище, в которое при случае можно моментально отступить, как на заранее подготовленную позицию...

А на пороге нас встретила мама. Вот чудачка, она держала в руках какие-то цветы — хорошо хоть не хлеб-соль — но лицо её и даже фигура выражали такое беспредельное страдание, что я содрогнулся. И подумал, что мама выглядела бы точно как, если бы я внезапно трагически погиб.

Мама попыталась нам что-нибудь соответствующее сказать и даже растянула губы в мучительной улыбке, но тут самообладание оставило её, и она неудержимо разрыдалась, кинулась прочь, уткнув лицо в злополучный букет. А мы остались стоять на пороге. Даже отец не сразу сообразил, что делать дальше.

В конце концов, он плюнул на заранее разработанный сценарий, легонько подтолкнул нас в спины, и мы вошли в дом, молча, не глядя друг на друга, разделись в прихожей, прошли через необъятную гостиную, поднялись наверх, где ждал нас небольшой, но шикарно сервированный стол, да только не было что-то аппетита ни у кого.

— Садитесь, ребята, — сказал отец попросту, — вы — дома. Кушайте. Без мамы. Она, очевидно, приняла лекарство.

— Но, может, мне следует... — робко начала было Светлана.

— Ничего тебе не следует, — сурово оборвал ее отец.

И мне никогда не суждено было узнать, что хотела сказать Света и о чём подумал отец.

— Давайте, что ли, — с усилием продолжил папа, — отпразднуем хотя бы чисто символически вашу... Наше... Тьфу, не придумаю, как и назвать... А назову-ка, пожалуйста, «эксперимент на уживаемость», если не возражаете. Чтоб он был удачным! Ну, по крайней мере, минимально невыносимым...

Мы не возражали. И выпили. За «минимально невыносимый эксперимент» — небось, такую формулировку сочинит не каждый...

А потом мы выпили ещё и ещё, однако напряжение, витавшее в воздухе, так и не рассеялось. Мы сидели, вяло закусывая, время от времени выдавливая из себя ничего не значащие куцые фразы, отец то и дело порывался встать из-за стола, по-видимому, его подмывало сбегать к маме, поделиться каким-нибудь очередным жгучим соображением, но он снова и снова подавлял это желание, щадя жену. Наконец, он всё-таки поднялся. И сказал:

— Ладно, ребята, веселья у нас не выходит. И хватит уже нам себя мучить. Давайте вместе уберём со стола, поскольку всю прислугу мы с мамой сегодня отпустили пораньше.

Мы не заставили себя ждать, по-быстрому убрали со стола почти не убавившиеся деликатесы — я рад был, что по отношению к ним Светлана проявила столь мужественную солидарность со мной и отцом — помыли посуду. И отец, когда все эти дела были сделаны, произнёс, наконец, мучительно подбирая слова:

— Знаете, мы с мамой так и не смогли принять определённое решение... Точнее, мы бы, конечно, смогли, если б дело было только в нас... Словом, вам приготовлено две комнаты... Только не смейтесь, но для нас с мамой было бы почти радостно, если бы Света согласилась пожить у нас в качестве как бы приёмной дочери...

Понимаю, насколько глупым это может со стороны показаться, но, во-первых, такие уж мы с матерью старомодные, и не совсем бессердечные люди должны с этим считаться, а во-вторых, я обязан напомнить тебе, Света, что Владимир формально пока не считается совершеннолетним со всеми вытекающими, так сказать...

— Впрочем, — вдруг испугался мой бедный предок, почуявший вполне возможную бурную реакцию на свои последние слова, но даже в такой ситуации не способный изменить своей привычке всё расписывать по пунктам, что, мне кажется, и сделало его процветающим банкиром — Впрочем, простите ради бога, я совсем не то говорю и... Да поступайте, как знаете! Спите, где хотите, вот что я хотел вам сказать! Чёрт подери, никак не думал, что когда-нибудь окажусь абсолютно беспомощным перед обстоятельствами...

Последняя фраза отца, кажется, вовсе не для нас предназначалась, а для кого-то там, внизу. Или же, наоборот, — наверху...

— Извините, Илья Семёнович, — подала вдруг голос Светлана, второй раз подряд демонстрируя рассудительность, которой вроде бы вовсе неоткуда было взяться, — извините великодушно, однако нам не хотелось бы начинать с лицемерия. Мы будем спать вместе, потому что — и вы это прекрасно знаете — уже много раз делали это, и глупо было бы сейчас... Представьте только: мы с Володей будем тайком бегать друг к дружке, а вы мучительно прислушиваться. Но утром станем делать вид, будто мы не знаем, что вы знаете, что мы знаем...

И она властно взяла меня под руку.

— Ну, которая комната теперь наша, милый? Где наши отдельные туалет и ванная? Нам ведь, Вовчик, вполне достаточно всего этого в одном экземпляре, правда?

И мы пошли, а вконец измучившийся папа остался стоять посреди кухни с полотенцем на согнутой руке, будто официант, получивший скромные чаевые, но жестоко просчитавшийся при суммировании съеденных клиентом блюд...

И началась наша странная «семейная жизнь». И очень скоро стало совершенно очевидным многое из того, что было неочевидным поначалу. Однако не стану забегать вперёд, ведь время, кажется, позволяет...

Наутро, Впрочем, это было уже далеко не утро, мы услышали робкий стук в дверь. Это была мама, словно бы проснувшаяся после изнурительной ночи перед похоронами. На ней, даже в сравнении со вчерашним, не было лица. Однако на сей раз ей хватило-таки самообладания, чтобы не впасть в истерику при виде нас, лежащих в одной постели. Наверняка утро потребовало мужества даже больше, чем вечер, но она это мужество

в себе нашла, мобилизовалась, как-никак — депутатская и прочая закалка, а также — «утро вечера мудренее». Хотя, разумеется, среди «народной мудрости», как в самой Библии, можно отыскать премудрости на любой вкус.

Мама опять, как накануне, улыбнулась, будто мёртвая, однако смогла заговорить:

— Доброе утро, дети. Извините, что беспокою, однако времени уже много, и вы, наверное, проголодались.

— Конечно, ещё как проголодались, мама! — заорал я с явно преувеличенным энтузиазмом, поскольку мне было ужасно неловко вот так лежать при матери, хоть и под одеялом.

— Вы очень вовремя вошли, мама, — сочла нужным подать голос и Светка, особо подчеркнув слово «мама», что мать явно покорило, — мы с Вовой как раз только что закончили, в смысле, проснулись.

Лицо моей несчастной мамочки от этого уточнения мгновенно пошло красными пятнами. Конечно же, она весьма верно поступила, постучав, но стоило, пожалуй, ей дожидаться разрешения войти, хотя надо учесть и то, что прежде никогда она в мою дверь не стучала...

Мама не грохнулась в обморок, не закричала, не схватилась за сердце, она только ещё раз вымученно улыбнулась и ушла, высоко подняв голову. А Светка расхохоталась, не пытаясь даже скрыть торжества. По сути дела, она была в чём-то, возможно, права, но могла же ведь оставить своё «фи» при себе. Хотя бы на первых порах. Но, быть может, она считала, что «первые поры» были накануне и накануне же закончились...

Мы встали, привели себя в порядок и спустились в нижнюю столовую, где принято было завтракать. Наша экономка Вера уже хлопотала там, но, как и подобает хорошей прислуге, она и бровью не повела при виде новой обитательницы дома. Не сомневаюсь, что по поводу наших домашних дел эта женщина до сих пор держит язык за зубами.

Мама, однако, снова уединилась в своей комнате, хотя наверняка планировала посидеть с нами за столом, да только поведение «приёмной дочки» в один момент заставило изменить первоначальный план. И этому я, к стыду своему был скорее рад, нежели наоборот. Мы неспешно позавтракали вдвоём, сполна утолив накопившийся за два беспокойных дня голод, а потом целый день смотрели видики, вдохновлённые ими, резвились в постели, спали, утоляли новый голод, чем придётся, обед же, на который два раза приглашала чопорная и невозмутимая Вера, проигнорировали, предпочтя полноценному питанию всевозможные чипсы, шоколад, сок, копчёную курятину.

И даже пытались мы играть в шахматы, но в этой игре мудрецов я оказался против Светланы, как начинающий против перворазрядника — она сперва играла со мной без ладьи, потом без ферзя, а потом вообще без всех тяжёлых фигур поставила мат на тридцатом ходу, после чего я повалил её на пол, и мы продолжили поединок там, в котором я был уже почти равен ей.

Так и прошёл день. А потом ещё не то два, не то три...

А хорошо всё-таки иметь большой дом. Те, кто имеет большой дом или даже дворец, не только с жиру бесятся. В большом доме при общем согласии можно неделями ни с кем не встречаться. А в небольшом доме наша жизнь, думаю, с первого дня была бы сущим адом...

Лишь где-то на четвёртый либо даже пятый день вечером, когда пришёл отец, мы, наконец-то, впервые сели за стол все вместе. Говорили мало и о несущественном — политике, стихийных бедствиях, охвативших весь мир, о жутких происшествиях на дорогах, о террористах, взорвавших очередной жилой дом. Но, когда пили чай, отец сказал-таки:

— Вот что, молодёжь, мы с мамой считаем, что не время сейчас, да и оснований формальных нет, чтобы устраивать полновесный медовый месяц. Надо всё же заканчивать школу, глупо бросать её сейчас, тем более что у вас обозначились некоторые семейные обязанности. Да и в университеты Европы, тем более наши, не принимают без документа о предыдущей жизни...

Чёрт возьми, отец был, как обычно, совершенно прав! Я за последние дни впрямь ни разу не вспоминал о школе. А тут я словно бы плюхнулся с небес на землю. Или в ледяную воду. Но в который уже раз выручил быстрый житейский ум моей возлюбленной.

— Разумеется, Илья Семёнович, — ответила она за меня, — завтра Вова идёт в школу. И будет очень прилежен, чтобы наверстать пропущенное. Карьера — дело святое. Я, кстати, если вас интересует, тоже не намерена сидеть на вашей шее. Завтра пойду вместе с Владимиром. Он — в школу, я — устраиваться на работу. Опытные реализаторы всегда нужны. Конечно, много я заработать не смогу, но себя всем необходимым обеспечу. А если что — так и нас обоих...

Ещё бы не произвести ей впечатление на моих предков, в чём-то страшно умных и даже хитрых, а в чём-то очень наивных. Даже мама поглядела на ненавистную соблазнительницу и стерву ехидную как-то мягче, если уместно это слово. Или, может, она вообще впервые за всё время на неё поглядела.

А отец даже стал возражать:

— Ну, что ты, Света, нет никакой нужды возвращаться тебе к прежней профессии, ты лучше немного отдохни ещё, может, я придумаю тебе какое-нибудь занятие в моём банке или лучше тебе бы тоже чему-нибудь стоящему поучиться на каких-нибудь хотя бы курсах, сейчас так много всяких курсов и бухгалтерских и...

Но Светка вдруг заартачилась:

— Спасибо за доброту и участие, дорогие папа и мама, но я мою профессию люблю, и она, между прочим, не такая уж простая, а учиться... Нет уж, дорогие мама и папа, я ещё в четвёртом классе возненавидела учёбу и всевозможных учителей, боюсь, с этим ничего не поделаешь... Да, вам, может быть, неприятно, что я вас так называю?

— Что ты! — с невероятной поспешностью отозвался отец. — Совсем наоборот, только, пожалуй, несколько непривычно... Пока...

Константин КОМАРОВ

* * *

Осторожно иду я по-вдоль
выцветающим строкам чернильным,
пробиваясь к тебе исподволь,
по словам немотою червивым,
и в испуге прохода мимо
выверяю свой странный маршрут,
и кривляюсь с усталостью мима
тем, которые этого ждут.
И, на солнце смотря отрешенно
и хлебая из ночи ковша,
жду, когда, словно сок из крышона,
из-под кожи забрызжет душа.

* * *

О, как стенные трещины узорны!
Мир герметичен и геометричен.
Люблю тебя, как Данте Беатриче,
И размягчаюсь, словно звук сонорный.

Смотрю в окно, а там пейзаж неброский,
Под глазом неба пыльные мешки,
И набело, не делая наброски,
Пишу тебе влюбленные стишки.

И пахнет время пряником с корицей,
И воздух рвется изнутри на части,
И хочется кому-то покориться,
Чтобы не сдохнуть от такого счастья.

Гармония не делится на три,
Как две уснувших в пачке папиросы...
Не задавай дурацкие вопросы,
А пристально в глаза мне посмотри.

* * *

Корабли мои отчалили
К берегам иных земель,
Мне осталась лишь отчаянье
Да помятая постель.
И ладони перепачканы
В липкости весенних почек,
От тебя слепой подачку
Мне остался только почерк.
Это правильно, да я и не
Спору. Силы нет на это –
Справедливо подаяние
Отрезвленному поэту.



Константин Маркович Комаров родился в 1988 году в Свердловске. Студент филологического факультета УрГУ. Победитель и призер многочисленных олимпиад по литературе (в т.ч. всероссийской).

Руководитель литературной гостиной «Горный родник» при Горном университете. Публиковался в альманахе «Воскресенье» и альманахе «Поэтического марафона» (2006).

Перед смертью не морошку
Мне, а шкалик поднесут,
И душонка скоморошья
Полетит на высший суд.
И промолвит мне апостол,
Бороденку теребя,
Что закрыт мне к раю доступ
И что зря таких родят.
Крикнет, подавив отрыжку:
«Охренел совсем, видать»,
И отправится вприпрыжку
Тело божье доедать.

В дождь

1

Изныло небо под свинцовой краской,
И я под слоем времени изныл,
А ливень со спины ко мне подкрался,
Пугая предвкушеньем новизны.
Но он ушел, как дверью, хлопнув громом,
Оставив мутную унылость луж.
Как этот мир на первый взгляд огромен
И как он мал сквозь призму наших душ...

2

Входит заря-кокотка
В свежее майское небо,
Грома луженая глотка
Лужам орет на потребу.

Капли низринутся скопом,
Отбыв в атмосферном плену,
И как в окуляр телескопа,
Тайком я в твой сон загляну.

* * *

Во мгле вечерней
Гнильца тоски,
Закончен вчерне
Судьбы эскиз.

Читаю Сартра,
И мышцы сводит.
Слепое завтра –
Двойник сегодня

Желейный ветер
В жаре разварен,
И время метит
Печаль развалин.

Рассвет избитый
Харкает утром,
Вещей избыток
Грозит абсурдом.

И мысли хило
Идут на слом,
И пахнет илом
Из трещин слов.

* * *

Так птица вылетает из гнезда,
Так, поскользнувшись, падает звезда,
Как смысл вырывается из слова.

Творенье растворяется Творцом,
Вселенную, что к истине торцом,
Анфасом поворачивая снова.

Сiju и с табаком вдыхаю грусть,
Так маринад пропитывает груздь,
А образ приготовленный к зачатыю

Великолепен, как прыжок с носка,
Как поцелуй горящий у виска,
Как том стихов с офсетною печатью.

* * *

Моя душа тверда,
как косточка в оливке,
но боль, как резеда,
не требуя поливки,
бестрепетно растет,
удобрена слезами,
а осени костер
горит под небесами.

В осенних небесах,
как будто на весах,
лежит луны коврига.

В созвездии Креста
я боль свою издам,
как вопль или книгу.

* * *

Я устал от шипеньиц,
от бесполости мира.
Я изгой, отщепенец.
Мне лишь небо — квартира.

Как собака, ощерен,
у минут на цепи,
я браслет поощрений
на себя нацепил.

Я закован в колодки,
как в полоски — зека,
днем безумно коротким,
уходящим в закат.

В мире рытвин, и кочек,
и растресканных блюд
только несколько строчек
из поэмы «Люблю»

сохранил я на память.
Все, что было еще,
скрыла снежная замять
своим бледным плащом.

И на ощупь иду.
(Заблудился, похоже.)
Я у всех на виду,
как ботинки в прихожей.

* * *

Под потолком я, как под крышкой,
И стены все окаменели,
И тянет жженою покрышкой
Откуда-то из Ойкумены.
И я в своей тоске небритой
Непонимающий плебей
Мне не нужна душа — бери ты
И в рамке на стену прибай.



Метель

Снегом завьюжен Город,
разлеплен и ослеплен,
скальпелем стужи распорот,
словно на тусклой пленке,
дымятся дома,
как следы от кометы,
звуки, убитые влет,
и где-то, за гранью разметок,
Время,
вмерзшее в лед.

Иней, мертвящий ресницы,
треснутые глаза...

Может, мне это снится?
Может, есть что-то за
этой раздробленной фреской,
шаткой железной массой?

Я направляю резкость:
стены, бетон, пластмасса.

* * *

Я оглянусь на Эвридику,
Не в силах побороть томленье,
Я заплачу весь этот выкуп
За творчества преодоление.

Могу лишь дрожь в ногах унять
Пред тайной вечного решенья,
Когда сверну я время вспять
Спокойным поворотом шеи.

Пусть нудно разум мне твердит:
«Орфей, себе не навреди-ка».
Я знаю, смог тебя найти
Лишь для того я, Эвридика,

Чтоб в этот сладостный момент
К тебе мог повернуться гордо,
И для сиянья всех планет
Мой голос стал, как шнур бикфордов.

Ты знал, что тяжек путь, Поэт,
Ты был готов, не делай вида,
Узнать любимый силуэт
Во мрачной глубине Аида.

Узнать и потерять навек
И обрести опять стократно.

И обернулся человек.
И все. И нет пути обратно.

* * *

На небе ни одной звезды,
Как будто небосвод прополот,
И слышно — тишина свистит.

Но утро прогремит, как молот,
И кровью ночи обольет
Оно рассвета наковальню.

Тогда поэт, тоской больной,
Лунатиком уходит в спальню.

* * *

Стоит ли укорять
солнце за то, что село,
если по рукоять
слово уходит в тело?
Или в слепую даль
взгляд устремлять, как мичман,
если моя печаль
миру омонимична?
Нет, мы совсем другие,
не по пути с мальками,
вечные андрогины
мира кривой амальгамы.
Забавно — любовь разменять
осколками битых тарелок

Так смотрят часы на меня,
как ты, уходя, посмотрела.

* * *

Тоска пустоты межреберной,
инверсия идиотства,
небо коверными ромбами,
я же — вселенский отступ
от «не было» до «не будет»,
которого не отсрочить,
я душу убрал в подстрочник,
а тело оставил в груди
закатно-болотной ржави,
вселенского недосола,
в кипе листвы лежалой.
Теперь уже не до соло.
Теперь молчит мой тромбон
и бухнет молчанье тромбом...
И я становлюсь рабом
безликого времени ромба.

* * *

Я отключу ко всем чертям мобильный,
и потолок к сетчатке прищемлю,
и затеряюсь в тишине могильной,
которой я не слышу, но внемлю.

Я буду биться головой о стены
и, падая беспомощно в кровать,
довольно грязной лексикой обценной
Вселенную начну маркировать.

А ближе к ночи, выщербив свой голос,
засну и в бледном выдубленном сне
тебя увижу абсолютно голой,
кричащей что-то небу, но не мне.

А дело было летом

(действие в четырёх явлениях с эпиграфами)

Явление первое: Время не местное

*А Время бежало,
ещё по привычке спеша...*

Этот городок, радостно спешащий к морю, словно мальчишка, сбежавший с уроков, испокон веков лепился к окрестным скалам. Его узкие петляющие улочки — кое-где вымощенные камнем, кое-где покрытые рыжей пылью — сбивали с толку любого приезжего. Эти сонные улочки, напоённые покоем знойного лета, послушно ложились под ноги и вели, куда им самим заблагорассудится. словно сказочные лесовики, они запутывали, обманывали, шутили свои шуточки и тихо смеялись, глядя на таких забавных человечков.

В этом городишке всегда пахнет яблоками, морем, солнцем, впитавшимся в каждый камушек, в каждый росточек этого города; здесь всегда шумит ветерок, смеются дети, цикады с кузнечиками выводят свои бесконечные «ррии-ррии», а вальяжные коты лениво жмурятся на солнышке. Славный городок — тихий, умиротворенный, практически незаметный.

И надо же такому случиться, что именно об него споткнулось Время, спешащее по Важным Вселенским Дела́м. Споткнулось и шлёпнулось наземь, в кровь обдирая коленки с ладонями о камни, прикрытые пылью.

Время вскочило на ноги, метнулось направо, налево, крутнулось волчком и помчалось наверх, но улочка, сделав незаметный плавный изгиб, привела его прямо-мёхонько к морю. Ещё десяток шагов, и можно будет окунуться в его зеленоватые волны. Время рванулось к воде, но улица внезапно изогнулась под ногами, и — здравствуй, «верхний город»! Кажется, до вершины можно шапкой добросить!

Но у Времени не было шапки. Вот незадача!

Несчастное, оно плутало по городу, покуда Солнце не скрылось из виду, спеша на покой, и Время в изнеможении опустилось прямо на голые камни, привалившись спиной к валуну.

Трое прохожих тихо пылили сандалиями.

— Время, — обронил первый, не останавливаясь.

— Не местное, — бросил второй.

А третий буркнул что-то среднее между:

— Что оно тут забыло?

— Делать ему, что ли, нечего?

И троица растворилась в сиреновой дымке набегавшего сумрака.

Прошло ещё несколько дней. Растерянное Время-не-местное сидело под солнечными часами (в одной руке — колба с песочными, в другой — клепсидра) и пыталось понять, хотя бы какая эпоха стоит на дворе, не говоря уже о точной дате. Дети водили вокруг него хороводы, а кошки ластились о колени и громко мурлыкали, наполняя Время новым, доселе неведомым ритмом.

Явление второе: Досадная заминка

*Но было понятно уже,
что уместнее — шаг...*

— Вижу, сынку, тебя что-то серьёзно тревожит, — проговорил старик, прихлёбывая чай. — Ты мне скажи, авось скумекаю чегой-то, а?

Мужчине, что сидит напротив, лет пятьдесят. Он принадлежит к породе неторопливых, рассудительных, надёжных людей, которые всегда поступают по совести или по велению сердца. Они всегда кажутся невозможными, разглядеть в них тревогу, беспокойство, напряжение — непросто. Но, поди ты! Старый-престарый дедок с бородой почти до пояса, длинной трубкой в зубах, ясными глазами и старинным именем Христофор увидел метания души случайного полуночного гостя.

— Да нет, отец, всё хорошо, — сказал Пётр Иванович. — Машина сломалась, так не беда. Шофёр уже сообщил на станцию, будет подмена, а утром мы поезд нагоним.

— Нет, сынок, — прищурился дед Христофор, — меня ты не проведёшь. Вижу, стряслось-таки что-то, наизнанку тебя выворачивает.

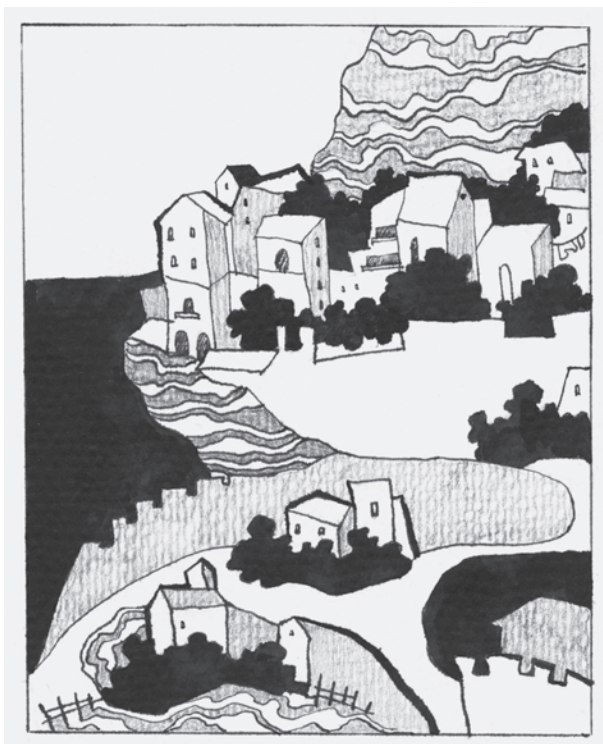
Старик пристально поглядел на Петра Ивановича и продолжил свою неторопливую речь.

— Нет, не бедокур ты. И не про работу печёшься. Там порядок. Обман? Не обманул никого, и не собирался, но может случиться. Так что же стряслось?

— Понимаешь, отец, я слово дал одному человеку, что буду ждать его, но теперь...



Усманова Александра Рустамовна. Родилась в 1977 г. в г. Черкассы, Украина, где живёт и сейчас. Окончила Черкасский национальный университет, биологический факультет. Первая публикация состоялась в 2006 году в сборнике фантастики «АФР».



Он махнул рукой в сторону легковушки.

– Ага... Обещал... Скажешь, про что?

Пётр Иванович на секундочку опустил глаза, словно устыдился чего-то, затем поднял взгляд на старика и заговорил.

– Машинист я. Вожу поезда. Две недели назад я ехал из дома на станцию, принимать смену. В электричке напротив меня сидела девчонка. На вид – пигалица, но смышлёная, бойкая, славная. Разговорились мы по дороге. Узнал я, что едет она на море, а вертаться будет аккурат сегодняшней ночью. Хорошо мы поговорили. Глянула она мне, отец, а чем, даже не знаю. Может, потому что сердце у неё на месте? Вот я и спросил, какой поезд обратный, посмотрел на своё расписание, сверил, и вышло, что я буду этот поезд вести. Не всю дорогу, конечно, но всё же... И тогда я сказал, не хочет ли она постоять, так сказать, «у руля», прокатиться вместе со мной. Ты бы видел, отец, как загорелись её глаза! Чисто мальчишка, которому предложили невиданное сокровище. Вот так и порешили, что сегодня ночью, ровно в два восемнадцать, она выскочит из своего вагона, а я подхвачу. Если, конечно, не проспит.

Пётр минутку помолчал, затем покачал головой:

– Нет, эта наверняка не проспит. Вот только меня на перроне не будет.

– Обещание дал, говоришь?

– Да, договорились мы. Как положено, вдарили по рукам. А знаешь, отец, что забавно? Я даже имени её не знаю. А она – моего. Не успели друг другу сказать.

Дед Христофор задумался, расспросил, где именно Пётр Иванович должен был встретить девчонку, покачал головой и зацокал:

– Теперь не поспеть, никак не поспеть. Даже машиной.

Машинист кивнул. В уголках рта залегла печальная складка – нехорошо как выходит!

– Вот что, – промолвил старик, словно очнувшись от дремы, – я тебе помогу. Вижу, мужик ты хороший. Договор – его исполнять надо, коли обещал. Дам я тебе свою Зверьку, и тогда ты поспеешь. Только не гляди на неё, хорошо?

– Какой зверь, отец? Сам же сказал, что даже машиной мне не успеть! Тут разве что самолёт...

– Самолётов не держим, – степенно ответил Христофор, сверкнув глазами. – Дам тебе свою Зверьку, она поможет прибыть на станцию в срок. Уговор – не смотри на неё. Зверька моя заполошная, чуть что не по ней – не поминай лихом. А опаздывать тебе нельзя, да? Ты всё понял?

– Нет, но спасибо, отец.

Пётр Иванович выпрямился во весь рост, плотно зажмурил глаза.

– Давно бы так, – хмыкнул дед. – Ну, с богом!

Явление третье: Странное знакомство

*И там, на углу улиц
Ультрамарин и Лазурь...*

Почему она вдруг решила, что прогулка на катере в день отъезда – замечательная идея? Что за сумасбродство овладело ею? Зачем поддалась на уговоры знакомых ребят?

Да, теперь можно сколько угодно карать себя, только не изменить ничего. А как хорошо всё начиналось! Отпуск, долгожданное море, тихий, словно сказочный, городок. Да, много приезжих, но местные жители ещё не избалованы туристами, не делят людей на «своих» и «отдыхающих».

Прогулка по морю, гроты, пещеры, история городка, двое славных ребят Игорь и Славик – экипаж «Куража». Первое, что понравилось Нине, щелчок по носу товарищам «клиент-всегда-прав».

– На судне слово капитана – закон, – сказал Славик, пока не отдали швартовый. – Не нравится – есть куча лодок и катеров, где хозяйева не столь щепетильны. Я же отвечаю за жизнь и здоровье каждого пассажира.

Он выдержал солидную паузу, но никто не покинул «Кураж».

Затем, когда Игорь закончил свои «посмотрите направо, посмотрите налево», Нина, успевшая облазить половину окрестных гор, стала задавать вопросы. Разговорились, пошутили, посмеялись, поговорили серьёзно и стали приятелями. Славик сперва недовольно оглядывался на помощника, но на обратном пути девушка нашла общий язык и с капитаном. Это так просто, когда любишь море, морских обитателей, горы, парусники, хокку и танка, легенды и мифы, футбол и рыбалку...

После этой поездки Нина могла в любой момент запрыгнуть на борт «Куража», и ей там были рады.

Эх, только зачем она сделала это сегодня? Ведь вышла на берег попрощаться с морем, скалами, несколькими друзьями, а вместо этого дёрнула покататься.

Но ведь ничто не предвещало шторма. Старые морские волки и все собаки побережья, что чуяли бурю за день, были спокойны, как... как море! Будь оно всё неладно!

Катер весело бежал по волнам, и вдруг — откуда только он взялся! — шквал. Второй, третий. Пенные гребни, свинцовые тучи, что за минуту занавесили небо, дождь. «Кураж» забился в грот и встал на якорь. О да, здесь есть пресная вода, харчи можно растянуть на несколько дней, но время! Неумолимое время бежало вперёд, круша все чаяния Нины.

Вот ведь как может случиться: случайный попутчик по дороге на море — машинист. Хороший дядька, спокойный, неторопливый, искренний. Про таких говорят — надёжный. А Нина как в детстве была хулиганкой, так и осталась сорвиголовкой, даром что окончила институт и работает в серьёзной конторе. И потому, когда машинист предложил «постоять у руля», её сердце на секундочку остановилось, а затем пошло снова, часто и гулко ударяя в рёбра.

И они пожали друг другу руки, скрепляя договорённость.

Боже, как Нина ненавидит опаздывать и нарушать слово! Она может умчаться из дому с температурой, потому что пообещала. Маме остаётся только вздыхать:

— Ох, Нинка, добегаешь ты когда-нибудь!

Когда шторм немножко утих, «Кураж» вернулся домой, а мрачная Нина поплелась на квартиру. Ей никак не успеть, даже на такси — поезд ушёл час назад.

Явление четвёртое: Последнее

*Оно победило в себе торопливую дурь.
И. Жук*

Пётр Иванович зажмурился, теряясь в догадках, что за Зверька такая, когда почувствовал на плечах нечто пушистое, практически невесомое.

— Зверька, — выпалил машинист, дивясь сам себе.

Мужчину переполнила радостная уверенность. Теперь уж точно всё будет хорошо! Зверька прикоснулась лапками к векам мужчины, а зычный голос весело спросил:

— Ты чего, Иваныч? Гони!

Руки сами метнулись вперёд, словно стоял он не на веранде затерянного степного домишки — на рабочем месте. Так и есть! Его любимая «девятка», его любимый участок пути, где можно разогнаться так, что держись!

Лицо мужчины преобразилось, проявился тот самый мальчишка, который с первого класса мечтал стать машинистом.

Ветер свистел в ушах, заглушал стук колёс; тёплые лапки Зверьки держали его веки, пушистое тело приятно грело шею и плечи. Иванычу хотелось петь.

Нина печально брела вверх по улочке, взгляд бесцельно скользил по сторонам, пока не запнулся о непонятное.

Под солнечными часами сидел человек. Абсолютно сухой, хотя весь город был вымыт до последнего камушка.

Нина посмотрела внимательнее и удивилась ещё больше. Это был не человек.

— Эй, — сказала она, — ты кто?

— Время, — откликнулся странный незнакомец и добавил после паузы: — Не местное.

— И долго ты тут сидишь?

— Не знаю.

— Но ты же Время!

— Не местное, — устало повторило оно, а затем посетлело лицом. — Скажи, который час?

— Не знаю, — вздохнула Нина. — Часы пришлось подарить морю.

— Ну, хоть примерно!

Слёзы стояли в его глазах, и Нина не смогла отказать.

— Если тебе не надо с точностью до минуты, тогда сейчас где-то шесть тридцать вечера; день недели — вторник; число — первое августа 2006 года от Рождества Христова. Такая информация тебя устроит?

— Устроит! Ещё как устроит!

Время вскочило на ноги и радостно заплясало вокруг девушки.

— Ты первая, кто так со мной поговорил! — радовалось оно. — Все остальные сообщали часы и минуты по своим «тикалкам»! Я бы их!..

Нина печально улыбнулась и пошла своей дорогой, когда запоздалое прозрение посетило её.

— Постой, — от волнения закричала она, — так ты, правда, Время? Не врешь?

— Время-не-местное, — растягивая слова, пропело Время.

— Так что же мы тебя теряем? В смысле, время теряем? Я давно должна была ехать домой, а тут эта буря! Время, миленькое, выручай!..

— Не могу, — прошептало оно, разом сникая.

Улыбка увяла, погасли смешинки в глазах, плечи ссутулились, руки опустились, голова упала на грудь.

— Я ведь не местное, я застряло тут, я не могу найти выход!..

— Это же сущий пустяк! Жди меня здесь, слышишь?

Надежда творит чудеса. Нина взлетела наверх, схватила рюкзак, попрощалась с хозяйкой и вернулась к песочным часам.

— Фух, ты ещё здесь! Руку!

Время, как зачарованное, глянуло на уверенное лицо девушки, загорелую, исцарапанную руку, сильную ладонь и робко вложило в неё свои пальцы.

Хватка у Нины отменная, шаг — широкий, и бедное Время едва поспевает.

— Вот и все! Проще простого! — сказал Нина.

Счастливое Время никак не могло отдышаться, а потому заговорило минут через пять.

— Держись, — сказала оно. — А ещё лучше — закрой глаза.

Нина послушалась. Вроде бы что-то щёлкнуло. Девушка открыла глаза... Да ведь она в поезде! И он только-только собирается отправляться.

Рюкзак — на третью полку, самой — на вторую. А Время шепчет:
— Глаза закрывай!

Нина слушается. Щелчок. Ночь, два пятнадцать. Вот так перескочили! Тихонько, чтобы не разбудить соседей, Нина идет по вагону и замирает в тамбуре.

Что сейчас будет!

Зверька отняла лапки от глаз машиниста, он открыл глаза. Чудеса, да и только! Вокзал, но пушистое тельце по-прежнему греет шею — Зверька не умчалась назад к старику.

— Иваныч! Петро! Вот уж не ждали! Каким ветром?

— Попутным.

— Ну, молоток. За работу?

— Конечно!

Вокзальные часы метнули стрелку вперёд.

Два восемнадцать.

Мужчина, девчонка, Зверька и Время встретились на перроне.

— Пошли, что ли? — говорит машинист.

— Ага, — кивает девчонка.

Нина во все глаза глядит прямо перед собою. Красота! Зверька касается висков Иванoviча, Время берёт за руку девушку, и всё начинает неуловимо меняться.

Время поднимает руку вверх, хватает за ручку, тянет, и паровоз пронзительно свистит.

Стучат колёса, ревет огонь в топке, лопата неуловимо подкармливает его углём.

Нина, Пётр Иванович и даже Зверька дают по свистку. Волшебная ночь продолжается и продолжается, неся в себе старинный локомотив с угольным тендером и вагонами, в которых спят такие разные люди. И только самым заядлым романтикам снится, что они кричат друг другу чуть ли не в ухо, чтобы перекрыть голос топки, и на всех парах ведут паровоз через степь, прямо к звёздам.

ВОДОВОЗОВА Елизавета Николаевна (урожд. Цевловская; по второму мужу Семевская; псевд. Белавин, Е.; Бельский, Н.; Семевская, Е.; Титова, Н.; 1844 — 1923), дет. писательница, мемуаристка.

Педагог. Окончила Смольный институт, где занималась у К. Д. Ушинского и В. И. Водовозова. В 1862 г. стала женой последнего. Их дом, где проводился лит «Вторники», был центром, объединявшим петерб. интеллигенцию гл. обр. народнич. направления. Первое выст. в печати — по поводу ром. Н. Г. Чернышевского «Что делать?», ст. «Что мешает женщине быть самостоятельной?» Изучала за рубежом детские сады, созданные по системе Ф. Фребеля; предлагала положить в основу народ. воспит. народ. песни, игры, сказки. Писала об этом в пед. изданиях. Авт. рассказов для детей «Из русской жизни и природы» (в 2 частях), выдержавших неск. изд.; популярных книжек о жизни, быте, обрядах и фольклоре европейских народов («Как люди на белом свете живут» Тт. 1-10, СПб., 1894-1901. Написала также две беллетристич. кн. для детей: «Батрачка, Рассказ из народного быта» (под псевд. И. Бельский) и сб. рассказ. «На отдых». Овдовев, вышла замуж за ученика и друга своего мужа — В. И. Семевского. В. принадлежат многочисл. произведения мемуарного характера: кн. «На заре жизни», восп. об Ушинском и Водовозове, В. А. Слепцове, В. И. Семевском и др., характеристики П. Л. Лаврова. П. И. Якушкина, Н. К. Михайловского и др. Их отличает «острая наблюдательность умного человека, не женское умение обобщать, большой интерес к людям» (См.: Ольнем-Цеховская, В. «Е. Н. Водовозова-Семевская». — «Голос мин.», 1923. № 3). Последние годы жизни страдала от нужды, одиночества, болезни (см. ее дневн. записи в «Гол. минувшего» «На чужой стороне», 1928, № 6(19)). Вторая часть кн. воспоминаний «На заре жизни» вошла в сб. «Институтки». М., 2003. О ней: Люблинский С. Б. Во имя просвещения — в его кн.: «Подвижники книги». М., 1988. С. 7-16 и прилож.

Русские писатели (портр); Слов. рус. писательниц; Масанов; Венгеров, Источ.; КЛЭ; ИДРДВ. Т. 3. Ч. 4 (указ. имен).

ВОДОВОЗОВА Мария Ивановна (урожд. Токмакова; 1869 — 1954), издательница.

Первая издательница легальных марксистских книг в России, в т. ч. В. И. Ленина. Ее родители, представители кяхтинского купечества, были близко знакомы с декабристами. Вышла замуж за экономиста и участника студенческого движения Н. В. Водовозова (сын Е. Н. Водовозовой — см.). Вместе с ним создала издательство

для издания легальной марксистской и демократической литературы (1895-1905). Вышло более 20 книг. Заведовала беллетристич. отделом в журн. «Начало», выступала в нем как критик (псевд. М. В-ва). О ней: Бойко, А. «Смелая русская женщина». — «Лит. Россия», 18 апр. 1980; Люблинский С. Б. «Издательница ранних трудов В. И. Ленина». — В его кн. «Подвижники книги», М., 1988. С. 115-128.

Масанов.

ВОЕЙКОВА А.

«Опыт о вкусе в произведениях природы и художеств, или рассуждение о причинах удовольствий, которые возбуждают в нас произведения разума и изящные искусства, из соч. г. Монтескье». СПб., 1805.

Слов. рус. писательниц.

ВОЕЙКОВА А. А.

Редактор-издательница научно-литературного и политического журнала «Начало» (СПб., 1899, вышло пять номеров в четырех книгах). Некую А. А. Воейкову (А. А. В.) упоминает Масанов в своем «Словаре псевдонимов».

ВОЕЙКОВА Александра Александровна.

Дочь писателя А. Ф. Воейкова. Фрейлина двора вел. кн. Марии Николаевны. О ее лит. занятиях говорит Вигель в письме к Жуковскому, называя ее «Арзамаской» (Рус. архив. 1870. № 8).

Слов. рус. писательниц.

ВОЕЙКОВА Александра Андреевна (урожд. Протасова; ? — 1829), муза В. А. Жуковского, И. И. Козлова.

Дочь тульского губернского предводителя дворянства А. И. Протасова и Екатерины Афанасьевны, урожденной Буниной, единокровной сестры В. А. Жуковского. Сашенька Протасова была любимой ученицей Жуковского, прототипом героини и адресатом его баллады «Светлана». Ее женихом был приятель поэта второстепенный литератор А. Ф. Воейков. Жуковский надеялся, что их брак станет шагом и к его счастью — соединению с сестрой Сашеньки — Машей. Но надежды не сбылись, а обернулись для всех несчастьем: брак Александры с Воейковым был неудачным, а Маша и вовсе, из-за запрета матери, не стала женой Жуковского. По утверждению Н. Н. Голицына В. участвовала в литературных занятиях своего мужа. Поэт И. И. Козлов написал послание к ней — «Светлане». Сведения о В. можно найти во всех собр. соч. В. А. Жуковского. См. также Соловьев Н. В. История одной жизни: А. А. Воейкова — «Светлана». Пг., 1916.

Слов. рус. писательниц.

(Продолжение на стр. 78)

Магдалина Вериго

Первая мировая, Гражданские войны, революции потрясли Россию и отправили в движение по стране не только людские потоки. Сдвинулись целые учреждения. Война подняла с насиженного места Дерптский университет и определила новое место пребывания — Урал, Пермь. Однако это было еще осознанное и управляемое движение, стихия неуправляемого была еще впереди.

В это переселение народов был втянут и Бронислав Фортунатович Вериго — профессор физиологии и микробиологии, человек, известный всему просвещенному миру России и Европы. Осенью 1917 года он прибыл из Одессы и принял кафедру физиологии в Пермском университете. В ноябре к профессору присоединилась его семья, в том числе дочь Магдалина Брониславовна со своим женихом, литератором Феликсом Петровичем Чудновским.

В Перми в 1917–1919 годы выходило до пятнадцати периодических изданий: кратковременных газет и журналов. Магдалина Вериго в ноябре–декабре 1917-го в газете «Народная свобода» опубликовала, судя по сохранившимся номерам, ставшим доступными автору, шесть стихотворений: «Она смеется у пруда», «Ночью», «Гроза на площади», «Полдень», «Весна и дети». Стихи были о любви и природе. Но в каждом чувствовалось стремление быть не похожей на других. Вот стихотворение «Ночью»:

*По темной дороге (поле!)
Идти и петь.
Над злою рекою (ветер!)
Стоять, свистеть.
Спуститься потом (фиалки!)
В глубокий овраг.
И ждать за кустами (сердце!)
Тебя, мой враг.
Ружье и кинжал (безделки!)
Бросаю в ров.
Я горло твоё (ни с места!)
Сожму без слов.*

Стихи М. Вериго заметно выделялись из общего потока.

Кто же она, Магдалина Вериго?

Твердость и силу характера девушка проявила уже в одесской гимназии. За участие в общегородском ученическом комитете (1907), который выступил против погромов, она была исключена из учебного заведения и провела месяц в тюрьме. Гимназию окончила экстерном. Уже пробовала свои силы не только на общественном поприще, но и в стихосложении, и в живописи.

При поддержке Н.К. Рериха Вериго отправилась в Париж, где провела две зимы. Ее учителями были Валлатон, Боннар, Пюви де Шаван. В Париже в 1912 году вышел ее первый и, пожалуй, единственный сборник стихов «Камень и металлы».



М. Вериго и Б. Властов. Ляды, 1924 г.

В 1913 г. Магдалина Вериго получила литературную премию на поэтическом конкурсе им. Надсона; на следующий год опубликовала цикл стихотворений в одесском альманахе «Полигамния». В 1915-м встречалась с А. Блоком. Интересны два упоминания в «Записных книжках» поэта за 1915 год. 31 октября Блок пометил для себя: «Составить номер молодых для «Нового журнала для всех» (Минич, Ястребов, Вериго, Толмачев). Проект не был воплощен в жизнь. Однако поэта заинтересовали стихи начинающего автора, и уже через неделю, 7 ноября, они встретились. В том же источнике читаем: «В 7 часов вечера — Магдалина Брониславовна Вериго (о стихах) до 1-го часу!». В феврале 1916 года М. Вериго и А. Блок обменялись письмами.

Как видим, 25-летняя поэтесса к 1917 году уже сделала попытку войти в круг российских поэтов.

Вериго и Чудновский не задерживаются долго в тихом губернском городе и спешат в столицу, поближе к литературным кругам, знакомятся там с поэтом Михаилом Кузминым, художником и прозаиком Юрием Юркуном и другими деятелями культуры. Ф. Чудновский в это время публикует стихи и рассказы в петроградских журналах. Но стремительное развитие революционных событий вытесняет их из столицы, и они вновь в Перми.

Там Магдалина Брониславовна служит в университетском кабинете древностей, Феликс Петрович преподает на драматических курсах при том же университете. В Перми в 1919 году можно было встретить многих известных и стремящихся к признанию литераторов: Юрия Никоноровича Верховского — профессора университета, поэта, историка литературы, друга М. Кузмина; Всеволода Никоноровича Иванова — ассистента университета, поэта и будущего известного эмигранта и советского романиста, а в 1919 офицера 107-го пехотного полка и редактора газеты «Сибирские стрелки»; профессоров с литературными наклонностями Владимира Васильевича Вейдле и Павла Степановича Богословского; Георгия Андреевича Вяткина — популярного сибирского поэта.

Здесь публиковались поэты с такими псевдонимами, как: Рустэний, Риголли, Александр Аштук, Виталий Вячеславович, Владимир Министрель. В газетах сотрудничали офицеры: поручик Яковлев, штабс-капитан Макаров и гражданские — Александр Малинин, Иосиф Чернышов...

Муж М. Вериги — Феликс Чудновский — сотрудничает в иллюстрированном журнале «Русское приволье», Магдалина Брониславовна — еще и в газете «Освобождение России». В журнале «Русское приволье» № 3, 4 были опубликованы ее стихи: «Ах, сегодня в Париже...», «Там, над истоком наших дней...», «В горько-смолистые туи...», «Буйная весна». Поэзия супружеской пары далека от войны и политики. Оба поглощены своим восприятием мира.

*В горько-смолистые туи
Льют благовония розы.
Каплют медвяные слезы
В горько-смолистые туи.
Льют свой бальзам поцелуи
В темное пламя угрыз.
В горько-смолистые туи
Вьют благородные розы.*

Но реальная жизнь расставляет все на свои места. В сентябре 1919-го умирает от «испанки» Феликс Чудновский, а брат поэтессы Сергей — от тифа. Профессура пермского университета эвакуируется в Томск. Магдалина Брониславовна едет в Сибирь с разбитой семьей и чувствами. Ей пришлось испытать все «прелести» жизни беженки и эмигрантки в собственной стране.

В ее «Мемуарной книге» находим такие строчки:
*Столица снега. Город мора.
На первый лист заглавным словом
Я ставлю Смерть.
Перед порогом Жизни Новой —
С косою Смерть.*

Поэтесса не сетует на свои личные и семейные беды, она раскрывает чувства людей, оказавшихся не по своей воле в чужом городе, о страхе перед тифозной смертью и о потере этого страха перед тысячами штабелями не преданных земле погибших соотечественников: «Мертвых было так много, они как-то медлили уходить, казалось, продолжали участвовать в жизни, существовали бок о бок с живыми, и те не чувствовали себя отгороженными от них. Бывало, жесткая рука мертвеца, высунувшись из-под одеяла

с носилок, хватала за рукав или шарф проходившего мимо пешехода на тесной улице».

В феврале 1920 года Вериги была избрана председателем Томского губернского отдела народного образования. За годы жизни в Томске Магдалина Брониславовна больше занималась живописью и написала около ста живописных работ. Но когда она снова собралась возвращаться на Урал, в декабре 1921 года, то при посадке в поезд на нее было совершено нападение воров, при этом были потеряны и полотна, и рукописи — ее и Чудновского.

С 1922 года Вериги вновь в Перми, где в течение трех с половиной лет преподавала рисунок и читала лекции по истории живописи в художественном техникуме и средней школе. Участвовала в культурной жизни города. В клубе им. Горького Магдалина Брониславовна поставила пьесу Лопе де Вега «Собака на сене», делала декорации к спектаклю «Куранты любви» по пьесе М. Кузмина.

После смерти отца 13 июня 1925 года М. Вериги вместе со вторым мужем (с 1923 г.) биологом Б.В. Властовым переехала на жительство в Москву.

В советское время Вериги не могла оставить ни живописи, ни поэзии, но работала, как бы сказали в наше время, «в стол». Ее живописные полотна ценили профессионалы, но власти не допускали до выставок, а значит, и до зрителей.

В 1929 году издательство «Круг» приняло к изданию ее книгу стихов, но она отказалась, сочтя книгу не готовой к печати. В этом же году Вериги встретила с Б. Пастернаком, который считал ее лучшим молодым московским поэтом — к тому времени ее литературный опыт насчитывал более 15 лет.

Магдалина Брониславовна занималась переводом и научной работой. Она перевела «Потерянный рай» Дж. Мильтона. В научном мире известна ее статья «Тема и стиль. Опыт анализа памятника: Братское кладбище в Риге».

В архиве М.Б. Вериги хранятся пять стихотворных книг, прозаические повести, воспоминания, мемуарно-биографические очерки о Б.Ф. Вериги, Б.В. Властове; стихи и проза Ф. Чудновского.

Несколько ее картин находятся в запасниках музея Перми и Томска.

В одном из стихотворений М. Вериги писала:

*Борьба окончена, и решена судьба
На многие года. Но полная луна
Глядит в окно ночами.
И хочет память повторить стихами
Неповторимое...*

Творчество Магдалины Вериги, как и многих ее соотечественников-ровесников, как это ни горько констатировать, прошло мимо почитателей поэзии и любителей живописи, они по причине идеологической несовместимости с классовой политикой не сумели выразить себя в истории русской литературы и живописи.

«Повторить стихами неповторимое», а значит, вернуть, пусть с запозданием, русской культуре то, что было насильно вычеркнуто и забыто, возможно через публикацию сохранившихся архивных материалов.

Третья категория сложности: ВОСХОЖДЕНИЕ НА Эльбрус

Каждый год наша группа, состоящая из членов скалолазной секции туристического клуба Уральского государственного университета, совершает горный поход с постепенным повышением категории сложности. Так, в 2005 году участники секции прошли поход по полуострову Крым, в котором принимало участие 14 человек. В 2006 году был пройден поход второй категории сложности

по Северному Тянь-Шаню. В 2007 году мы собрались в поход третьей категории сложности по Центральному Кавказу с обязательным восхождением на Эльбрус, что давало бы в дальнейшем высотный опыт участникам группы. Предстояло также прохождение заявленных в маршрутной книжке перевалов в высокогорной зоне Главного Кавказского хребта.



В путь!

Ночью 24 июля на ж. д. вокзале г. Екатеринбурга было на редкость много рюкзаков, коробок и прочей всякой клади. В эту ночь мы сели в поезд до Пятигорска. В этом же вагоне ехали альпинисты в альплагерь Уллутау. Несмотря на ночное время, приехал на вокзал нас проводить Алексей Павлович Малыгин – заместитель председателя туристического клуба УрГУ.

27 июля мы прибыли в солнечный Пятигорск, съездили в Налчик для получения пограничного пропуска и уже к вечеру приехали в поселок Верхний Баксан, откуда начался наш поход. Поднявшись пешком вдоль подъемника, а потом пройдя проверку документов у пограничников, мы прошли 3 км вверх и остановились ночевать в сосновом лесу.

На следующий день мы поднялись до альплагеря Уллутау и, не

доходя до него 300 метров, сделали закладку продуктов, не нужных нам на кольцевом маршруте, который предполагалось пройти за 3–4 дня. На третий день похода мы подошли к леднику Юном-Су. Остановились лагерем на высоте 3165 метров и пошли без рюкзаков тренироваться с веревками на льду. Здесь мы заметили стадо кавказских серн, скачущих вниз.

Рассвет на высоте

Ночью заморозок. Вечером мы предусмотрительно набрали воды в пластиковые бутылки и занесли их в палатку. Благодаря этому утром согрели чай и приготовили завтрак. Рассвет на высоте в окружении скальных хребтов с едва уловимым голубовато-серым освещением ледников, когда еще видны ночные звезды в полном безветрии и тишине – это было незабываемое время в походе. Пока собирались, вершины скал уже начали посте-

пенно приобретать рыжеватый отблеск, готовясь первыми встретить лучи восходящего солнца.

Связавшись в связки, мы двинулись вверх по открытому пологому леднику. Только скрип наших «кошек» по льду нарушал утреннюю тишину гор. Через час подошли к перевальному взлету перевала Голубева (2А, 3765 м). Провесили три веревки по ледовому склону с углом в 45 – 50 градусов и взобрались. Нашли в туре записку группы из Волгограда. Спуск был по снегу. Веревку, по которой спускались, закрепили на ледорубы, воткнутые в снег.

Выйдя на ледник, мы пошли по центру, где потом увязли в снежном болоте, промочив себе ноги. После болота пошли трещины, а затем крутой ледопад, который мы обошли слева у скал и вышли на морену следующего ледника – Северный Башиль. Вечером Андрей Пашенин сел недалеко от палаток и



начал играть на музыкальном инструменте, сделанном из обожженной глины, называемом окарина. Незнакомая мелодия многих заинтересовала. Саша Куликов с Галей Ширпужевой вышли из палатки и долго слушали. Казалось, ничего необычного в музыке, но в горах она звучала как-то иначе, чем на равнине. От музыки после напряженного дня так расслабился, что, не дождавшись, пока Андрей кончит играть, уснул.

Опасные участки

До обеда следующего дня мы поднимались на перевал Грановского (2А, 3950 м). Здесь сделали обед, из-за чего потеряли дневное время. Во второй половине дня мы не успели спуститься на полую часть ледника из-за таяния и обрушения снежных мостов через трещины. Пришлось заночевать на скальной полке, где палатки едва уместились.

Все обошлось. Утром мы по холдону проходим опасный участок ледника и уже в верховьях долины реки Адыр-Су. По тропе дошли до альплагеря Уллутау. Место нашей закладки, а там — все как было... Даже грызуны не погрызли.

В альплагере встретились с альпинистами Владиславом Курлаевым, Альбертом Денисламовым и Анной Балакиной, с которыми ехали в одном вагоне поезда. Чуть попозже в темноте встретился с Евгением Балтобаевым, который прилетел в лагерь на самолете, чуть позже. Теплая встреча, приятно проведенный вечер с гитарой у... газовой лампы.

С утра, не трата времени попусту, Ольга Успенская насадила на палку сачок и стала гоняться за насекомыми. А мы весь день отдыхали, как и планировалось, а к вечеру по предложению Алексея Вихрева решили сняться и подойти поближе к нашему следующему

перевалу — Гумачи. Вечером проливной дождь застал нас врасплох. Пришлось под ливнем вставать на единственной пологой площадке Восточного плеча вершины Чотчат. Кое-кто вымок полностью. И как назло, ручья поблизости не было, чтобы приготовить еду. Пришлось растянуть дождевики — там достаточно быстро скапливалась вода. Пожалели, что вышли вечером, надо было оставаться в Уллутау до утра.

За следующий день мы преодолели нижнюю часть ледопада на леднике. Частично распутывали трещины, кое-где прижимались к правому борту ледника и облезали опасные участки по скалам, где тоже было совсем не безопасно из-за изредка возникающих камнепадов. Во второй половине дня — снова дождь и перевал затянуло облачностью. Пришлось встать на ночевку перед последним (верхним) ледопадом.

С ледника в сосновый лес

Утром двинулись снова вверх и за час прошли эту заковыристую часть ледника. Выход на долгожданный перевал Гумачи (2А, 3540 м) нам запомнился изумительной безветренной солнечной погодой с красивыми пейзажами и маленьким бирюзовым озерком у перевального тура. Прозагорали мы тут добрых полтора часа. Спуск с перевала проходил по одной веревке, а далее по леднику Джантуган до стоянок под названием «Зеленая гостиница». Стоянки оправдывают свое название. Действительно зеленая от короткой травы не только площадка под палатки, но и склон, непосредственно обращенный к поляне. Казалось бы, ничего необычного, но именно в этом месте зеленый цвет альпийского разнотравья сильно контрастирует со сверкающими ледниками Главного Кавказского хребта.

Времени еще немного, и погода хорошая. Решили идти дальше. Продолжая двигаться по тропе вниз ущелья Адыл-Су, мы периодически фотографировали пейзаж. Цветы и травы источали сильный запах, становилось теплее. Наконец, вошли в зону соснового леса и остановились на ночлег. Необычно. Еще днем мы были в зимней одежде среди снега, а вечером уже в летнем сосновом лесу, да еще и без комаров и высокой травы.

Облака, а над ними Чаткара

На следующий день мы спустились до реки Баксан и начали подниматься по долине реки Ирик, уже непосредственно продвигаясь к Эльбрусу. Висячая долина реки Ирик одна из самых красивых в Приэльбрусье.

Здесь есть выходы нарзанного источника и желтые скалы из осыпающегося песчаника. Тропа плавно, без заметного набора высоты уходит вверх, проходя по сосновому лесу. Нам так понравилось готовить на костре, что мы решили еще встать на ночлег в лесной зоне. Андрей Ахматханов, как только скидывал рюкзак в лесу,

незамедлительно отправлялся на поиски дров.

С утра, после того как лес заканчивается, мы взбираемся на крутую устьевую ступень и оказываемся в висячей долине ручья Ирикчат. Дальше двигаемся по альпийскому разнотравью. Изредка, пища на ходу, пробегает сурок, предупреждая своих сородичей о появлении чужаков. К вечеру поднялись на широкую осыпную седловину перевала Ирикчат (1Б, 3667 м), а с него по гребню подходим к ледовым полям Эльбруса, возле которых мы и заночевали.

На ночевке (на высоте 3750 м) мы наблюдали, как густая облач-

ность заползает в снежную долину Джикаученкез, находящуюся в двухстах метрах под нами. Внизу мы видели перину облаков, а над ними торчала вершина Чаткара.

Эльбрус

Весь следующий день траверсируем Восточные ледовые поля Эльбруса (1Б, 4100 м). На этом участке маршрута огромные трещины чередовались с плоскими, покрытыми мокрым снегом котловинами. Уже только к четверем часам вечера мы, измотанные, с мокрыми ногами, подошли к району приюта 11.





По боковым скалам поднялись чуть выше и встали на ночлег на высоте 4307 м. Не успели поставить палатки, как пошел крупный град. Градинки были настолько крупными, что сквозь вязаную шапочку чувствовался «небесный массаж». То, что с этого места мы будем выходить радиально для восхождения на Эльбрус, было понятно, но вот когда — неясно. Планов на завтра мы не строили, так как сильно сегодня устали.

Однако утром в 4 часа мы зашевелились, кто-то, выглянув из палатки, сказал, что в космическом пространстве видны звезды и ветра нет, значит, погода хорошая. Упускать погоду на такой высоте — неблагоприятно. Поэтому в пять утра все-таки вышли, несмотря на вчерашнюю усталость, прихватив с собой трехкилограммовую посылку с письменным указанием — вскрыть на высоте 5000 м у правого сугроба.

Спустя 4,5 часа Алексей Вихрев, взглянув на GPS, сказал, что высота в 5000 м над уровнем моря достигнута. «Правого» сугроба, который указывался в записке, мы не обнаружили. Там был склон, градусов в 30 крутизной, покрытый твердым спрессованным снегом (фирном).

Все равно — решили открыть коробку. В ней оказалось 1,5 кг... земли — нашего садового чернозема. Одна банка кока-колы, еловые шишки, хвоя и... памперсы. А также сопроводительное письмо с инструкцией, как это все использовать в условиях кислородного голодания.

После такого «расстройства» мы продолжили наше движение вверх и спустя еще два часа были на вершине Эльбрус Восточный. В видеокамеру каждый из нас дал интервью о наших ощущениях. Очень гордился, что группа поднялась на вершину в полном составе.

За 11 зарегистрированных руководств походами это восхождение было у меня первым, когда все участники похода поднялись на вершину.

Группа поддержки

Встреча на мосту

– Вот здесь он должен стоять. Видишь, индикатор показывает на мост.

– А что, нету?

– Петрович, иди ты знаешь куда? Кончился совок. Как ты не поймешь! Или клиент нами доволен, или все, аллес капут, баксы бай-бай. Конкуренция потому что... Нету! Нету его, сам же видишь!

– Не ори, Николаич. Раз так орешь, значит, жалобы поступали?

Семен Николаевич помялся. Пожал крепкими зелеными плечами – в Игру он всегда ходил орком. Здоровенным, зеленым и клыкастым. Работа Николаевича заключалась в принятии жалоб от недовольных клиентов – и последующем разборе этих жалоб. В обоих случаях лучше быть внушительным, грозным и сердитым. Особенно по внешности, потому как силу, скорость и прочие бойцовские качества внутри Игры все равно обеспечивает компьютер.

– В общем, ты наших главных героев знаешь?

Виртуальный Петрович отбросил с лица соломенные волосы. Недовольно фыркнул, завел глаза к небу, постучал пальцами по невидимой клавиатуре – прическа поменялась на светло-русый «конский хвост» и заплетенную в косички викингскую бороду.

– На этом сервере северяне тусуются, – пояснил программист. – Лучше не выделяться... Так что там с главными героями? Чемпионат, что ли?

– Ты, Петрович, иногда хоть вылезай из своего железа... – Орк-Николаевич рассеянно снял с пояса боевой топор и принялся накручивать его блестящую рукоять на запястье.

Заглянувший на мост игрок икнул и ретировался. Семен выдохнул, отложил топор, рукоять которого превратилась в пружину, раскрыл ладонь. С легким хлопком на ней проявилось техзадание. Инспектор сунул листок программисту:

– Читай!

–... Трам-пам-пам, купить дом в городе... Квест достиг с двадцать пятого уровня... Ого, значит, у нас и

такие есть... Дом продает орк по имени Шаграт гра-Музгоб... опять индусов наняли имена программировать?

– Скажи спасибо, что не таджиков... Ты дальше посмотри, где характеристики.

–... Шаграт гра-Музгоб персонифицирован виртуальным персонажем третьего уровня... Николаич, это же бот! Этого гыр-мойдодыра никто не играет! Он компьютерно-управляемый!

– А ты думаешь, почему я вызвал программиста, а не капитана игротехников? Дальше, дальше!

–...Проявляется только в локациях: «Таверна «Бешеный Лось» и «Мост в замок Небесного Города». Та-ак!

Испустив еще несколько двухметровых «Та-ак!», Петрович задумчиво огляделся. Мост шириной десять шагов и длиной шагов триста... Парапет, могучие арки... На парапете чаши, в чашах вечный огонь – горит день и ночь. Ночью для освещения, днем якобы для отпугивания вампиров. Будучи программистом, Петрович знал, что тушение и зажигание огней в первую версию Игры просто не вписали: торопились открыть клуб раньше конкурентов. А потом так и оставили. «Это не баг, это фича...» – пробормотал парень профессиональную мудрость. Перегнувшись через широкий парапет, глянул вниз. Сухое ущелье под арками пустовало. За опорой моста неуклюже прятался бандит. Петрович махнул ему рукой. Бандит не отреагировал: должно быть, тоже управлялся компьютером. Бот – он и есть бот. Совсем тупой, может только прямолинейно реагировать на определенные условия. Условия эти в компьютерной науке именуется триггерами и срабатывают всегда одинаково. Например, бандит нападает на всех проезжающих, не пытаясь оценить ни свои шансы на успех, ни как-то изменить тактику. Бот второго уровня имеет уже несколько условий и может как-то комбинировать их, создавая иллюзию общения с игроком. А вот боты третьего уровня... например, этот самый гра-Музгоб...



Михаил Бобров родился в Запорожье, живет в Гомеле. По профессии — инженер-строитель, по духу — ролевик, викинг. Стоял у корней гомельского ролевого движения. Любимый зверь — кот. Любимое занятие в свободное время — книги, большей частью энциклопедии. В отрыве от них может сделать меч, щит, организовать турнир... Мечта — съездить своей командой на РИ «Волки Одина».

– Николаевич, может, наш орк в таверне сидит? У него же полусвободный интеллект, новая разработка... Помнишь, на позатой неделе скачивали? А парни, кто его делал, пиво любят, могли шутки ради прописать что-нибудь в этом духе.

Инспектор не успел ответить. На мост влетела лошадь в золотистой броне; с лошади звонко соскочила высокая темнокожая девушка — тоже в броне с ног до головы, только шлем остался за седлом. Гостя вытащила длинный сияющий клинок и решительно направилась к техникам. Семен поспешно включил золотистый нимб с бегущей надписью «Администрация». Девушка убрала меч и вместо приветствия спросила:

– Ну, что там у вас?! Долго мне его еще искать? В таверне нету! В лесу нету! Зайду в городские ворота: на карте помечается мост. Зайду на мост: вот, смотрите! — воительница сунула Петровичу развернутый пергамент. Зеленый значок указывал на таверну.

Петрович и Николаевич переглянулись. Программист сдался:

– Сейчас буду по базе пробивать. Отвернитесь, леди, тут запретная магия...

Темнокожая амазонка презрительно фыркнула:

– Говорил мне муж, не связывайся с триггерными игрушками! Нет бы систему написать, так все условиями...

– Как раз триггерные персонажи очень даже в исправности! — возразил Семен. — А вот этого самого орка наделили полусвободным интеллект. Его управляющая программа имитирует даже беседу на вольную тему. У наших конкурентов ничего подобного нет!

– Ага, только сперва этого вольного собеседника поймать надо! — девушка крутнулась на стальной пятке и крупными шагами вернулась к лошади.

– Не подведи, Петрович! — шепнул орк в самое ухо программисту: — На ней Драконию Доспех, значит, она главный квест прошла. Значит, она из первой десятки. В перспективе — текущий чемпион Игры. Если что, директор ее поддержит, не нас с тобой. Она в виртуале часов пятьсот... такие, как она, нам рекламу делают...

– Не агитируй, работать мешаешь... — программист почесал затылок, прикусил большой палец. Подумал немного и решительно набрал на невидимой клавиатуре нужную комбинацию. С громким хлопком на дальнем конце моста материализовался высокий зеленокожий орк, одетый в воинскую стеганку, грубые штаны, кожаные сапоги и подпоясанный красивым поясом с золочеными бляшками.

Персонаж сделал несколько шагов. Тут девица его увидела и кинулась навстречу, брякая юбкой от кирасы. Орк взвыл, прыгнул на парпет и побежал прямо к инспектору, ловко перескакивая пылающие чаши.

– Спасите! — завопил компьютерный гра-Музгоб. — Спасите! Она меня сейчас грохнет!

Николаевич поморщился, буркнул в нос:

– Не она тебя, а я лингвиста грохну! Какое «грохнут» в четырнадцатом веке!

Петрович властно поднял руку, крикнув кодовое слово. Орк остановился на полушаге, спрыгнул с парпета на мост и замер. Амазонка и программист подбежали к нему одновременно.

– Купить-дом-в-городе! — выпалила девушка.

– Стойте, леди! — Петрович снова стучал по невидимым клавишам. — Сперва немного профилактики... Объект девять два шесть!

– Я, — механическим голосом ответил домовладелец.

– Почему не появлялся в указанных локациях?

– В локациях появлялся.

– А почему же я-тебя-не-видела, наглаябредливаярожа!! — амазонка перешла на ультразвук, отчего Николаевич снова поморщился и подумал: «Никогда не женюсь».

– Я скрывался от игрока. Появлялся в той локации, где в данный момент игрока нет.

Петрович и Николаевич изумленно переглянулись. Амазонка от удивления замолчала.

– Почему??! — спросили хором все трое.

– Требование программы номер четыре: избегать опасных персонажей. Правило шесть, точка шесть, точка семь: степень опасности персонажа определяется количеством убитых им существ. Запрос ноль-девять точка сорок две тысячи сто шесть: игрок ноль-девять имеет наибольшее количество убитых врагов, поэтому наиболее опасен...

– Извините, леди, ноль-девять — это вы?

Амазонка независимо вскинула голову:

– Ладно, пусть я никогда не куплю дом в этом чертовом городишке! Но к своим восьми тысячам трупов этого зеленого болвана я точно добавлю!

Компьютерный орк икнул и спрятался за широкую спину Семена.

Складка местности

– Ну, вот тут все случилось. Я вошел...

– Вошел?!!

– Ну да, вошел, черт возьми, а что?

– Петрович, глянь: это девушка, или у тебя опять с визуальной составляющей перекося?

Петрович послушно глянул. Увидел очаровательную эльфийскую лучницу: с острыми ушками, раскосыми глазками, в коричневом камзоле и светло-серых чулках... Ноги, как и положено, начинались чуть-чуть не от ушей. Высокие сапоги с двумя рядами застежек прикрывали колени... Петрович пробормотал: «Исключительно замечательно, офигительно привлекательно», — сглотнул и перевел взгляд на высокого зеленого орка в бахилах, грубых штанах и потертом жилете. Еще раз сглотнул: по контрасту. Орк развел руками:

– Ну, женщина, леди, мадам, фрау, а ты что видишь?

Лучница поглядела на него, как на идиота. Перевела томные глаза на Петровича — и внезапно совершенно мужским жестом размашисто хлопнула себя по лбу. А потом добавила еще несколько слов — которых подобное нежное создание и знать не должно, а не то чтобы произносить без запинки, нисколько не путаясь в ударениях. Наконец, разъяснила:

— Мужики, я все понял. Я же дочкой аватарой играю. Мы с ней поспорили, что она моим Черным Ярлом пройдет Игру быстрее, чем я — ее Ведьмой.

— Как к вам обращаться? — поинтересовался Петрович.

Лучница хмыкнула басом:

— Наверное, лучше по-мужски.

— Хорошо... — Орк вздохнул. — Значит, я инспектор Игры по приему жалоб от участников и расследованию. Вы, насколько я понял, не можете пройти задание с крысами.

— Ага, — кивнула лучница. — Подушечный квест.

Петрович никак не мог заставить себя воспринимать ее мужчиной. Те, кто отождествляет себя с виртуальным персонажем, входят в Игру своим телом. Иначе можно получить большие проблемы с психикой: кем себя считать и как вести. В последние десять лет виртуальная реальность стала куда больше «реальностью», чем «виртуальной». Но есть люди, которые себя с персонажем не отождествляют. А играют будто бы своим виртуальным приятелем. Или приятельницей — кому что ближе. Такие чаще всего используют вид «от третьего лица», смотрят на свое компьютерное воплощение со стороны... Петрович сглотнул в третий раз: на эльфийку стоило посмотреть. Поймал себя на том, что слишком часто сглатывает, и решил больше этого не делать.

Между тем орк распахнул дверь и вошел в дом с громким призывом:

— Делайна! Делайна Телас, ты здесь?

— На стуле она сидела, — пояснила эльфийка. — И тут выскочила крыса. Вон из той дыры в углу. Ну, точно как по квесту, я ж не первый раз играю...

Петрович аккуратно всунул голову в окно. Едва успел ее отдернуть: прямо перед носом пронесся огненный шар; со звоном и треском расплющился о каминную полку. Покатились бутылочки с зельями.

— Откуда взялся файерболл?! — орк-инспектор с противным скрипом почесал пятерней лысый затылок.

— Уменьши звук, — попросил Петрович, входя на этот раз через дверь. И опять неудачно: лиловая молния шаркнула в пол рядом с носками его рыжих сапог. В отличие от Семена, который каждую жалобу инспектировал в облике громилы-орка, программист Петрович часто менял воплощение. Сейчас он выглядел мелким лесным эльфом-босмером, носил бутылочно-зеленый камзол и такие же штаны длиной чуть ниже колена; заливчато сбитую на ухо шляпу с гусиным пером — шляпа и перо цвета первой травки, словно бы гуся перед ощипыванием тоже окрасили. Ну, а сапоги рыжие... Парень задумчиво посмотрел на

пятно гари возле носков и пробежался пальцами по невидимой окружающим клавиатуре.

— ... И вот, я крысу сложил, оборачиваюсь — а ее нету. В смысле, Делайны нету. Только что помогала мне крысу щемить — и опс, куда-то делась. Ну, она крысы натурально испугалась: даже на стол вскочила... Тут на столе никакого телепорта никуда нет? — спросила эльфийка. — А то как же я теперь квест сдам? Ведь не зачтут...

— Делайну человек играет, — сказал, наконец, программист. — Так что, Николаич, может, Василиска позвать? Он же сегодня дежурный по игротехам.

— Для начала посмотри в общей базе данных, где находится Делайна, — хмуро отозвался инспектор. — А то за ложный вызов знаешь, сколько визгу будет?

— Знаю... — Петрович защелкал клавишами и развернул перед собой небольшой экранчик, куда эльфийка попыталась заглянуть одним глазком. Орк молча показал ей здоровенный кулак. Лучница с обиженной миной отошла к столу, пинком придвинула стул, который тут же оседлала.

— Здесь! — Петрович пожал плечами и прибавил: — Именно в этой комнате. Трижды проверялся. Индексы все в порядке, а локализация точная. Ищите ее ребята, она где-то здесь...

Орк-инспектор пошел вдоль стен по часовой стрелке, раскрывая шкафы — числом два — и сундуки, в количестве еще меньшем. Никого не обнаружив, вернулся к каминной полке. Глянул на эльфийку:

— Так Делайна была на столе?

— Ага, — кивнула девушка — Вот здесь. — и похлопала по доскам. Коричневая тарелка подпрыгнула, перевернулась и зазвенела по полу. Следом громыхнула лиловая молния.

— Да откуда оно стреляет, холера в бок?! — рыкнул инспектор. — Петрович! Думаю, это комплексный глюк: персонажи пропадают, а файерболлы... Слушай! — внезапно догадался орк. — Может, ее файерболлом или молнией пришибло? А у твоей дочки в Игре уровень жестокости наверняка минимальный, вот труп и растаял сразу после смерти.

Лучница фыркнула:

— Тогда пусть пришлют новую. Или так примите квест: ведь крыс я честно убил. Не моя вина, что сдавать их некому.

— Предъяви крыс, — махнул рукой орк-инспектор. — Петрович, впиши ей... ему квест, а акт мы потом в конторе завизируем.

Эльфийка прыгнула со стула, выбежала в дверь — орк и босмер хором сглотнули слюну. Лучница вернулась, волоча букетик из трех зверюг, высотой человеку по колено. Крысы в букете были связаны голыми противными хвостами.

Комнату наполнил истощенный визг. Стол подскокил на всех четырех ножках, отлетел к стене, застрял там между сундуком и камином, потом поднялся на дыбы. Из-под стола выскочила женщина средних лет в длинном кремовом платье и коричневом переднике. С отчаянным воплем бросилась к двери:

– Не тащи эту мерзость в мой дом!
– Делайна! – рявкнул орк, выкатив желтые глаза: – Какого шармата ты под стол залезла?

– Я? Под стол?! Я на столе стояла! – Делайна повернулась к Петровичу, и тот увидел пепельно-серое лицо с алыми угольками зрачков. Госпожа Телас была из проклятых эльфов-данмеров. Потом программист снова вернулся к невидимой клавиатуре и «запретной магии» служебного экрана. Хмыкнул, фыркнул, сплюнул. Орк-Николаевич смотрел на него нетерпеливо, и Петрович, наконец, выдал объяснение:

– Она действительно прыгнула на стол. Но потом как-то просела вниз. А стол тут нарисован, вроде как ящик, понимаешь? На верхней грани ящика нарисована столешница, на боковых – ножки. Дизайнеры сэкономили. Если ты под столом, тебя просто не видно. Ты как бы «в столе», понимаешь?

– Сундук-невидимка! – захохотала эльфийка. – Хозяйка, я твоих крыс убила, отпусти мне грехи... то есть квест запиши... и я пойду...

Делайна, все еще мотая головой, протянула руку:

– Давай дневник. Только оттащи их куда подальше, не бросай перед дверью.

Петрович сосредоточенно колотил по клавишам, подбирая правильный стол. Поинтересовался:

– А зачем было стрелять без передышки?

– Так я же слезть со стола хотела. Нажимаю «прыжок» и промахиваюсь по кнопке, все время файерболл получается... – рассеяно ответила Трелас, заново расставляя бутылки с зельями, поднимая перевернутые стулья. Вернулась лучница:

– Я крыс в канаву толкнул. Удачи!

Инспектор поглядел на все это, молча покачал головой. Когда за мужиком-эльфийкой закрылась дверь, Николаевич спросил хозяйку дома:

– А чего ты вообще на этот холерный стол полезла? Говорили ж тебе, физический движок сыроват. Всякие глюки могут быть...

Делайна Трелас принялась теревить передник:

– Так, я, это самое... мышей боюсь.

Темна вода во облацех

– Тебе еще не надоело искать всякую ерунду?

– Ничего себе ерунда! – здоровенный северянин в тяжелой броне возмущенно хлопнул руками по бедрам. Латы протестующе загудели. Северянин продолжил жаловаться неожиданно визгливым голосом, отчего Петрович сразу подумал – не играет ли его вздорная баба?

Семен Николаевич между тем осматривал место происшествия. Крутой скат в спокойную речную воду. На самом берегу – здоровенный валун. Выше песчаного ската начинается травянистый склон, а на склоне ветер треплет импровизированную палатку. Должно быть, разбойничий стан...

– Вы уверены, что все случилось именно здесь?

– Уверен! – нордлинг ткнул пальцем в небо: – Вон то облако я запомнил! Точно под ним!

Клыкастая морда Николаевича удивленно вытянулась. Орк-инспектор выразительно посмотрел на танцующую под ветром палатку. Петрович вмешался:

– Он правду говорит. Тут стык пространственных кластеров, текстуры накладываются. Облако – маяк, оно всегда тут стоит.

– Короче, пропала моя клеймора! Я в нее сигильский камень всадил – зря, что ли? На нее такое закливание повешено! Давай, ищи, чего стоишь?

Петрович посмотрел на инспектора. Николаевич молча оскалил внушительные клыки и положил руки на пояс: сердился. Программист тоже сдвинул брови. Набрал на клавиатуре несколько комбинаций и тотчас же перевоплотился: вместо милого эльфеныша на берегу вырос имперский легионер. Стальные поножи, набедренники. Мятая кираса, на груди которой Петрович нарисовал беседку, заплетенную виноградом, а по всей спине пустил надпись: «За родину, за Септима!» Внушительные наплечники, из-за них рукоять меча... Островецкий шлем-барбют с Т-образной щелью. Рукавицы Петрович пока не включил: чтобы не мешали набирать коды.

Северянин ничего не заметил. Он продолжал подпрыгивать и покрикивать, пока Николаевич ходил вокруг и рассматривал песок. Наконец, инспектор распорядился:

– Проверь его клеймору по общему реестру!

– В воде, – отозвался Петрович после минутного поиска.

– Далеко?

– Сейчас... – программист защелкал кнопками. На берег выскочила золотистая рыбина величиной с дворянскую. Подпрыгнула выше камня и огрела орка хвостом по плоскому зеленому носу.

– Ну?! – рыкнул Николаевич, сбрасывая рыбину на жалобщика. Та, не теряя ни секунды, вцепилась северянину в щеку. Нытье превратилось в сдавленную ругань. Программист выразительно развел брошенные руки:

– Извини. По кнопке промахнулся.

Северянин оторвал рыбину от лица и зашвырнул почти на тот берег.

– Редкая рыба долетит до середины Днепра, – проворчал Николаевич. – Однако, если хорошо размахнуться...

– Это шутка такая? – фыркнул Петрович. – Короче, вон там где-то его железяка. И как, прописать ее, или кому-то нырять придется?

– Не спеши, – орк остановил программиста жестом. – Не нравится мне этот нытик. Воет и скулит, как пятилетний...

– Я подумал, может, его женщина играет? – вполголоса согласился Петрович, – Ну, помнишь, как тот парень... Черный Ярл, кажется... играл эльфийкой?

Вспомнив эльфийскую красавицу, орк и легионер согласно вздохнули.

– Скорее уж, его играет ребенок. Капризный очень... Пстой тут, я подымусь на склон. Если ничего не придумаю, кому-то в самом деле придется нырять. – Николаевич направился к дырявой палатке. И сразу увидел, что разбойникам пришлось несладко: все пятеро были безжалостно изрублены. Четверку в кожаных камзолах и каркасных шлемах отыгрывал компьютер. Николаевич миновал их без задержки и склонился над атаманом. Обычно главарями разбойничьих шаек и монстрами высокого уровня управлял человек-игротехник. Так выходило дешевле, чем писать и отлаживать хитрый искусственный интеллект. Семен вынул из воздуха посох реанимации и коснулся им зарубленного атамана:

– Отвечай, что тут у вас.

– Жалуеться? – вместо ответа разбойник криво ухмыльнулся. – Вот же язва! Орал, что пятеро на одного нечестно, ну, думаю, клиент вроде богатый... пусть будет честно... пускаю своих зомбенышей цепочкой по одному... а он нет, чтобы там финт какой или красивый блок – видно, по кнопке тупо давит и давит, надеюсь, у него мышка треснула... Потом выхожу на него сам. Блокирую, выкручиваю, бодаю его в наглую северянскую морду... Вижу, сработало: стоит, глаза тарашит. Тут я у него клеймору и выбил – фонтан поднялся, как от снаряда. Почти до середины реки улетела.

– Так, значит, ты ему клеймору выбил в бою? – глаза орка-инспектора налились багровым.

– Ну да, а что? – удивился разбойник. – Не будь он такой сукой, я бы поддался. Я же помню инструкцию...

– Да нет, все нормально, – успокоил его Николаевич. – Лежи, отдыхай... – и размашисто зашагал на берег.

– Господин Игрок!

Северянин повернулся к инспектору и заверещал:

– Ну, долго мне еще ждать, пока вы мое оружие найдете?

– Вы потеряли оружие в честной схватке, без нарушения законов Игры. Мы не принимаем к рассмотрению вашу жалобу, как не соответствующую пункту шестому общих правил... Тем не менее, – орк радушно оскалится, – мы всегда готовы помочь вам в поисках... Петрович, дубль два!

И, пока северянин возмущенно хлопал глазами, орк с легионером схватили его под локти, запрыгнули на камень – а потом дружно зашвырнули бронированную тушу в темную речную воду.

– Атаман сказал, клеймора туда отскочила. – Орк отряхнул руки. – Ну, примерно.

– Так, значит, это не ошибка в программе, – понял, наконец, и Петрович. – Вот вреднюга! Не умеет рубиться, ну и не лез бы!

Николаевич фыркнул:

– Редкий нордлинг долетит до середины Днепра! Петрович раскатисто засмеялся:

– Однако, если хорошо размахнуться!...

Требуется вампир

– Тебе еще не надоело искать всякую ерунду?

– Ты уже, кажется, это говорил.

– Ну правильно, говорил. Так ведь что получается: то ищем пропавшего бота, то пропавшего игротеха, то утерянное оружие, то еще какого-нибудь черта в ступе. Ты, Николаич, жалобы игроков расследуешь или в бюро находок служишь?

– А почему, как ты думаешь, расследование и розыск всегда рядом ходят?

– Вспомни мое слово, сегодня опять кого-нибудь искать будем.

– Тише, Петрович. Мы пришли, – с этими словами орк взялся за дверное кольцо. Потянул. Дверь подалась с жалобным скрипом. Из открытого входа должно было пахнуть сыростью: такой он оказался темный и мрачный. Только сырость игровые компьютеры передать не могли – не было пока аппаратуры для передачи осязательных эффектов. Приходилось полагаться на искусство дизайнеров. И те не сплеховали: вход в подвал выглядел так, что поджилки у Петровича затряслись самым натуральным образом. Спускаться в подземелье ни инспектор, ни программист не захотели.

– Эй, есть кто живой?

Далеко внизу, в черноте коридора, запрыгали рыжие пятна. Потом показался факел, под факелом – сверкающая рука; наконец, проявился рослый человек с длинным мечом в правой руке, факелом – в левой. Воин носил дорогой стеклянный доспех, ярко блестящий под факелом. Петрович даже зажмурился. Подумал немного, пробежался пальцами по невидимой служебной консоли – и сделался точной копией поднимавшегося из подвала героя. Только лица отличались: из подвала вышел темнокожий силач-редгард, а программист остался светлолицым северянином с приметной синей татуировкой по щекам.

Боец воткнул факел в кольцо на стене, вышел на мощенную камнем улицу Небесного Города, поглядел на пасмурное небо. Фыркнул и помотал головой:

– Устал, как будто на мне всю ночь пахали...

Семен Николаевич поддался вперед, оправил кожаный жилет, отряхнул и без того чистые мешковатые штаны. Придал лицу выражение вежливой заинтересованности, от чего клыкастая морда инспектора стала еще жутче:

– Я инспектор Игры по приему жалоб на качество работы программы. У вас жалоба какого рода?

Редгард-из-подвала поднял руку почесать затылок. Наруч глухо стукнул по воротнику кирасы, и человек резко опустил ладонь.

– Да вот нету их, поганцев. В рекламном ролике игры были. А тут вот нету.

– Кого нету?

– Да вампиров же! Обещали каждые три дня на падение во сне. Даже в городах, если окно забудешь закрыть. А я уже который день ни одного не встретил. Ладно, думаю. Может, удача моя такая. Нашел, наконец, вампирское логово. Переночевал в нем. Никого! Люди на улицах шарахаться от меня начали. Игроки разбегаются: уже меня вампиром считают. В последнем номере «Курьера» назвали Стеклянным Дракулой... А я на одни только колья всю осину в округе порубил. Если вампиров вообще в игре нет, тогда деньги обратно! Я на них полмесяца сетевого времени потратил!

– Говорил же тебе, опять искать будем! – фыркнул Петрович. Орк-инспектор мотнул головой:

– Лучше скажи: вампиры твои, или от команды игротехов?

Программист улыбнулся: если упырей играют люди, на парня в стеклянном доспехе они попросту не полезут. Супердоспех можно только выиграть в бою с несколькими особыми персонажами... настолько особыми, что победа над ними сделает из игрока лихого рубаку, хочет он того или не хочет. Программист привычно перелистал списки.

– В нашем секторе всех вампиров играют боты, – вполголоса пояснил он инспектору.

– Опять с полусвободной логикой? – поморщился Николаевич. – Опять шибко вумные, от игроков прячутся, потому что те, дескать, опасны?

– Кто старое помянет, тому глаз вон, – огрызнулся программист.

– А кто забудет, тому оба! – не сдался инспектор. – Давай, крути свою машинку, ищи, куда эти комары-переростки закопались!

Петрович хмыкнул и защелкал невидимыми кнопками – словно мял в пальцах прозрачную ткань. Редгард-жалобщик устало прислонился к каменной стене дома.

В проулок заглянул человеко-кот. Точнее, сперва из-за угла показалась львиная голова: песочного цвета, непослушные жесткие волосы торчат из-под повязки бронзового оттенка.

– О, да тут Стеклянного Дракулу поймали! – деловито-радостно произнесла голова. При этих словах игрок содрогнулся, отклеился от стены и даже нахмурился, насколько позволяла виртуальная мимика. Николаевич задумчиво терзал подбородок, словно собираясь выдоить из него разгадку. Петрович ушел в свои кнопки и экраны. Поэтому никто не помешал хаджиту выйти из-за угла полностью – а росточком он вымахал почти с орка-инспектора. Кот плавным жестом огладил длинный малиновый халат, причесал волосы когтистой лапой (повязка упала, но хаджит этого не заметил) и провозгласил:

– Один номер «Курьера» в одни руки! Стеклянный Дракула пойман! Агенты начальника стражи производят арест в Клубничном Переулке! Читайте свежий «Курьер»!

Игрок выхватил меч и прыгнул на человеко-кота с истошным воплем:

– Сколько! Раз! Говорить! Я не вампир!!!

Хаджит скрылся за углом. Игрок погнался за ним. Николаевич долго прислушивался к звяканью бронесапог по булыжной мостовой, перемежаемому то криками репортера: «Стеклянный Дракула вырвался из-под ареста!», то ревом незадачливого вампиробойцы: «Стой! Подожди! Я хочу поговорить! Просто поговорить! Я не вампир!» Наконец, поторопил на парника:

– Ну, где твои кровососы? Тут видишь, что вырывается: несоответствие товара рекламе. Это уже почти иск...

– Строгость закона компенсируется необязательностью его исполнения, – возразил Петрович. Потом добавил:

– У тебя телепортация еще работает? Перенесем-ка в точку... вот с такими координатами... – программист показал Николаевичу строку на служебном экране. Инспектор согласно опустил голову и сдал в руке волшебного-служебный медальон.

Хлоп! Вокруг сомкнулись грубые блочные стены, закрытые таким же каменным куполом. Под ногами захрустел бурый песок. Вдоль стен на ящиках лицами кверху мирно спали несколько человек.

– Где это мы?

– Подземелья под Колизеем. Слева казармы гладиаторов, справа – подвалы букмекеров. Ну это, где ставки на бои делают... – рассеянным голосом отозвался Петрович.

– Без тебя знаю! Мы вампиров ищем!

– Так вот же они! – Петрович обвел отдыхающую компанию широким жестом. – Боты второго уровня. Управляются комбинацией из двух-трех триггеров...

– А почему они на охоту не ходят? – Орк-инспектор с громким скрипом почесал зеленой пятерней бритый затылок.

Петрович опустил пальцы на клавиши. Помедлил:

– Изготовь-ка телепортацию. А то, если все сразу накинута, сервер повиснуть может – от видеоэффектов. Застрянем тут надолго...

Орк опустил лапищу на медальон:

– Готов.

Программист включил первого попавшегося вампира, кодовыми словами заставил его пройти по комнате. Потом уложил обратно.

– Все ясно. Сытые они. У них второе условие: искать кровь. А в подземельях под аренной ее всегда много. Тут же бои каждый день! То гладиаторы, то дуэли, то еще какая фигня... Так чего они на охоту пойдут? Подставляться под возмущенных горожан с осиною? Им и тут хорошо.

Николаевич, не отвечая, сдал амулет, и напарники снова очутились в давешнем переулке.

– Ладно... – Семен почесал затылок, посмотрел на сморщившегося от скрипа Петровича, виновато опустил руку. – А делать-то с этим что?

Петрович пожал плечами:

– Не знаю.

В проулок заглянул кот. Потом вошел полностью. Следом вошел игрок-жалобщик.

– ...Говорил же тебе, «стой!» А ты прешь, как за медалью!

– Ага, «стой!» – передразнил его репортер, – А меч-то в лапе! Если уж ты хотел говорить, меч убери сначала!

– Господин Игрок! – орк выжидательно посмотрел на редгарда в стеклянной броне, – Ваша жалоба тщательно расследована. Должны сообщить Вам, что вампиры в игре есть. Следовательно, никаких отступлений от рекламы нет. Однако, в качестве некоторой компенсации за причиненное огорчение, можем предложить некий специальный квест...

Герой молчал. Уши хаджита-репортера беспокойно задвигались.

– Что еще за квест? – хмуро изрек воин.

Николаевич наклонился к нему поближе и выразительно прошептал:

– Поруководите вампирским кланом. Посмотрите, так сказать, с изнанки.

Игрок не ответил. Потом фыркнул. Потом улыбнулся. Наконец, заржал совершенно непотребным смехом, заставив хаджита испуганно отскочить. Поднял голову, поглядел на журналиста:

– Эй, приятель! Сколько золотых «Курьер» дает за интервью?

Кот настороженно пошевелил ушами и ответил с опаской:

– Ну... смотря у кого брать...

– Эксклюзивное интервью! – игрок цокнул языком и прищелкнул пальцами. – С главой местного вампирского клана. Со Стекланым Дракулой!

Нарушение правил

– Снова эта амазонка!

– Ты, Петрович, хакеров лови, а не девок высматривай... – рослый орк поворачивался в праздничной толпе, распугивая народ своей изрядно потрепанной курткой, крепкими плечами и острыми клыками, торчащими над верхней губой. По случаю праздника, Семен Николаевич надел красивые золотистые наклычники. В сочетании со стоптанными сапогами, мешковатыми штанами, потертыми на коленях, изжеванной кожанкой – золотые наклычники выглядели уморительно. Однако физиономия у Семена Николаевича была такая, что мало кто осмеливался посмеяться в открытую. Орк инспектор грозно ворочался посреди главного храма Игры, зыряка во все стороны хмуро и бесильно.

– Видишь, опять они оставили стаканы на алтаре! – буркнул инспектор, протолкавшись к круглому каменному столу. Коснулся его зелеными пальцами – и погрузился в голубую ауру. Разнесся легкий звон, а потом из-под высокого купола прогремело:

– Отец Время гордится тобой!

– Дебилла любит тебя! – непочтительно фыркнул Петрович, пробравшийся к алтарю вслед за орком-инспектором.

– Ты все жаловался, что нам приходится искать недостающее... – Николаевич почесал подбородок. – А теперь погляди сюда! – крепкий зеленый палец ткнулся в священный каменный стол.

На столе стояли граненые стаканы. Девять штук. Петрович мог видеть, что под каждый стакан подложена бумажка. Разобрал несколько имен: «Джоффри», «Баурусу», «Маборелю, монаху», «Берду-капитану». На каждом стакане лежал кусок черного хлеба.

Переглянулся с Николаевичем. Хмыкнул.

– Конечно, в списке предметов игры нет граненых стаканов и черного хлеба? – орк поднял брови. Петрович снова хмыкнул, и, чтобы отвлечься, решил поменять себе внешность. Волосы сделал длинные и светлые, лицо – простое и мужественное, а глаза серые. И вдруг вспомнил, что именно так выглядел Берд. Берд, капитан стражи в каком-то городке к северу отсюда. Название городка тоже начиналось с буквы «Б».

«Берду-капитану»...

Петрович потянул записку к себе. Стакан и хлеб потянулись следом. Пришлось взять стакан, и игровой сервер тотчас включил описание налитой жидкости:

«Русская водка. Сила +1; Боевой дух +10; Интеллект -10; Длительность 5 минут».

Программист отставил стакан и дорисовал себе доспехи: тяжелую эбонитовую кирасу, черную с золотым лиственным рисунком; такие же сапоги и наколенники; зеленые, ярко блестящие наручи и наплечники из стекла... Вокруг бурлила пестрая толпа игроков, и метаморфоза никого не удивила: в храме встречается масса всякого народу. Подумаешь, кто-то одежду переключил!

– Это не просто взлом, – сказал инспектор. – Эти парни, кто бы они ни были, не пытаются прокачать себе персонажей до невероятного уровня в обход правил. Не пытаются искать себе преимуществ в бою... Хотя вполне могли бы. А потому мы их и поймать не можем. Ведь вся наша система контроля направлена на отлов жуликов... Здесь же нарушена буква правил, но не дух игры.

– Может, игротехники шалят? – предположил программист. – Половина бригады набрана из старых ролевиков... которые еще по лесам-болотам с дубьем шарились в свое время... Они частенько жалуются, что здесь мало возможностей для отыгрыша...

– А что, разве много?! – возмутился кто-то над самым ухом. Петрович повернул голову:

– Гляди, Николаич! Я же говорил, та самая амазонка! Ну помнишь, от которой орки прячутся?

Девушка-редгардка в Драконьем Доспехе протянула руку и поставила на алтарь новый стакан. С куском хлеба и запиской. Потом посмотрела на инспектора с вызовом:

– И никаких правил я не нарушила!

– А стакан откуда? – взвился Петрович, – Если даже мой сканер не видит его в общем реестре вещей и объектов?

Амазонка небрежно отмахнулась:

– Муж что-то там объяснял про косвенные вызовы и стекковые переходы, я не помню деталей. Какая, в сущности, разница?

– Но для чего вы это делаете? – удивился Николаевич.

– Пойдемте наружу, там не так шумно.

Выйдя из-под ребристых сводов, все трое присели на ступени храма. Горожане, заполнившие центральную площадь, не обратили на них внимания. Только храмовый зазывала на всякий случай возгласил предупреждение:

– По этим камням ступала нога самого Талоса!

Амазонка презрительно сплюнула:

– Я ходила по камням вместе с самим Септимом!... Зачем вы их всех поубивали?

И без того большие глаза Николаевича превратились в форменные блюдца.

– Ну, когда главный квест проходишь, – пояснила девушка. – Потом возвращаешься в Храм Повелителя Облаков – а там никого нет. Ни Джоффри, ни Баурса... Верните их всех обратно!

Орк-инспектор с ужасающим скрипом поч есал зеленый затылок. Петровичу надоело это слушать, и он просто отключил звук. Николаевич посмотрел на собственную зеленую пятерню, как будто видел ее впервые.

– Вообще-то это не по сюжету... – осторожно заметил он.

– Я уже прошла весь сюжет, – спокойно ответила девушка. – У меня лучший результат в моем часовом поясе. Еще два или три квеста, и я могу участвовать в мировом чемпионате. Только не хочу.

Петрович поперхнулся поздравлением. Николаевича удивить было сложней:

– Почему не хотите?

– Это единственный мир, в котором я чувствую себя, как дома... – редгардка пригладила курчавую шевелюру.

– Вы не относитесь к персонажам, как к персонажам... – осторожно заметил инспектор.

– Да! – девушка грохнула латной рукавицей по каменной ступени. – Для меня они все живые!

– Они и есть живые, – еще осторожней продолжил Николаевич, – их ведь люди играют. Персонажей первого плана – даже несколько человек. Потому что в разных часовых поясах игроки спят в разное время... И потом, если персонажа совсем уж нельзя убить, это нечестно и для игрока обидно.

– Но игра из-за этого слишком сильно становится похожей на реальную жизнь! – возразила амазонка. – В ней появляется неотвратимость. А неотвратимости мне и так достаточно...

– Это единственный мир, в котором вы дома... – заметил Петрович. – А как же реальность?

– Ну, реальность... Кому какая разница, кто я в реальности? – редгардка хмыкнула. Спросила:

– Ты сам-то кто? Почему тебя Петровичем зовут? Вот Николаич, он действительно выглядит на свое отчество. У него даже походка... не заметил? А ты, сколько ни меняй воплощение, все равно кажешься мне раздолбаем-программером с волосами до пояса, баночками пива в три кольца вокруг монитора... и по всей комнате раскиданы разные электронные штучки...

Николаевич засмеялся в голос. Пояснил:

– Обычно мы не обсуждаем, кто мы в реальной жизни.

– Чего там обсуждать! – девушка снова непочтительно фыркнула. – Работа, дети, жена... Ну, или муж...

Петрович попытался представить себе ее мужа: человек, назвавший богоподобный Завтрашний Ветер «жалкой триггерной игрушкой». Кто он? Зануда-бухгалтер? Или, еще хуже, бизнесхрен-толстолобик? Хотя, откуда он тогда знает про косвенные процедуры? Или он просто нанял этих самых хакеров? Да что без толку голову ломать!

– Плюнь на правила, Николаевич, – программист угрюмо посмотрел в пасмурное небо. – Она все равно уже квест прошла... Да ты же сам, помнишь, жаловался: если бы Беседка отделила реализацию игры от представления...

– Эй, ну при девушке-то можно программистскими словами не ругаться!

– В общем, чтобы сюжет игры был отдельно, а картинка отдельно.

– И что?

– И можно было бы без конца ловить кайф от старых игр, меняя к ним только графическую оболочку. Как вышла новая графика, прикрутил ее... а мир, герои, квесты остались. Опять же, глюки и ошибки в квестах рано или поздно все поывалавливаются, и будет супер-надежная, никогда не виснувшая игра...

Редгардка вздохнула:

– А пока что уж больно похоже на жизнь получается. С каждой новой версией все больше глянца, и все меньше сказки... Так сколько тебе лет, Петрович?

– Двадцать семь.

– А почему тебя тогда зовут по отчеству?

– Это фамилия, и должна произноситься с ударением на первый слог. Петрович, Вукович, Йовович. Я серб.

Амазонка замолчала. Николаевич поднялся:

– Ты ей только телефон не давай. По крайней мере, сейчас.

Петрович вспомнил, как стоял у обрыва над Дриной; в стынущих пальцах ветер трепал нарисованную от руки мишень; где-то за облаками нудно гудели натовские бомбардировщики... Подумал: игра не должна слишком походить на жизнь. Опустил руки на невидимые клавиши служебной консоли. Набрал коды. Выпрямился и глянул на замершую в напряженном ожидании девушку. Улыбнулся:

– Езжай. Ты найдешь их в Храме Повелителя Облаков.

Елена ДУРЕКО

Далм.

Предметы пространства слишком важны друг другу.
Будто бы Бог поглядел на все это...вряд
ли, не знаю, осматривая округу
будто чувствуешь, — этот взгляд
движеньем времени по лесу собирает
погоду, непогоду, красоту,
которой даже птица на лету,
пространство округляя в высоту
не облетает.

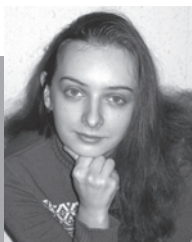
Е. Ш.

Белое. Снежная память времени. Говори
что не знаешь тоски, и не знаешь, что мерзнут руки
так, когда взгляды медленно, по-людски,
переходят в звуки.
Говори очень тихо, громко, сколько бы ни.
Слышно только как снег прорастает
с небес на землю, —
из него — ненадолго — стволы, силуэты, огни,
и как будто бы время оторвано от земли
и над крышами ангелы дремлют.

В. Д.

Бесконечная рябь. Отражение снегом снега,
слепота и дыханье с мороза, —
все чему недостает человека, —
малые жанры в прозе:
только снег и растет на лету,
пахнет жизнью и смертью. Особенно смертью.
Летит, притворяясь твердью,
с какой-то вечности на ту,
где в рыбьей чешуе звезду
увидел человек в бреду.

Видимость города. Звезды в сугробах до крыш.
Очень простые, красивые эти длинноты
всюду, — когда перед лесом засыпанным снегом
стоишь
и когда дым из трубы нанизал на себя огороды.
Чистое время, сведенное до бахромы
где-то под крышами небом прижатых строений,
дышащих звуками теплой людской кутерьмы
еле заметной в звенящем пространстве зимы.



Елена Юрьевна Дуреко родилась в Свердловске. Учится на 5 курсе факультета журналистики УрГУ. Стихи нигде не публиковались.

1.
Любое слово со строчной длиннее.
Скажи, еще, — еще когда-нибудь
мы эту красоту сумеем
к земле зимою притянуть...
Вот так, чтоб две земли, — два неба,
зажатых холодом в горсти.
И хватит воздуха и хлеба
на это утро. Не грусти.

2.
Какая, Господи, любовь заведена
на звездах, воздухе и самой низкой ноте.
А облака плывут до самого окна,
и к самому окну подходят.
И пересиливая эти холода,
растущие от края небосвода,
не хочется, а выдохнешь — звезда.
Звезда. И больше ничего не происходит.

Опускаются звезды вдоль тонких стволов,
и теряются в ветках дворов
и под крышами. Там только голуби.
Несколько голосов.
Слышно как дышит погода,
срываясь с крыши.
День начнется с времени года,
с которого — скоро услышим.

Лохматая комната. Долгая синяя тьма
низкие в комнате спутала тени.
Если проснуться, то город сойдет с ума
от лени,
и оттого, что по полу течет луна,
оставляя борозду на свету.
И звезда только одна
смотрит в комнату.





Светлана БОРИЧ

«Гарусинка» Каменного Пояса

Уральских сказов явленное диво

Старинным способом вышивки, гарусом украшали на Урале праздничные пояса. «Гарусинка» Урала, Каменного пояса — любимые всеми геологами окрестности Сысерти, Косого Брода и Полевского. Прежде юные геологи детско-юношеского клуба «Тропа» наведывались здесь на гранатовый шурф и хрустальные копи, а нынешним летом прошли от Сысерти до Косого Брода. Мы хотели найти темно-красный гранат, голубой асбест, нежно-зеленый благородный тальк, загадочный золотистый диаспор, но главное было — своими руками потрогать, своими глазами увидеть, своим сердцем почувствовать эту частичку Каменного Пояса.

Говорят, уезжать в дождь — добрая примета.

Этим и утешались, когда накрыло в Сысерти проливным дождем. Время, отведенное на краеведческий музей, провели под крышей автовокзала. Наконец дождь поредел, стала видна Бесенкова гора, где состоялось Пугачевское восстание. Наш путь — к поселку Асбест. Асбест-Камень — прообраз Шелковой горки, где герои бажовского сказа брали «камень сзелена и мягкий», который «можно поколотить чем тяжелым и он распушится, как куделя».

Здесь родилось самобытное ремесло — асбестовое рукоделие. Рассказывают, что Демидов подарил Петру I сотканную из асбеста скатерть и тут же, шокируя присут-

ствующих, облил ее красным вином. Неистовый Петр едва не взорвался, когда купец бросил ее в камин, но тот быстро вытащил из огня скатерть, уже белоснежную.

Это был достойный царя подарок. «Асбест» в переводе с греческого «неугасимый, неразрушимый» — волокнистый, легко расщепляющийся на тонкие прочные волокна минерал. Сейчас из него вырабатывают более 2000 наименований несгораемых изделий. 95% асбеста — золотистый хризотил-асбест. Но здесь — другая, более редкая разновидность — голубой антофиллит-асбест. В 30-е годы к поселку Асбест начали прокладывать дорогу, но с открытием Баженовского хризотил-асбеста строительство затихло. На добыче

и переработке хризотил-асбеста вырос город Асбест, а сысертский Асбест-Камень повторил судьбу Талькова Камня.

Светло-голубые лучики асбеста

Идем по борту затопленного карьера. Контакт ультраосновных пород с гранитами — «следок», метаморфические породы — «поводок», а вот и асбест, который мы ищем. Образцы неказисты, но мы довольны находками. Углубляемся в лес.

На подходе к Терсутскому болоту потянуло сырým осотом. Спускаемся. Вдруг Олеся замерла, забыв про комаров. Тихонечко, не снимая тяжелого рюкзака, наклонилась к дороге, нежно что-то гладит руками. Подошли все, кто шел сзади.

На каменистом дорожном бугорке звездочкой расхотились тонкие светло-голубые лучики асбеста. Именно такой хотели найти мы в карьере. Хороший молоток только у Лёши, бодро и без оглядки ша-



гающего впереди. Кричим хором: «Лёха!!!». Он нехотя возвращается: «У меня молоток далеко». — «Доставай!». Через полчаса с трудом оторвали его от добывания образ-

наместили ночлег — идти да идти. Гроза нагнала, когда оставалось всего полкилометра. Сначала было весело, потом дождевики стали пропускать, потекло за шиворот. Стало уже безразлично: идти или

Натянуло тучи, сзади погромы-хивало, а до реки Мочаловки, где



ждать. Рюкзак дружески прикрывал спину.

Костер и время бажовских сказов

Добрели до Мочаловки. Описание к карте «Бажовских сказов дивные места» 2006 года издания: «На реке Мочаловке высокий бревенчатый мост и беседка для отдыха у дороги. Это традиционное место для привала у туристов». Остатки моста, действительно, есть, но ни беседки, ни даже поляны лет 30 точно здесь не было. Выбрали место, которое предстоит обжить.

Оксана и Олеся творят костер под дождем. Не нарушая дыханием роста живительного огня, добавляют тонкий завиток бересты, сосновые хворостинки, очень бережно — палочки побольше, вот и вырос весёлый огонь, которому не страшен ни дождь, ни ветер. Поставлены и привязаны к березовым стволам полотна наших «дворцов»; мы отогрелись, обсохли, поели.

И настало время бажовских сказов, где быть и небыть накрепко сплелись. Такой же ночью через Терсутское болото по реке Мочаловке бежала с вестью о восстании Пугачева Дуняха, «бойконькая девочка рудничная», и волки были совсем близко. «Только вдруг два синеньких огня вспыхнули. Ни дать ни взять — кошачьи уши. Снизу пошире, кверху на нет сошли. Дуняха раздумывать не стала, откуда огни — сразу к ним кинулась... Она и раньше слышала, что по пескам, где медь с золотыми крапинками, живет кошка с огненными ушами. Уши люди много раз видели, а кошку никому не доводилось. Под землей она ходит... Вывели кошачьи уши ее на Поваренский рудник, а он у самой Думной горы. Прямо сказать, в заводе».

Дождь утих, понемногу прекратился. Пламя костра дарит искорки-звезды небесам. Наш ночной костер, бивуак —местилище сказок, хранимых с давних времен.

Во всем красота неброская, неяркая, величественная

А утром через крышу вошло солнце, лес стал звонкоголосым.



Идём налегке к Маркову камню. Ирине, дежурной, по дороге грибов собрали. Марков камень точно на севере, но дорога свернула влево, и мы по ней: «Настоящие герои всегда идут в обход». Вышли к месту, обозначенному на карте «кордон» (пара обтесанных бревен). На Марков камень теперь надо подниматься на юг.

Непроходимый участок: крупнощупая спелая земляника. 50 метров шли 50 минут. Леша первый отрывается от ягод, мы пристраиваемся ему в кильватер, выходим на хребет, натываемся на тропку, которая выводит точно к гранитным останцам. Каменные палатки венчают гору, заворачивают. Не зря у древних людей здесь было священное место, приносилась в дар керамическая посуда, охотничьи орудия и добыча. Не зря именно здесь жил бажовский богатырь Марк Береговик. Высота скал 12 метров, ширина внизу 10, вверху площадка пять на шесть метров, и стоит триангуляционная вышка. Сверху видно, как гряда за грядой открывается Каменный Пояс земли российской. Небо хмурое, во всем красота неброская, неяркая, величественная.

Косой Брод

К лагерю добегает быстро: вниз — не вверх. Успеваем поесть и залезть в палатку. Уральское лето не балует: снова дождь. Но это все

дело житейское: непогода, комары, дороги, которых нет на карте, и карта с дорогами, которых на самом деле нет. К одной из таких дорог пытались выйти по просеке. Перешагиваем через срезанные по колено кусты и деревья. Хлюпает, то и дело вязнешь в холодной ржавой няше. Прыгаем с кочки на кочку. Вокруг всё качается, но до нарисованной на карте дороги 200 м.

Впереди открывается голубое стекло воды. Глубоко ли? Шаг — по колено, еще шаг — по пояс. На карте реки нет, но здесь сильное течение. Оглядываюсь на измученных детей. Идем обратно. Все молчат, только Леша повторяет любимую фразу: «Если у вас много времени, то можно попытаться срезать». Добредаем назад до сухого, выливаем из сапог воду... И еще день пути, через серпентинитовый карьер, через границу Европы и Азии... И еще ночь в тумане, окутавшем дремлющий берег реки Поварни, правого притока Чусовой... И вот перед нами раскинулось старинное село Косой Брод. Убираем компас и безбожно врущую карту.

Здесь мы нашли истинного патриота истории Косого Брода Антонину Михайловну Саблину. Напротив ее дома здание, построенное на месте избы Жабрея. Оказалось, Бажов даже не изменил имени прообраза сказочного героя. В школьном музее сделан руками учеников макет Кособродской крепости.



По царской грамоте в 1568 году Чусовая со всеми ее притоками была отдана Строгановым, и жили здесь русские крестьяне. Башкиры, считая земли своими, то и дело нападали на русские поселения и рудники. Чусовая была естественным препятствием для пеших и конных. Возле Косого Брода — единственного места, где можно перейти вброд Чусовую, Татищев поставил для охраны караул. Но это не помогло. Один из местных башкирских феодалов, Чюбар Балагушев, прислал к Татищеву толмача с угрозой, чтобы русские люди в верховьях Чусовой не появлялись.

Татищев доказал Берг-Коллегии необходимость превращения деревни Косой Брод в крепость. Де Геннин, разделяя мнение Татищева о Косом Броде, построил здесь в 1723 году укрепление («шанец») и поставил роту солдат, «чтобы рудным воцикам, которые руду в Уктусский и Екатеринбургский завод возили, не могли чинить препятствия».

Через два года рядом с Косым Бродом открыли месторождение железных руд — лимонита. Но прославили Косой Брод находки

золота. Уникальный самородок «Лосиное Ухо» весом 13 кг 776 г был найден в полутора км от Косого Брода, в Студеном логу, при общем высоком содержании золота в россыпи и «мелких, до 12 г, самородков». Здесь, на речке Рябиновке, герои бажовских сказов, «левонтьевские ребята», видели Великого Полоза — мифическое существо из старательских сказов и преданий. За «каменными губами» Дениске-Сироте открылся сказочный Жабреев ходок с золотыми лапотками.

В музее мы посмотрели и потрогали приспособления для измельчения железной руды, инструменты для добычи железа, огромные ковши для промывки золота, посмотрели образцы местных пород и минералов. Не нашли только минерала, из-за которого к Косому Броду в конце XVIII века было приковано внимание всех минералогов мира.

На поиски диаспора

В наждачных ломках между Косым Бродом и Мраморским был найден новый минерал, кусочек ко-

торого в пламени свечи распался на блестящие чешуйки. Из-за этого свойства его назвали диаспор, от греческого «diaspeirw» — рассеивать. Диаспор оказался простым гидроокислом алюминия: на 80 частей глинозема приходится 17-18 частей воды и немного железа — 3 части. Судьба определила ему большое будущее и широкую известность.

Отправляемся на эти копи. Края старых карьеров оплыли и заросли мхом, на отвалах трава, кусты и деревья 8-метровой высоты. В прямоугольной яме размерами шесть на четыре метра, с дождевой водой на глубине пяти метров находим «следок» — белый крупнозернистый мрамор, «поводок» — обломки лимонита (железной руды), а за ним то, что ищем — золотистые твердые пластиночки диаспора. В состав боксита (алюминиевой руды) он входит неразличимыми без микроскопа чешуйками, а у нас на ладонях — размером с небольшой грецкий орех кристалльный цветок земных глубин.

Захватывает азарт поиска; не отказало бы чувство меры. Пора вспомнить, как по глухим болотным местам да по старым шахтам набегали люди на Синюшку. Где она сидит, тут и богатство положено. Да только тот в Синюшкином колодце не сгинет, кто от жадности откажется, кто сумеет малым довольствоваться. Берем один образец для музея в Косом Броду, один — в геологический кабинет «Тропы», и каждый себе по камешку.

Сейчас это не просто образцы, а кусочек нашей жизни, явленная красота уральских сказов. Маленькое село Косой Брод для ребят значит не меньше, чем для обычных людей Эйфелева башня.

Сохранить бажовские территории

На днях мы узнали, что нынче осенью район от Верхней Сысерти до Косого Брода и на юг до Челябинской области стал территорией природного парка «По бажовским

местам». Это хорошо: будут хороши, точные карты. Но обычно экологические акции — показуха, и лес, получивший статус природного парка, вскоре становится вытоптаным и изъезженным квадроциклами.

«Бажовская территория» — это не только красивейшие места и история края. Мы, руководители геологических кружков и наши дети, очень «неровно дышим» к уральской «гарусинке», к синим туманам Синюшкиных колодцев.

Готовы помочь и знаниями и организационно, но ждем от энтузиастов парка грамотного поведения. Бажовские места — это места не только отдыха, но и возвращения к вековой ценности — умению ограничиваться малым и способности находить счастье в ощущении полноты жизни.

Во времена, когда ценностью объявляется объем потребления, давайте вспомним бажовское напутствие: «Золотоцветень горы не даётся тому, кто орудует воровски,



Этот столб «Европа—Азия», не отмеченный экспедицией «Уральского следопыта», находится на дороге пос. Косой Брод— пос. Рудный

кто жадностью пропитан насквозь. Нет, тут другой глаз требуется. Мало того, чтобы он был зорким, надо, чтобы никакой корыстью не замутился».





Радиостанция экспедиции «Северный полюс-1»

Евгения ИЗВАРИНА

ПОМНИ О СЕВЕРЕ...

Музеи

РЕКА ВРЕМЕНИ

В конце сентября 2007 года уральцам выпала редкая удача оказаться при «начале славных дел»: в екатеринбургском Центре международной торговли на основе фондов уникального передвижного Полярного музея была развернута экспозиция «Северный полюс – роль истории в жизни и бизнесе». Ее инициатором и основателем музея стал директор Международной выставочной компании (МVK) А.Ю. Шабуров, автор таких нашумевших проектов, как повторение перелета В. Чкалова «Москва – Дальний Восток», первая в мире выставка в стратосфере, выставка на Эйфелевой башне.

Как известно, в честь 70-летия легендарной советской экспедиции «Северный полюс-1» 2007 год был объявлен Международным полярным годом, и вскоре в Москве под патронажем МVK был создан музей, который уже сейчас, в первые месяцы своего существования, приобретает черты народного: экспонаты – иногда ценнейшие – стекаются отовсюду.

23 апреля, ровно через 70 лет после высадки О.Ю. Шмидта и папанинской экспедиции на Северном полюсе, там же – на дрейфующем льду, в так называемой «точке 900 с. ш.» открылась дрейфующая выставка «Станция МVK – Северный полюс». Она соединила



Павильон в виде палатки: общий вид экспозиции

в себе и художественный эксперимент, и рекламный (в большей степени — агитационный) проект, и черты экстрима. «На одной из «макушек планеты» устанавливают две палатки. Одна — точная копия папанинской, вторая — палатка цветов российского флага. В них располагают экспозицию выставки... Звучит гимн России — новый музей открыт и начинает свое шествие по миру. В палатке цветов российского флага виолончелист Денис Шаповалов, ученик великого Мстислава Ростроповича, вонзает металлический шпиль своего инструмента прямо в земную ось. ...На 25-градусном морозе, на ветру, под защитой тоненьких стенок палатки звучит «Аве Мария...» (из репортажа Н. Юрченко и С. Мюнха в газете «Вечерняя Москва»).

В июле — августе МВК стала партнером по информационному сопровождению научно-исследовательской экспедиции «Арктика-2007» на судне «Академик Федоров». А в сентябре именно с Екатеринбурга началось путешествие Полярного музея по городам России.

Выставка, получившая путевку в жизнь непосредственно на Северном полюсе, под крышей городского бизнес-центра не потеряла ни живого дыхания, ни характерного «первооткрывательского» задора. Размещенные на стендах парадные, репортажные и любительские фотоснимки О.Ю. Шмидта, И.Д. Папанина, Э.Т. Кренкеля, знаменитых полярников и летчиков, а из новейших времен — А.Н. Чилингарова со товарищи — воссоздают атмосферу времени и места событий. Но перепечатанные со старых негативов и оформленные уже в современном духе фотографии, пусть и бесценные с точки зрения их содержания, по замыслу экспозиции являются лишь обрамлением для главного — подлинных предметов, связанных с историей папанинского дрейфа. Палатка О.Ю. Шмидта, рация Э.Т. Кренкеля, радиоприемник, телефон, печатная машинка и... гармонь И.Д. Папанина, его парадный китель и фуражка, полярные унты Папанина и М.В. Водопьянова и другие личные вещи, фотографии, книги, вымпелы разных стран... Конечно, это экспонаты. Но это и символы времени, сложной, но действительно легендарной эпохи, столь непохожей на нынешнюю.

Все-таки за последние годы мы многое подрастеряли: искренний энтузиазм, патриотические принципы, чувство сопричастности истории, подчас творящейся у нас на глазах...

«Вообще помни о Севере, — писал когда-то Н. Рерих. — Ту радость, и бодрость, и силу, какую дает Север, вряд ли можно найти в других местах». Сейчас у России много причин наконец-таки действительно «вспомнить» о своем Севере, о континентальном Заполярье, о проблемах освоения шельфа — причин в том числе и политического свойства, а где политика, там и политическая пропаганда. И все же то, чем когда-то стала для страны эпопея «Северный полюс-1», не плод пропаганды, а часть жизни народа, о которой помнят сердцем. И может быть, тот действенный и продуктивный интерес к истории, который движет создателями



Общий вид экспозиции



Стенд, посвященный Папанину: его фотографии, парадный китель и фуражка

передвижного полярного музея, как раз и способен напрямую передать новым поколениям «ту радость, и бодрость, и силу», которых — замечено — порядочным людям в России частенько недостает.

Вечер в Кыштыме

В порозовелом небе день — к закату.
Лучилось солнце нежно.
Лежали тени косо на несмятом,
Широком, снежном.

Топили печи, бани... Пахло дымом,
Не городским уютом.
Изба — в проулке, речка, мостик длинный...
Житье — кому-то!

И мне бы — печь топить, и в синий вечер —
Выглядывать из окон,
И чтобы ты рассказывал о вечном,
Не торопясь, по строкам.

Желтый кораблик

Сорвала с дерева,
Примерила к губам,
Поцеловала,
Зашептала-заговорила,
Пустила
Вниз по реке листок —
Плыви, мой кораблик!

Обрела купаться
В холодной струе,
Умываться
Холодной рекой по капле
(Уж и сентябрь минул!) —
Плыви, мой кораблик!

Вдоль реки,
Вослед желтой крапинке,
Дуют ветры,
Текут взгляды,
Покрутись-развлеки —
Одиноко двоюким среди осени.
Плыви, мой кораблик!

Подбородок
Рассек воздух со свистом,
Вонзился в горизонт.
Не удивляюсь:
Река — отражения.
А над головой — влажная плоть туч.
В той ли плоти настоящая жизнь?
Нет, в тебе она.
Плыви, мой кораблик!

Нарочито спиной —
Маленький город
И маленький человек.
Обижены большой рекой.
Река — мимо.
Жаль их. Но — дальше,
С миром дальше,
Плыви, мой кораблик!

Реки сливаются,
Тяжелеют воды,
Тем русло шире и глубже,
Чем ближе к северу.
Стылые волны,
Свинцовые волны
Ждут.
Гребень — провал — гребень,
И нет тебя...
...Плыви, мой кораблик!

И мне все равно,
В какой обуви
Ходить-вышагивать,
Вымеривать
Вечную мерзлоту.
Ступни — будто голые —
Холодом обожжены.

Я не сумела тебя догнать,
Мой кораблик.



Александра Борисовна Валаева родилась в 1961 году в г. К.-Уральском. Закончила Московский авиационный институт. Работает редактором журнала «Sci-Стайл» (Москва). Стихи пишет со студенческих времен. Призер Рождественского конкурса Каменска-Уральского 2005—06 гг.

Расстояния

1.

Я спешу к северу-северу,
Где сиренев день.
Ты смотришь на юг,
От вьюг бежать вздумал.
Не медли же, сделай шаг!
Земной шар обогнув,
Мы встретимся
Ровно через вечность.

2.

Нашла в кладовке разноцветный мячик.
Играю, забавляюсь целый день.
Рукою правой запускаю в небо —
Так высоко, что даже, глаз прищурив,
Не в силах разглядеть, как мяч летает.
Левою — ловлю, и снова — кверху...

Ай! — не поймала. Стукнулся о землю,
Подпрыгнул. Стукнулся. Еще, еще, еще...
И с каждым разом — ниже. Наконец,
Травинки приминая, покатился.

Я догнала. Гляди-ка, что с мячом?!
Наверное, от сильного удара
Он сдулся, сморщился... Теперь
На ощупь — мягче плюшевой игрушки.

Два червячка приклеились к нему.
Два маленьких невзрачных червячка.
Меж ними — сотня, тысяча того,
Чем мы обычно мерим расстоянья.
Скорей всего, им жизни неостанет,
Чтоб этот длинный путь преодолеть.

Сминая мячик в складку, пару точек,
Где бедные козявки притаились,
В одну соединяю. Ну же, твари, —
Я нынче — в настроеньи, позволяю
Побыть вам рядом, правилам вразрез.

Дарю вам радость — власть поизвиваться,
Повслушиваться в совпадение ритмов,
Биенье ваших алчущих хвостов.
Зрачок в зрачок — желаете? Извольте.
И самые ничтожные способны
Прогрызть, пробить, прожечь друг к другу путь.

Но поспешите! Скоро мне наскучит
Глядеть на ваше призрачное счастье.
В кладовке есть насос велосипедный
И липкий скотч. Заклею, накачаю,
Пущу опять под облака свой мяч.
Когда он в вышине — подобен птице.

О червячках обманутых забуду.
До жалких тварей мне и дела нет.



3.

Будь я дождем... Среди октябрьской ночи,
Холодной, мглистой, вдруг начнется он;
То робко с крыш невнятицы бормочет,
То, всхлипнув, растревожит крепкий сон;
К утру шумит и плещет без стеснений,
И не заснуть уже в преддверьи дня!
Будь я дождем, полуночным, осенним,
Тогда бы Вы услышали меня.
Будь я листвою... Не той, нежней атласа,
Что безмятежно в кроне шелестит, —
Уставшей землю рыхлой, рыжей массой,
Недвижной, но, лишь ветер налетит,
Взвихрится листьев рой, закрутит сальто —
И ну — вперед, шурша, скребясь, гремя!
Будь я листвою, скользящей по асфальту,
Тогда бы Вы услышали меня.
Увы, не дождь, не ветер, не листва —
Неслышима...

4.

Ночь. В трубке холодной
Гудки — длинным пунктиром.
Минута, другая... Сброс.
Нет ответа.
Снова и снова — пунктиры,
Как будто каплет из крана
Или стучит метроном
В темпе анданте.
Ответь мне! Минуты стекают
По черному лаку окон.
Ночь длинных гудков?
Это жестоко!
Круг за кругом по комнате.
Сбиться бы с темпа анданте!
В трубке горячей — ночь.
Нет ответа.

Километры до тебя, и каждый —
Бесконечность.

Лариса БОГДАНОВА

* * *

...а очень просто — никаких
проблем.
Вот небо, вот вода журчит
и льется.
Свободен путь,
светло от перемен.
И чисто,
даже ангел не споткнется.

* * *

Там, где отчуждение — свобода,
Где гримаса — будущего лик,
В первом снеге обретет природа
Скрип шагов и ангельский язык.

Мы свободны говорить и слушать...
Без усилия придет извне:
Снег растает — будет грязь, и лужи
Высветят немой листок на дне.

* * *

Соприкосновение — inferno —
Неба с крышей,
Неба с языком.
Понемногу остывают нервы,
Немотою скатанные в ком.

Еще долго не зажжешь огонь,
Всматриваешься в чужие лица.
Ты один.
И эха половица
Под неосторожную ногой.

* * *

Ничего он не поправит,
Никуда он не уедет,
Или попросту отравит,
До вчера дождедометит.

И зачем идти иначе, —
Полквартила до аптеки?..
...И утратит, и обрящет
Ныне, присно и вовеки.

* * *

Может, в тех страницах Бог,
Может, в этих...
Полистай на посошок —
Будет ветер.

Не намек и не совет,
След по слогу.
А тебя уже и нет,
Слава Богу..

* * *

Две вины не те,
С временем вразлет.
Чайник на плите
Двадцать лет поет.
Не с моим «ау»
Наступить на лед,
Эхо на плаву
Столько не живет.

Efharisto

Нет,
не читать,
не знать,
не удивляться,
не вспоминать,
а разве что — любить,
до тихого причастия подняться:
лицо листать,
а книги не открыть.

* * *

Почти след в след,
Мы вместе сотни лет
В таком же обжигающем июле.
Предел воспринимается как Свет.
Ни жизнь, ни смерть
До нас не дотянули.

* * *

В памяти и вокруг,
Мимо — и шаг назад —
По очертанью губ,
По очертанью правд.

По перепутью вен
Вниз по твоим рукам,
Набело, до колен,
Вместо черновика.



Лариса Богданова родилась в Екатеринбурге. Окончила СГПИ. Живет в п. Новоасбест Свердловской области. Преполагает литературу в школе. Публиковалась в периодической печати, в альманахах «Поэтический марафон» (2004, 2005). Автор книг «Избранные стихотворения» (2003), «Перемолчать до эха» (2006).

* * *

Остаток лебяжьего свойства,
Обрывок внезапного смысла,
Осколок слепого геройства,
Изранивший пальцы и мысли, —

Всё капелькой крови. И то же,
Что было в начале успеха,
Не то, что болит иль тревожит,
А просто сливается с эхом.

* * *

Вздохнуть. Осядет пыль.
Запахнет первым снегом.
Переосмыслить быль.
Перемолчать до эха.

Чем завтра — тем слабей
Непрошлое. Сурово
Разбуженных скорбей
Нетянутое слово.

* * *

Оклик ветра,
Облик сада,
Взгляд
И отражение взгляда
На весу несёт душа.
Эта осень,
Эта правда
Просто суть,
А не награда.
И за это отдышаться
Нас допустят небеса.

* * *

Вот и сошло на нет.
Значит, почти возможно.
Небо меняет цвет.
Время меняет кожу.
Стало быть, не твоё
Всё, что болит наружу.
Только одно ничьё,
Да и оно не нужно.

* * *

Тельца беды в ободке,
Бури в стеклянном стакане,
Горстки воды налегке —
Жажде немного касанья.

Тонким ледком слюдяным
Сколы под влажной ладонью..
Жили и чем-то иным —
Не отдалить и не вспомнить.

* * *

Обрывок боли выпустить из рук
И оказаться с небесами вровень.
И протянуть себя сквозь синеву,
Как нитку с узелком засохшей крови,

Чтоб не меняя ничего в судьбе,
Затянутой под хрип давно и туго,
Вот это небо растворить в себе
И синевой впечататься друг в друга.

* * *

Сбудется вертикаль,
Ветер разгонит дым,
Легче по сквознякам
Выйти из парадигм.

Верность — любви отвес,
Но задышать ровней —
Жизни уже в обрез
За понимание.

* * *

Дальше на оба ручья,
На рукава,
Эта дорога ничья,
Как и трава.

Выведет возле воды.
Мятлик и мох.
Их далеко до беды
Выдохнул Бог.

* * *

Независимо от,
Вопреки одному,
Что и в ум не придёт,
И вдогонку уму
Слышит, скажется, где
Наболит, но не тронь.
Пробежит по воде
Слово, эхо, ладонь...



Иваны, помнящие родство

Так уж сложилось, что в большинстве российских, в нашем случае уральских, семей корни родства утрачены. Редко встретишь людей, которые знают досконально свою родословную. Однако виноваты в этом не люди, а бесконечные войны и революции, постоянно сотрясавшие Россию.

Попробовал и я выстроить свое генеалогическое древо. Получилось довольно чахлое деревцо, но большего и не ожидал, непростое было время. Оказалось, что дед мой по отцовской линии, которого я никогда не видел, был офицером флота его императорского величества. Служил штурманом на броненосце «Пересвет» в составе эскадры Тихоокеанского флота, которой командовал адмирал Рождественский. Как известно, эскадра погибла почти полностью, спаслись по чистой случайности лишь отдельные корабли, в числе которых был и «Пересвет». Цусимское сражение показало всему миру, какой может быть отвага русских моряков.

Дед родился в Вятской губернии в семье управляющего крупной лесопилкой, принадлежавшей отставному генералу, получил военно-морское образование в Питере, знал французский язык, играл на рояле. Женился на дочери лесопромышленника, которая родила ему двух дочерей и двоих сыновей, младшим — Алеша — был мой отец. После всех перипетий, последовавших за цусимской трагедией, дед по неизвестной причине оставил флот и оказался в уральской глуши, в маленькой деревушке с диковинным названием Андрюшка. Стояла она на берегу реки Сосьвы.

Кортик офицера императорского флота

Отец мой, Алексей Михайлович, родился в семнадцатом году, за шесть месяцев до Октябрьской революции. А через пять лет умерли родители от тифа. Старшая сестра уехала на заработки в Верхотурье, средняя вышла замуж и тоже уехала, как и старший брат пятилетнего Алеши. Мальчонка остался один в большой нетопленной избе. Правда, старшая сестра Анна, устроившись в Верхотурье прислугой у какого-то советского начальника, навещала маленького брата, привозила куски пирогов с барского стола, просила соседей присматривать за мальцом, оставляя им небольшие деньги. Но чем могли помочь соседи, недоедавшие сами, разве иногда сухариков и принесут да воды ведро, а печь Алеша научился топить сам.

Скучно было долгими зимними вечерами и страшновато, когда слышалось завывание ветра в печной трубе. Алеша заводил пружину граммофона, ставил единственную пластинку и слушал чудесную музыку. Читать он уже умел — отец с двух лет учил его грамоте.

На кругляше пластинки было написано: «На голубом Дунае. Музыка И. Штрауса». Не мог знать тогда пятилетний Алеша, что ему придется побывать на родине великого композитора, и не только побывать, а самолично сыграть почти все вальсы Штрауса на трубе.

А еще у Алеши — отцовский офицерский кортик. На холодной стали клинка была выгравирована надпись: «Жизнь царю, совесть Богу, честь себе». Кортик мальчик никому не показывал и хранил его долго, пока не украли, как и граммофон вместе с единственной пластинкой. Больше у отца ничего и не было, офицерскую форму с орденами и медалями он продал еще при жизни за хлеб рыбопромышленнику, приезжавшему в деревню за рыбой из Ирбита.

Когда мальчику исполнилось семь лет, его забрала в город старшая сестра Анна. Неграмотная, она знала наизусть весь текст Библии, безошибочно находила нужное место на странице и читала, держа Библию «вверх ногами». Брата пристроила на обучение к сапожнику, тот, в свою очередь, определил мальчика чистить обувь на улице. Кто гривенник кинет за наведенный блеск на сапогах, а кто и сапогом...

Закончил в школе семь групп (так называли тогда классы), поступил в школу автотракторных механиков (Промобуч) и в шестнадцать лет уже руководил довольно крупным гаражом в леспромхозе.

Пришла пора идти на действительную военную службу, взяли на Тихоокеанский флот в город Владивосток, где когда-то служил и отец. Попал в дивизион морских охотников на катера. Маленькие суденышки были деревянные, вооруженные легкой пушкой и двумя пулеметами. Алексей к тому времени получил звание старшины второй статьи и считался одним из лучших рулевых дивизиона. На службе он впервые в жизни надел хорошую, добротную одежду и хромовые ботинки. Форму берет и по большей части ходил в рабочей парусиновой робе. Грянула война, и дивизион в полном составе, укрупнив матросами из других подразделений, отправили на Запад, сформировав из тихоокеанцев батальон морской пехоты.

На голубом Дунае

На фронте матросов переодели в солдатскую форму, но бескозырки они оставили и носили всегда с собой в вещмешках, надевая, когда шли в атаку. Самым трудным испытанием стал Сталинград, где poleg почти весь батальон. Когда бои шли на тракторном заводе, то немцы находились почти рядом, слышен был даже разговор, однако страха не было, только ненависть, особенно не любили моряки бандеровцев и власов-



Музыкальная команда. Алексей — первый слева в первом ряду

цев и, как правило, в плен не брали. Выбитый батальон доукомплектовали балтийскими моряками, и он опять стал боеспособной единицей.

В Сталинграде отец вступил в партию, и платил партийные взносы всю жизнь. Откладывал деньги на взносы даже тогда, когда партия перестала существовать. Видел: что-то не то происходит в стране, а в партию верил до самой кончины.

Однажды, когда Красная Армия уже шла по Европе, командир построил батальон и приказал выйти вперед тем, кто играет на духовых инструментах. Друг Костя, до войны игравший в московском цирке на трубе, толкнул локтем — выходил, мол. — Да не умею я. — Выходи, научу. И научил ведь, за ночь научил, поскольку слух музыкальный у бывшего рулевого имелся. Так и зачислили Алексея в музыкальную команду — играть марши при взятии городов. Послабления у музыкантов, конечно, были, однако в бой ходили, как все — кроме автомата, приходилось носить с собой еще и инструмент.

Будапешт, Брно, Прага... И наконец взяли Вену — столицу Австрии, родину Иоганна Штрауса. В воздухе пахло порохом, весной и победой, счастливые венцы танцевали на площади под звуки советского военного оркестра, музыканты в выцветших гимнастерках играли «На голубом Дунае» и «Сказки венского леса». Вдруг из маленького оконца под крышей ратуши прогремела очередь тяжелого немецкого «МГ», и друг его, Костя, не дотянул последний аккорд, пуля пробила медь трубы и угодила прямо в сердце. Похоронили морского пехотинца в городском парке, а пробитую трубу отец взял с собой, поклявшись отдать ее сыну друга после войны.

Клятву он смог выполнить только двадцать лет спустя. Приехав в Москву, он сразу же отправился в цирк, интуитивно веря, что сын его друга занял место отца в цирковом оркестре. Так и оказалось. Он словно увидел молодого Костю, будто и не убили его на венской площади, вдали от дома. Передал трубу, выпили вместе по чарке горькой.

На фронте думалось, что после Победы настанет лучшая жизнь, но она не наставала, и отец недоумевал, почему он трудится не покладая рук, а живет плохо. Не хватает денег на платье жене, на хорошие игрушки детям. Когда в трудное время всеобщей инфляции из Германии пришла гуманитарная помощь в виде продуктовых посылок, он не пошел ее получать, стыдно и обидно было. В магазине взял четвертинку водки и выпил в одиночестве.

Был еще один характерный случай в его жизни. Приехал как-то в их город Борис Ельцин, бывший тогда первым секретарем областного комитета партии. Застучал двигатель у его машины, и водитель обратился к Алексею, который был лучшим специалистом по ремонту двигателей. Сделал, конечно. За работу водитель принес ему от своего именитого хозяина бутылку водки «с винтом» — редкость в то время. Отец поставил эту бутылку в шкаф и не притрагивался к ней. А когда Ельцин стал президентом, когда опустели полки в магазинах и пенсии стали выдавать с задержкой в три месяца, то он вылил эту водку в раковину.

Умирал отец тяжело. На памятнике он в морской форме, красивый и юный. Так и должно быть.

Проще простого

Был обычный городской летний вечер, когда за окном звенят комары и трамваи, ветер несет с улицы запах цветов и выхлопных газов, а луну не видно потому, что горят фонари.

— Ты обещал мне рассказать все, от начала до конца, — напомнила ему жена.

— Было дело, — отозвался он. — Только давай от начала до конца я не буду — слишком долго получится. А ты меня знаешь, мне только дай волю.

— Точно, — рассмеялась жена. — Потом не остановишь. Ладно, пусть будет так, как тебе удобнее.

Она забралась с ногами в кресло, подперла острый подбородочек изящной ладошкой, оперев локоток в подлокотник.

— Давай-давай, — подмигнула она, — я жду.

— Ну что ж... Наверное, все началось с того, что магистр Виллем Кантертайн позвонил в дверь.

Виллем нажал на кнопку звонка. Звонки отозвался противным переливчатым пиликаньем.

С той стороны двери послышались шаги, приглашенный голос спросил:

— Кто там?

— Это я, мастер, — негромко ответил Виллем. — Откройте, пожалуйста.

— Кто — я?

— Вы меня не узнали, мастер? Я Виллем Кантертайн, магистр Четвертого Круга.

Эти слова так странно прозвучали на лестничной площадке, где под ногами — раскрошившаяся плитка, на стенах — грубые слова, а тусклая запыленная лампочка уже не разгоняет ночной тьмы. Все привычное осталось за спиной, когда магистр миновал Врата.

Пышные титулы не имели силы в этом мире, мире, который не был с ними знаком. Силу здесь имела только сила.

Виллем Кантертайн мог надеяться на то, что сила у него есть. Но точно так же он знал, что ее недостаточно. Всей его мощи не хватит, если Ночная Стража достигнет мага, самовольно покинувшего стены Орли-

ного Гнезда. Однако магистр Кантертайн видел Меч и слышал Песню. А потому дороги назад уже не было.

Распахнулась дверь. Невысокий лысый человек в вылинявших спортивных штанах, продранных на коленях, и в обвислой майке схватил Виллема за рукав и втащил в квартиру.

«Боги!, — подумал потрясенный Виллем, — что же стало с вами, мастер?»

Но, несмотря на ужасающий внешний вид, магистр чувствовал струившуюся вокруг мастера Дарика мощь. Тот, кто способен был видеть, мог разглядеть грозное облако, клубившееся вокруг сухонькой фигурки.

— Заходите, заходите, — торопливо проговорил мастер Дарик. — Нет, что вы, только не через порог... В этом мире, видите ли, так не принято. Суеверие, конечно, но кто знает... И, Виллем, дорогой мой, ради бога, тише, жену не разбудите — ей завтра на работу ни свет ни заря.

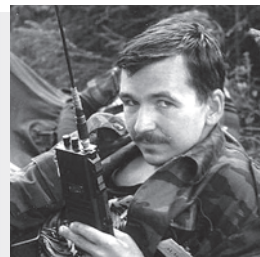
Виллем разулся в небольшой тесной прихожей, осторожно, стараясь не шуметь, прошел в узкую дверь и очутился на крохотной кухоньке, где уже суетился хозяин, заваривая чай в маленьком пузатом чайничке, разрисованном синим цветочками.

Да, это отнюдь не похоже на его покои в Орлином Гнезде, вознесшейся под небеса горной твердыне магов. Там были анфилады комнат, кабинеты, гостиные, залы для медитации, высокие арки с шелковыми занавесями служили проходами, на каждой занавеси трепетали серебряные колокольчики, нежно звеневшие, когда их перебирал ветерок...

А теперь мастер довольствуется клетушкой, в какой постыдился бы жить беднейший крестьянин. Еще и жену нашел в этом мире.

Может, таково его счастье? Что делать, если он не захочет вернуться? Ведь он им так нужен! Но, с другой стороны, здесь он свободен, а там? Что — там? Там шаткое равновесие между магами Орлиного Гнезда и Тираном держится лишь на том, что обитатели горной твердыни выторговали у него свободу в преде-

Алексей Владимирович Гридин родился в 1975 году в Новосибирске. Учился в НГУ, окончил его по специальности «историк», получал второе высшее образование по специальности «философия». Работал в Сибирском университете потребительской кооперации на кафедре философии и культурологии в должности старшего преподавателя. Писать фантастику начал в раннем детстве. С 2005 года стал заниматься творчеством серьезнее. Основным стимулом было участие в различных интернет-конкурсах (первым крещением стала «Рваная грелка-9»).



лах своей собственной крепости. Выйди за ворота, и, рано или поздно, тебя настигнет Ночная Стража

— Садитесь, магистр, — мастер Дарик указал гостю на трехногий табурет, даже с виду жесткий и шаткий, — чаю попьем.

— Боже мой, — улыбнулась жена. — Так ты его чаем поил? Ты же его заваривать не умеешь!

— Ладно тебе. У вас в мире большинство уверено, что чай — это подкрашенная теплая вода, в которую кладут сахар. Поверь мне, у меня выходит, по крайней мере, не хуже. Тем более, что в ту ночь Виллему было все равно, что пить. Он не за этим пришел.

Ночь черным бархатным покрывалом укутала ночное небо, звезды рассыпались по нему серебряными колючками, и полная луна тоже нашла себе место. В ту ночь стрелки висевших на стене часов показывали три часа.

И это было правдой.

— Они все уже приготовили — и Бард, и Кузнец. Мастер, у нас есть Песня и Меч. Что еще нужно для восстания?

— Вождь, — не поднимая головы, проговорил мастер Дарик.

— Именно. Именно! Любой может Желать, но не каждому дано сделать так, чтобы все Желали одного. А пока мы все разобщены...

Магистр Кантертайн замолчал.

— И зачем вы пришли ко мне, магистр? — спросил мастер Дарик, глядя куда-то в сторону. Он упорно не хотел встречаться глазами с взглядом гостя.

— Но... — как-то растерялся Виллем. — Мастер, вы могли бы... Вы — тот человек, которого слушают все. Который скажет, чего мы должны Желать. Как этого добиться.

— Виллем, дорогой мой, — Хозяин заговорил с гостем так, словно старый умудренный опытом отец поучал недотепу-сына, — а в вашу магистерскую голову никогда не приходила мысль о том, что если бы я мог так поступить, то давно уже возглавил ваше восстание? Да нет, почему же ваше? Я бы свое поднял. Мчался бы впереди на белом коне, за мной — рыцари в сияющих доспехах, Ночная Стража в ужасе расползается по норам, Тиран, не в силах противостоять моему Истинному Желанию, выпивает яд... Красивая картинка, да?

— Но тогда почему...?

Мастер Дарик вздохнул.

— Видите ли, разлюбезный мой магистр Четвертого Круга, многие считали, что мастер Дарик отправлен в этот унылый серый мир в ссылку. Что Ночная Стража вышвырнула меня сюда и зорко бдит — не соберусь ли я обратно. Другим мнилось, будто я попросту испугался узурпатора и бежал сам. А по правде говоря...

— Так что же на самом деле?

Станный выходил разговор. То оба собеседника понимали друг друга с полуслова, то перебивали, не

дослушав, то переспрашивали, боясь, что не уловили самую суть. Виллем поставил локти на стол, возложил подбородок на сцепленные ладони, подался вперед, жадно ловя каждое слово мастера Дарика.

— Точно хотите знать правду? Не испугаетесь? Да что это я, впрочем... Коли Четвертый Круг, то не испугаетесь. Дело в том, что Вождь не объединяет все Желания в одно, как многие думают. Он просто настолько сильно хочет, что его Желание подавляет все остальные. Потому что прочим людям кажется, что его Желание — такое же, как у них. Ну, самую чуточку отличается. И вот эта чуточка на самом-то деле — решающая. Да, его мечта похожа на те, что у других, и потому включает их в себя. Потом-то люди спохватятся, но будет поздно. А Вождь, тем временем, превратится в Тирана.

— И все так просто?!

— Разумеется, — кивнул мастер Дарик. — Вы что, никогда легенды не слышали про дракона и того, кто его побеждает, а потом сам драконом становится? Виллем, Виллем... А еще Четвертый Круг.

— И поэтому...

— Конечно. Ну, возглавлю я восстание. Ну, победим мы. Ну, воссяду я на трон. Так оглянуться не успеете — а у вас уже новый Тиран. Ничего не меняется, Виллем, честное слово.

В белых с золотым узором по ободку чашках тоскливо остывал забытый чай. Стрелки флегматично отмеряли время. За окном изредка взрыкивали одинокие автомобили.

— И никак нельзя...

— Почему? Можно, конечно. Например, чтобы все Желали, чтобы Вождь пришел, победил — и ушел. Не попросив награды, не превращаясь в живого кумира, без всяких там статуй на площадях и восторженных процессий. Чтобы собрался и ушел на рассвете, захватив с собой лишь пыльный дорожный плащ да меч в потертых ножнах. Но, боюсь, в вашей Песне все сказано вовсе не так. И к Мечу ножны, разумеется, не простые, а в золоте да в камешках. Так ведь?

Виллем нехотя кивнул.

— Но, мастер, неужели нельзя что-нибудь придумать? — спросил он. — Вы уж придите, помогите нам — а там видно будет.

— Правильно, Виллем. Хороший подход. Сначала ввяжемся в бой, а там — будь что будет. Я к вам приду, свергну Тирана, а потом вы начнете свергать меня. Кого же, интересно, вы призовете для этого?

Магистр ничего не ответил. В ночной тишине он слышал, как бьется сердце. Оно отстукивало ритм, в котором Виллем слышал — тщетно, тщетно, тщетно. Все тщетно. Неужели мастер не согласится? Он — последняя надежда, без Дарика все обречено.

— Дайте мне время подумать, — неожиданно сказал мастер. — Если я соглашусь, то приду через семь дней. Но если вы не дождетесь меня до восхода — забудьте дорогу сюда. Да, есть еще некоторые мелочи, но о них я говорить не буду — не к чему забивать вам голову.



Вернувшись в Орлиное Гнездо, магистр Виллем развил бурную деятельность, стараясь использовать отведенное ему мастером Дариком время с максимальной пользой. О том, что случится, если будущий Вождь все же не придет, Кантертайн старался не думать.

— Скажи, — спросила жена, — ты на самом деле размышлял целую неделю?

— Нет, конечно. На самом деле, решение-то я принял почти сразу. Но надо было дать время Виллему.

Мастер Дарик пришел в Орлиное Гнездо тихо, спокойно и буднично. Проскользнув мимо летучих мышей, верных соглядатаев Ночной Стражи, он подошел к воротам, негромко постучал дверным молотком и сказал выглянувшему стражнику:

— Дорогой мой, будьте добры: передайте уважаемым магистрам, что к ним пришел мастер Дарик.

Долго стоять под дверьми ему не пришлось.

Все уже было готово, ждали лишь, явится он или нет. Теперь же, когда восстание обрело Вождя, почтовые стрижи разнесли эту весть, и по тайным горным тропкам, по неприметным лесным стежкам потянулись к Орлиному Гнезду повстанцы, то поодиночке, а то группами, во главе с суровыми молчаливыми вожаками.

Мастер, вернувшись в свои покои, переделался из потертого джинсового костюма в привычные тунику и мантию, сменил кроссовки на поскрипывающие кожаные сапоги. Вскоре ему принесли Меч, и мастер надел перевязь с ножнами.

— А где Кузнец? — спросил Дарик.

— Занят, — ответили ему. — Понимаете, мастер, восстание. Нужно ковать много оружия.

— Ну-ну, — понимающе хмыкнул Вождь.

Вечером третьего дня, если считать от возвращения Дарика домой, армия мятежников окружила Черный Замок.

После военного совета мастер Дарик долго бродил по лагерю. У костров его радостно приветствовали, теснились, освобождая место, предлагая перекусить вместе с ними, чем бог послал, угощали вином. Дарик пробовал ложку-другую варева, вежливо отхлебывая из простецких оловянных кубков, улыбался шуткам и шутил сам. То тут, то там барды пели Песню, и при ее звуках мгновенно суровели вчерашние крестьяне, принимались озабоченно проверять амуницию и остроту клинков. Тот, кто сложил Песню, постарался на славу. Сам Дарик, всегда слышавший скептиком и вольнодумцем, любившим подчеркивать свою независимость, даже если на нее никто не покушается, принимался отстукивать ритм кончиками пальцев по пряжке ремня. Только порой предводителю восставших казалось, что при его приближении барды замолкают, не всегда допевая до конца. Ну что ж, это их бардовское дело. Не хотят петь — пускай их, мастеру достаточно тихого треньканья струн, ласкаемых умелыми гибкими пальцами.

Виллем подошел сзади, осторожно тронул мастера за плечо. Дарик обернулся.

— Да, Виллем?

— Мастер, — негромко сказал магистр, — шли бы спать. Завтра — бой. Не стоит ли отдохнуть?

— Да я еще не устал, — улыбнулся мастер.

Но спорить не стал и отправился в свой шатер, где лег в постель и быстро заснул. Ему снилась жена.

— Что, правда? Врешь ведь! Льстишь! Приукрашиваешь!

— Докажи!

— Как?

— Не знаю. А я про эту вспомню... как ее... презумпцию невиновности. Фу, какое слово придумали — презумпция. Язык сломаешь, пока выговоришь.

— Ладно-ладно, подсудимый, когда-нибудь вы еще признаетесь в совершении ужаснейшего на свете преступления: обмане жены. А пока — прошу вас, говорите дальше.

Утро радовало синим небом, желтым солнцем, ласковым ветром, вкусным завтраком. «Не так должно выглядеть война, — подумал Дарик, жуя теплую свежую булочку. — Слишком жизнерадостно. Тем мрачнее будет контраст, когда прольется первая кровь. Лучше уж — чтобы небо заволокло тучами, да еще дождь, и ледяной ветер до кучи, и много-много воронов за компанию. А лучше всего — белый флаг над главной башней Черного Замка».

И тут запели трубы, распахнулись ворота Черного Замка, и белый флаг взмыл в небо над выехавшей процессией. Трое рыцарей на огромных черных жеребцах, закованные в глухие вороненые доспехи, в

клювастых шлемах с опущенными забралами двинулись к осаждающим. Дарик ожидал этого.

Прибежал Виллем, успевший надеть поверх измятого черно-зеленого камзола серебристую кольчугу и опоясаться мечом.

— Мастер, — еще издали крикнул он, — мастер, Тиран предлагает перемирие.

— Зачем? — равнодушно спросил мастер.

— Он хочет вести переговоры о сдаче. Но передает, что будет говорить только с вами.

— Переговоров не будет, — сказал Дарик. — Виллем, дорогой мой, это исключено.

— Но почему? — растерялся Кантертайн. — Если он сдастся... Мы можем сохранить жизнь нашим людям.

— Магистр, — твердо повторил Дарик. — Переговоров не будет. Мы будем штурмовать замок. Вы просили меня прийти и стать Вождем, и я считал, что это значит — вы будете слушать то, что я вам говорю. Если я понял владык Орлиного Гнезда неправильно, то готов вернуть Меч и вернуться домой. С песней, правда, сложнее, из нее, как говорится, слова не выкинешь... Но, думаю, милый мой магистр, вы что-нибудь придумаете.

— Что вы, что вы, — смутился Виллем, — я не это имел в виду. Не будет переговоров — значит, не будет. Сейчас, передам ваш ответ парламентарам.

Он убежал обратно, сутулясь, меч путался у него в ногах. «Зачем он вообще взял оружие, — подумал Дарик. — Когда мудрец пытается выглядеть как воин, это порой очень смешно. Хотя... Интересно, а как со стороны выгляжу я?»

Войско строилось для битвы. Двигались полки, специально отобранные воины несли лестницы, другие выкатывали катапульты, бросавшие в Черный Замок тяжелые камни или горшки с горючей смесью, прочерчивавшие небо черными дымными полосами. Тучи стрел взметнулись ввысь, осыпали несокрушимые мрачные стены. Оттуда ответили — тоже стрелами, камнями, горшками с горючей смесью.

Осаждавшие подкатили к воротам таран, осажденные окатили его кипящим маслом. Кто-то истосно кричал, катаясь по земле, а кто-то падал, не успев издать ни звука.

Так начался штурм.

— Страшно было? — спросила жена.

— Не очень. Было как-то тяжело на душе. Я-то знал, что для меня все кончится хорошо. Ну а те, кто шел за нами... Да что там «за нами» — за мной, конечно... Многим из них пришлось умереть.

— Ты так был уверен в себе?

— Ну, ты же знаешь — я не в себе был уверен, а совсем в другом человеке.

— Пока все в порядке, — сказал Виллем. — Только потери... Больше, чем мы ожидали.

— Кровь — это неизменная монета, которой платят за свободу, — отозвался Дарик. — Наверное, нам пора.

Маги Орлиного Гнезда вступили в бой. Сторонний наблюдатель ничего бы не понял, подумал бы просто, что — вот, стоят пожилые люди, некоторые стары настолько, что опираются на высокие резные посохи, и смотрят на разворачивающееся сражение. Но именно в этот момент Желания восставших волшебников столкнулись с Желаниями тех, кто оборонял Замок. Некоторое время Ночной Страже удавалось держаться. А потом в дело вступил мастер Дарик, и сопротивление осажденных стало слабеть. Очередной удар тарана, подкрепленный Желанием Вождя повстанцев, расколол, наконец, ворота. Несколько минут спустя рухнула одна из привратных башен, хороня под обломками воинов обеих армий. Когда осела туча пыли, в стене открылся неровный пролом.

— Это часть дела сделана, — спокойно сказал Дарик. — Идем внутрь?

Гремела Песня, а в руке Вождя сиял Меч, и повстанцы умирали с именем мастера Дарика на устах. Мятельники ворвались во двор Ночного Замка, рассыпались по протянувшимся вдоль стен галереям, насмерть рубились в узких коридорах, выкуривали защитников из башен. Куда бы ни посмотрел мастер — землю покрывали трупы. Одни — в простых коричневых крестьянских кафтанах, другие — в черных доспехах.

В воздухе свистнула стрела, метя в неприкрытое кольчугой горло Дарика. Видно, кто-то из уцелевших черных лучников решил попытаться переломить исход битвы, убив предводителя восстания. Он не знал, что сила, которая вела мастера, стояла выше любой случайности. Вождь уловил движение стрелы едва ли не раньше, чем она сорвалась с тетивы, Пожелал — и оперенная смерть ушла в сторону, бессильно клюнула наконечником камень, а лучник схватился за горло и упал замертво.

Вперед, вперед, уже бегом — по коридорам Замка, туда, где на резном каменном троне сидит Тиран, захвативший власть силой, загнавший в рабство собственный народ, задушивший его налогами, додумавшийся продавать должников людоедским племенам, заживо сжегший депутацию жрецов, пришедших молить его о снисхождении... Справа из двери выскакивает рыцарь, бьет наотмашь мечом — клинок ломается у рукояти, человек хватается за сердце и сползает по стене, сдирая спиной древний гобелен, путаясь в нем... Сегодня никто не может противостоять Дарик.

— Значит, ты тоже убивал, — глухо проговорила жена.

— Давай не будем об этом, — так же глухо ответил он. — А то мы так договоримся до того, что убивал не только я. Но и кое-кто еще.

— Хорошо, — послушно соглашается она. — Больше не буду.

А вот и личные покои Тирана.

Дверь была открыта, но вход преграждали четверо в глухих черных балахонах с капюшонами, надвинутыми на глаза — элита Ночной Стражи, маги-рenegаты, отступники, покинувшие Орлиное Гнездо ради службы Тирану. Было время, Дарик ел с ними за одним столом, вел высокоученые беседы, радовался их успехам и огорчался неудачам. Да, когда-то он даже знал их имена, а теперь они — всего лишь безликий враг.

— Сдавайся, мастер, — глухо проговорил тот, что справа. — Сдавайся, и тебе сохранят жизнь. Стоит Лорду Тирану вступить в бой, и ваш глупый мятеж...

Дарик не стал слушать дальше, он повел рукой, слева направо. Это не было каким-то особенным магическим жестом, исполненным некой мощи. Просто мастеру так было удобнее.

А Ночная Стража исчезла, словно ее и не было. Никаких огненных шаров, бьющих по глазам вспышек, оседающих на землю обугленных балахонов — только вот стояли перед дверью люди, а теперь не стоят.

Мастер ворвался в тронный зал.

Как он и ожидал, Тиран сидел на каменном троне, невысокий, лысый, одетый в такие же вороненые доспехи, как и его воины. Вождь мятежников никогда не видел трона своими глазами, и теперь, когда вытесанное из цельного камня седалище предстало его взору, он даже подумал: «Боже! Он ведь, наверное, жесткий и холодный. Зачем так-то?»

— погоди, — быстро проговорил Тиран, — я Желаяю...

На бегу Дарик метнул в него Меч — и Пожелал.

Клинок, усиленный волей мага, пробил доспехи и вошел в сердце, толчком выметнулась багровая кровь, убитый повалился на пол.

Есть победы, которые не радуют сердце.

«Извини, брат, — подумал мастер, останавливаясь. — Будь проклят этот мир, где жажда власти разводит братьев по разные стороны баррикады. Я-то знал правильный ответ, ведь все так просто — а ты мне не верил, ты искал что-то сложное и запутанное, узел, который тебе хотелось разрубить. И вот запутался сам, предоставив мне разбираться с этим узлом. Ты-то лучше всех знал: ушел я лишь потому, что боялся — ты Пожелаешь, а я не смогу не выполнить. И стану таким же, как ты».

Твое правление, брат, было подобно тому самому каменному трону. Жесткое и холодное. Бездушное. Ни единого мига любви. Гнетущая тяжесть. Затхлое удушье. Врут все, что власть портит человека. Это наивное оправдание — мол, не я это, это все она, мерзкая, стылая, безликая надчеловеческая мощь, она раздавила меня... Но нет, все не так: там, где нет людей — нет власти, и поэтому власть никогда не даст человеку ничего, кроме того, что уже есть в нем. Ей остается лишь усилить это. Лишь так она искушает.

На подгибающихся ногах, ежесекундно спотыкаясь, точно слепой, мастер двинулся к трону. Он хотел забрать Меч.

— Стойте, мастер, — раздался сзади срывающийся голос Виллема.

Дарик остановился. Спросил, не поворачиваясь:

— Виллем, дорогой мой, но хоть Меч-то мне взять можно.

— Меч — можно, — голос магистра Кантертайна был напряжен до предела, как натянутая струна, которую тронь только — и она лопнет, больно хлестнув оборвавшимся концом по пальцам. — Но не подходите к трону, мастер, прошу вас.

— Да я и не собирался, — лишь в этот миг мастер понял, как он устал. Все-таки он уже стар.

Дарик вытащил Меч из тела брата, вытер его, с лязгом вдвинул в ножны — и только тогда обернулся. Магистр Виллем стоял в паре шагов, неумело сжимая в руках обнаженный клинок, и даже отнюдь не наметанный взгляд Вождя подсказывал: оружие выковано наспех, но настоящим мастером своего дела.

— Значит, у вас тоже есть Меч.

Виллем кивнул.

— И Песню новую успели сочинить?

— Сочинить — не успели. Проще было дописать старую. Всего пара куплетов...

— Хотел бы я услышать... А, впрочем, не нужно. Да не собираюсь я на трон садиться, дорогой мой магистр, успокойтесь. Хотите поговорить? Пойдемте к окну, воздух здесь какой-то... окровавленный.

— Смертью пахнет, — сказал магистр, возвращая свой клинок в ножны. — Боюсь, этот запах меня теперь будет долго преследовать. Первый раз видел войну. Какая гадость...

— И что, — спросила жена, — неужели он действительно готов был драться с тобой?

— Вообще-то, они правильно дописали свою Песню. Просто добавили слова о том, что вслед за Вождем пришел еще один Герой, который уговорил Вождя пойти куда-нибудь, — Мастер усмехнулся, — подальше. Например, домой. На грядках копать, как Цинциннат.

— Как кто?

— Про него я тебе потом расскажу. Ну, или в Интернете посмотри.

Замок был в руках восставших, последние защитники либо бросали оружие, либо забивались в норы. Победители срывали флаги Тирана и вывешивали вместо них свои. В узкое стрельчатое окно виднелась горящая башня, завесившая всю северную сторону замка черным дымным полотнищем. Снизу доносились наспех сложенная песня, красочно расписывавшая штурм. Про Дарика тоже не забыли, приписав ему пару каких-то совсем уж несусветных подвигов.

— Да я и так уйду, Виллем. Честное слово. Только не торопите меня, пожалуйста.

— Как? — недоверчиво спросил магистр. — Вы же говорили...

— У меня есть жена, и она, видите ли, меня любит. Вы, Виллем, любезный мой, тогда ушли рано, не дождалась, пока она проснется — вот и не познакомились.

Мастер Дарик надолго замолчал, глядя в окно.

Молчал и Виллем, рассматривая, как тушат пожар в башне.

— Вы все, там, у себя, в Орлином Гнезде, так и не поняли до сих пор одного, — наконец, заговорил Дарик. — В мире существует закон. Назовем его, к примеру, закон сохранения желаний. Вы знаете, что маг — это тот, кто умеет Желать по-настоящему. По-настоящему — это чтобы получалось. Помечтал — и вот она, твоя мечта, у тебя в руках, реальная, осязаемая, хочешь — ешь, хочешь — пей, хочешь — голову откручивай... Ну, это уже кто что пожелает. Только вам неведомо, что Пожелавший в уплату за это должен выполнить Желание другого человека. Впрочем, теперь этого, кроме меня, наверное, никто не знает — а то все было бы еще сложнее, чем сейчас. Вы, великие маги из Орлиного Гнезда, просто не представляете, сколько вы задолжали. Есть только одно ограничение: такое Желание должно быть высказано магу в лицо.

— Это... очень интересно, мастер, — напряженно проговорил магистр Кантертайн, — особенно если это — правда, но какое отношение...

— Не торопитесь, милый Виллем. Доказать свою правоту я могу в любой момент. Давайте позовем сюда любого из наших храбрых воинов и попросим его вслух, вам в лицо что-нибудь пожелать. Я вам гарантирую — вы не захотите, а сделаете то, о чем вас попросят.

— Не может быть!

Магистр выглядел потрясенным.

— Он не маг! Только маги могут Желать!

— Спорим? — хитро улыбнулся Дарик. — Проверим, насколько вы азартны, мой милый магистр?

— Не стоит, — нехотя махнул рукой Виллем. — Попробую поверить вам на слово. Все-таки, вы так убежденно говорите...

— Ну, так вот, продолжу, с вашего разрешения. Недолго уже осталось, так что уважьте старика, потерпите. Как уже говорилось, я тоже задолжал людям немало желаний. Когда моя жена услышала эту историю — я ведь ей раньше ничего не говорил, она считала меня просто пожилым журналистом средней руки, а не Великим Магом, мастером, которому скоро — четыреста лет...

— Постой, — запротестовала она, — про четыреста лет ты мне не говорил. Недавно вроде было двести пятьдесят.

— Серьезно? Ну, ошибся, извини. Когда столько лет проживешь, то можно и забыть, сколько тебе на самом деле.

— Журналист? — переспросил Виллем.

— У нас нет такого занятия. Пока нет, по крайней мере. Так вот, она поверила мне сразу же, без единой оговорки. И когда я сказал, что должен уйти — пожелала, чтобы я вернулся. Так что я теперь не могу не вернуться.

Дарик снова улыбнулся своей хитрой улыбкой и торжествующе посмотрел на Виллема.

— И что, все так просто?

— Конечно, дорогой мой магистр Четвертого Круга. Мир вообще устроен просто, это мы, люди, за чем-то делаем его сложным. Понимаете, ее Желание привело меня к победе, ведь чтобы вернуться, я должен был выиграть. Вот я и выиграл, и мне осталось только избавить вас от своего присутствия.

— Когда? — недоверчиво спросил Кантертайн.

— Да хоть сейчас, — устало проговорил мастер. — Дорогой мой Виллем, ну что мне сделать, чтобы вы поверили? Взять и уйти? Признаться, я бы хотел еще немного поговорить. Впрочем, вот, держите.

Дарик неторопливо вытащил из ножен Меч, перехватил его за клинок и протянул магистру Кантертайну. Тот сначала отстранился, затем удивленно взглянул на оружие — и взял его.

— Извините, мастер, — виновато сказал он, — все-таки вы и Тиран... Вы же братьями были.

— Обязательно надо об этом напоминать? — сухо спросил мастер. — Да, так вот вышло. И, между прочим, тот закон, о котором я вам поведал — мы ведь его вдвоем открыли. Теперь понимаете, почему не могло быть никаких переговоров? Он ведь тоже знал, что всего-то и нужно — Пожелать в лицо. А мне страсть как не хотелось выяснять, кто успеет Пожелать быстрее. Как два ковбоя — кто раньше колыт вынет.

— Кто такие ковбои?

— Это из другого мира, магистр. Вернее, из его истории. Ну что, теперь верите мне?

— По крайней мере, — Виллем смотрел Дарику в глаза, — стараюсь.

— И то не плохо.

— А скажите, пожалуйста, мастер...

— Что?

— Если одного человека попросят выполнить два Желания? Такие, что противоречат друг другу. Скажем, жена попросила вас вернуться, а Тиран — например, чтобы вы служили ему.

— Тут тоже все просто. Этот человек умрет. Как — не знаю, но искать ответ на этот вопрос мне почему-то не хочется. Лучше вы меня вот в чем просветите: куда, милый мой Виллем, согласно новой Песне, должны деться вы?

Наконец-то мастер с облегчением увидел, как его собеседник расслабляется, перестает изо всех сил стараться выглядеть суровым. Превращается в обычного человека, в простого такого магистра Четвертого Круга. Нет, не походил Кантертайн на Героя, как бы ни пытался. Ну что ж, не всем быть героями.

— Как куда? Вы же сами подсказали: однажды рано утром я уйду, взяв только пыльный дорожный плащ и меч в потертых ножнах.

— Вы не совсем поняли меня, любезный мой Виллем. Куда вы уйдете — то есть, где вы станете жить после того, как покинете этот мир?

— Вот об этом мы не подумали, — признался Кантертайн. — Сами же знаете: все нужно было сделать всего за неделю.

— Так я подскажу вам еще раз. Садитесь пока что на трон, милый магистр, и правьте. Судите, разрешайте, запрещайте. Вы же прекрасно знаете — от того, что мы с вами победили Тирана, по сути, изменилось-то немного. Не наступит сразу всеобщей любви, не возлягут лев с ягненком рядом, трусость останется трусость, подлость — подлостью, и те, кто перебрал с вечера лишку, утром все так же станут просыпаться с головной болью. Но когда вы поймете — все, пришло время... Тогда знайте: есть дом, где всегда рады видеть вас. Ну а теперь, дорогой мой Кантертайн — прощайте. И помните, что я сказал вам.

Мастер оттолкнулся ладонью от подоконника... или оттолкнул от себя подоконник, а с ним и весь этот мир, где ему опять не было места. Сначала родной брат изгнал его, теперь отвергали те, кому он помог. Дарик знал, что больше никогда не вернется сюда, не для него теперь — Орлиное Гнездо, шелестящие листвою леса, пенный морской прибой, дожди, пузырящие поверхность чистых горных озер... Его ждет мир серых однообразных многоквартирных монстров, черных асфальтовых дорог, грязных серых сугробов.

Ну и ладно. Ну и пусть. Ведь у него был дом, где ждали его и любили, и большего сейчас Дарик не хотел.

— Ты все-таки любил этот мир? — спросила жена.

— Наверное, — мастер кивнул головой.

Пройдя Врата и оказавшись в своей квартире, он вновь переоделся в серый шерстяной свитер, надел поношенные домашние брюки, сунул ноги в потертые шлепанцы, а сапоги и мантию сжег, выехав за город.

Расставаться — так навсегда. Прощаться — насовсем. Рвать связь — полностью. Еще чуть-чуть — и в этой сказке будет поставлена точка.

— Это конец, да? Все? Больше ничего не было?

— Еще не совсем конец, — сказал Дарик — Думаю, что эта история закончится тем же, чем и началась: звонком Виллема в нашу дверь.

И мастер с женой неожиданно вздрогнули (хотя им казалось, что они к этому готовы), когда по квартире пронеслась переливчатая трель дверного звонка.

ВОЕЙКОВА Вера Николаевна (урожд. Львова; 1792 — 1873) авт. воспоминаний.

Дочь архитектора и поэта Н. А. Львова. Племянница Дарьи Алексеевны Державиной, жены поэта, в семье которой получила воспитание. Мать М. А. Поленовой (см). Жена правит. секр. военной канц. А. В. Воейкова. Авт. мемуаров «Воспоминания В. Н. Воейковой» (СПб., 1903). Воспоминания касаются отношений ее мужа с членом Гос. совета М. М. Сперанским и участием мужа в Отеч. войне.

Венгеров. Источ.; ИДРДВ. Т. 2. Ч. 1. № 544.

ВОЕЙКОВА Екатерина Ивановна (урожд. гр. Толстая; 1757 — 1824), переводчица.

Участвовала в изданиях Н. И. Новикова. В частности, пер. с франц. «нравоучительную сказочку» «Луцилия или Арендарка маленького домика». М., 1781.

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.; Сводный каталог.

ВОЕЙКОВА Мария Степановна (урожд. Стромилова; ? — 1904), авт. воспоминаний.

Дальняя родств. Л. Н. Толстого. жена П. П. Воейкова. «Воспоминания: 1840-1860-е гг.». — ЛН. 1961. Т. 69. Кн. 2. С. 7-14.

ИДРДВ. Т. 5. Ч. 1. № 400, 406.

ВОИНОВА М. С., авт. воспоминаний.

Работница. «Сарай». — В кн. За сто лет, 1840-1940: К столетию Ленингр. гос. бум. ф-ки им. Володарского. Л., 1940. С. 95-97.

ИДРДВ. Т. 4. Ч. 2. № 3884.

ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКАЯ Магдалина Измаиловна, драматург.

Венгеров. Источ.

ВОЙНОВА, переводчица.

Вместе с Алабовой (см) пер. с нем. «Михель, история немца нашего времени», одно из лучших произведений нем. писателя и публициста Иоганна Шерра (М., 1873).

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

ВОЙТИНСКАЯ Надежда Савельевна (1886 — 1965), литератор, переводчица.

Личн. арх. фонды. З.

ВОЙТИНСКАЯ-ХВОСТЕНКО Александра Я., авт. воспоминаний.

Родственница художницы, искусствоведа и переводчицы Войтинской-Нелидовой Н. С. Ее воспоминания — в журн. «Искусство», 1971. № 10. С. 67-68, илл.; «Из жизни скульптора И. Я. Гинцбурга». — «Искусство», 1968. № 3. С. 61-65.

ИДРДВ. Т. 4. Ч. 3. № 6710, 6996.

ВОЙТКЕВИЧ-КРЖИЖАНОВСКАЯ Мария (1887 — ?), авт. воспоминаний.

«О себе он не думал». — «О Ф. Э. Дзержинском: Воспоминания, ст., очерки современников. М., 1977. С. 56-57. То же в кн. «Рыцарь революции» М., 1967.

ИДРДВ. Т. 4. Ч. 2. № 2637, 2639.

ВОЛГИНА К., авт. воспоминаний.

«На Пресне». — В кн.: «Красная Пресня: Сб. повс. дек. восстанию, 1905-1920. М., 1920. и «Красная Пресня в 1905-17 гг.» М., 1930. С. 214-215.

ИДРДВ. Т. 4. Ч. 2. № 3466, 3467.

ВОЛЖЕНСКАЯ Е. Я.

Была в СПб. издательницей кн. В. В. Берви-Флеровского «Исследование по текущим вопросам» (1872). Издание «чайковцев». Кн. была запрещена Комитетом министров «за извращение ист. фактов с целью возбудить недоверие и ненависть к существующим образам правления и даже к христианству». Уничтожено 2566 экз. книги. См.: «Книга». Сб. 31. С. 133.

ВОЛИНА, поэтесса.

Сотр. «Образования» (1909).

Венгеров. Источ.

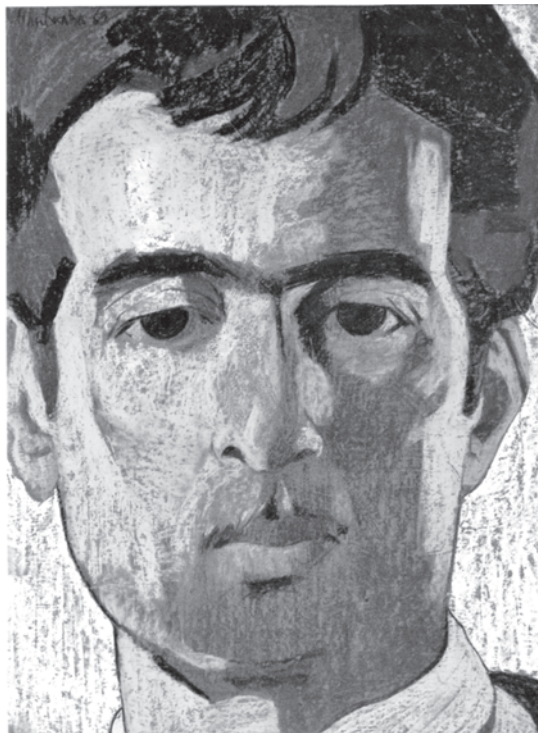
(Продолжение в следующем номере)

Спасибо, Гиви!

Подарок, полученный по почте, скучновато называется «каталогом музейной коллекции». А на самом-то деле это праздничный, завораживающе-притягательный и всегда новый, знакомый и незнакомый мне мир художника Гиви Манткавы.

...Невысокий грузин, худощавый и легкий, напоминающий горца, появился в Южно-Сахалинске в середине прошлого века. Когда я с новеньким дипломом факультета журналистики десять лет спустя присоединилась к числу островитян, выпускник факультета живописи Грузинской Академии художеств Гиви Манткава был уже здесь если не знаменит, то хорошо известен. Правда, местные чиновники от культуры последовательно исповедовали метод социалистического реализма, молодой же художник увлекался презренным модерном, недозволенным постимпрессионизмом... И тем не менее через его мастерскую проходили экскурсионные маршруты самых почетных гостей острова: а пусть-де знают, что и мы не лыком шиты!

С Гиви я встречалась редко и всегда робела перед его талантом... Что ж, в открытое море мы выходили еще реже, но это не мешало ему — морю — незримо, неминуемо присутствовать в нас, ибо без



Автопортрет. 1959 г.
Картон, пастель

него просто не было Сахалина. Без Манткавы Сахалина тоже не было.

...Свою знаменитую «Юколу» он написал в 1965-м. Сахалинцам не надо объяснять значение этого слова, так нивхи и другие коренные народности Дальнего Востока называют вяленную на солнце рыбу. «Юкола» — одна из моих любимых работ. Тушки подкопченной красной горбуши на шестах, как языки пламени на ослепляющем солнечно-желтом фоне. Две темные женские фигуры на первом плане, их завораживающая плавность, мягкость, естественная грация, неподражаемая органика детей природы... Специалисты усматривают в работе и ее сияющих насыщенных красках (весьма далеких, правду сказать, от более скромной северосахалинской палитры) «живописный символизм» Гогена. Меня же в этой работе притягивает поэтичность и неразгаданная загадка Востока...

Другая сценка из жизни аборигенов напоминает встреченного когда-то на стылом морском берегу старика-нивха. Он ладил такую же

старую лодку и на вполне сносном русском языке объяснил, почему нивхам выгодно объединяться в колхоз: один человек — это ничто, это «сырое сырье». А много рыбы может добыть только много людей. Похоже, он навсегда остался где-то там, в советских тридцатых...

Этого старика мне напомнил герой «Тузлука», написанного двадцать лет спустя после «Юколы». Ни яркости и праздничности, ни декоративности ранних нивхских полотен. Тихая драма не быта — бытия. Старик-нивх размещивает в круглой посудине тузлук, спиной к нему — молодая пара, занятая обработкой рыбы. Вдруг что-то заставляет ее обернуться. Звук? Скрип открываемой двери? Кто-то вошел? Может быть, это зритель, ненароком оказавшийся по ту сторону четвертой стены? В раскосых глазах молодой женщины — вопрос, старик же по-прежнему отрешенно невозмутим. Его движения размеренны и непрерывны — день за днем, осень за осенью, год за годом, век за веком... Неизменность и обреченность.

Художественная выставка 1973 года. Финал нивхской сюиты. В зале — оживление, перед большим (160 на 186) полотном «Нивхские лучники» не убывает толпа. От картины веет свежестью и силой, острым запахом снега и моря. Это гвоздь программы. Группа первого плана — нивхские стрелки в меховых унтах и национальных одеждах — подлинны былинными богатыри, вооруженные луками и стрелами. Главный герой в боевой позе стрелка, широко расставлены ноги в унтах, свободно подняты руки, вдохновенный взгляд провожает только что выпущенную стрелу... Эпический образ красивого и могучего, вольного хозяина северных просторов. Энергетика «Лучников» чудесным образом передается в зал, где царит возбуждение. Друзья и ценители поздравляют автора... А над его головой уже сгущаются тучи.

Худсовет утверждает работы, достойные представлять творчество сахалинских художников на региональной выставке во Владивостоке. Так и слышу выступление какого-нибудь партийного деятеля: «Нивхи? Прекрасно. Но как же в этой работе отражена руководящая роль коммунистической партии, которая дала забитому и темному народу свободу и счастье?» Сколько их было в нашей жизни — подобных речей и несбывшихся надежд... Вот и «Нивхским лучникам» на очередной региональной выставке 1974 года места не нашлось. Что делать, пик советского застоя. Сахалинцам еще повезло, местные начальники от культуры, слава богу, оказались не столь бдительны, и мы, в отличие от приморцев, успели насладиться.

Между тем Гиви Манткава владел верным, испытанным и опробованным способом завоевать доверие властей, — секретом игры в поддавки. В его «Рыбачке» начала семидесятых маскарад удался полностью! Синеглазая героиня в синем платочке, повязанном на затылке по моде тридцатых годов, стопроцентно отвечала советской традиции. Критика заглотила наживку и последовательно отмечала



Юкола. 1965 г. Оргалит, масло



Нивхские лучники. 1973 г. Холст, масло

«потенциальную действенность», «социально значимый, нацеленный на большое, полезное дело» характер, «волевые черты лица», взгляд, «нацеленный в будущее»,

и в итоге — «прославление чело- века труда». Весь набор штампов, убаюкивающий бдительность любого чиновника. Но в хорошо мне знакомой «Рыбачке» оставалась